

Во многих случаях профессора харьковского университета и совѣтъ входили въ обсужденіе практическихъ вопросовъ мѣстнаго характера. Такъ, профессора Борисякъ и Бекетовъ въ 1864 г. изучали свойства находящихся въ 17 верстахъ отъ Харькова Березовскихъ минеральныхъ водъ, которыя одно время, было, прошумѣли—въ 80-хъ годахъ,—но затѣмъ были заброшены. Проф. Е. Гордѣнко изучалъ славянскія минеральныя воды и одинъ изъ первыхъ далъ имъ химическій анализъ. Проф. Борисякъ лѣтомъ 1864 г., во время командировки въ Новочеркасскъ въ положеніи депутата учебного округа, привелъ въ порядокъ гимназическій минералогическій кабинетъ, а проф. Коссовъ командировкой въ Курскъ воспользовался для осмотра мѣстныхъ заводовъ. Въ 1865 г. (18 дек.) совѣтъ утвердилъ выработанныя медицинскимъ факультетомъ мѣры предосторожности отъ холеры. Въ 1864 г. профессора Леваковский и Борисякъ собирались издавать сборникъ матеріаловъ по геологіи южной Россіи. Совѣтъ въ засѣданіи 3 ноября далъ свое одобреніе. Въ 1876 г. профессора Крыловъ и Станкевичъ входили въ изученіе трихинознаго мяса (засѣд. 24 марта). При устройствѣ водопровода, запрашивались отзывы и мнѣнія профессоровъ—Леваковского, Гурова. Въ дѣлѣ учрежденія новыхъ средне-учебныхъ заведеній, въ дѣлѣ открытія и развитія общества грамотности и другихъ харьковскихъ общественныхъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учреждений профессора харьковского университета играли большую роль. Изъ университетской среды выходила инициатива и отсюда же шла главная поддержка въ общественныхъ предпріятіяхъ въ интересахъ общаго блага.

Въ періодъ времени дѣйствія устава 1863 г. при университетѣ возникъ рядъ ученыхъ обществъ, содѣйствовавшихъ привлеченію къ ученымъ интересамъ мѣстнаго образованнаго общества. Старѣйшее изъ этихъ обществъ—общество испытателей природы, затѣмъ, по времени открытія, идутъ—общество опытныхъ наукъ, общество историко-филологическое и общество математическое. Сверхъ того, при университетѣ уже дѣйствовало въ это время общество пособія нуждающимся студентамъ. Краткіе отчеты ученыхъ обществъ печатались при университетскихъ отчетахъ. Въ дѣлѣ сближенія съ обществомъ и изученія мѣстныхъ условій эти общества сдѣлали много, какъ показываютъ ихъ отчеты, въ частности, отчеты о 25 лѣтней дѣятельности историко-филологическаго общества, изданные въ XIV т. Сборника ист.-фил. общ. 1904 г. Общество опытныхъ наукъ раздѣляется на двѣ сессіи: а) физико-химическую и б) медицинскую. Въ 1882 г. былъ утвержденъ уставъ эпидемиологическаго общества при И. Харьк.

университетѣ, цѣлью котораго поставлено изученіе инфекціонныхъ и паразитныхъ болѣзней. Уставъ этотъ напечатанъ въ Запискахъ Имп. Харьк. Унив. 1882 г. кн. I.

Университетъ всегда вызывалъ въ мѣстномъ обществѣ, особенно среди профессоровъ и питомцевъ, готовность послужить ему, въ видѣ пожертвованій на стипендіи, пожертвованій книгами, коллекціями картинъ. Въ особенноти выдаются въ этомъ отношеніи цѣнныя и многократныя приношенія П. Е. Беукаго¹⁾. Еще въ 1857 г. Беукій пожертвовалъ 170 картинъ, въ 1858 г. опять 373 картины, въ 1867 г. снова пять картинъ, большей частью старинныхъ художниковъ; картины пріобрѣтались въ Италіи, и, жертвуя ихъ университету, Беукій живо интересовался вопросомъ о томъ, какъ ими пользуются въ Харьковѣ, и спрашивалъ объ этомъ университетъ²⁾. 17 ноябрю 1864 г. совѣтъ заслушалъ заявленіе Дм. Андр. Донца-Захаржевскаго о готовности его пожертвовать университету коллекцію насѣкомыхъ въ 20 тыс. экз.³⁾. Въ 1873 году музей изящныхъ искусствъ обогатился большимъ художественнымъ собраніемъ, пожертвованнымъ по завѣщанію умершимъ въ Боннѣ любителемъ искусствъ А. Н. Алферовымъ, бывшимъ студентомъ харьковскаго университета. Собраніе это, оцѣненное за границей въ 13,000 талеровъ, состоитъ изъ 50 картинъ, писанныхъ масляными красками, 4 папокъ съ 316 акварелями и рисунками XVIII и XIX ст., обширнаго собранія (до 800) гравюръ, старыхъ и новыхъ, и изъ библіотеки Алферова болѣе 500 назв. книгъ, изъ которыхъ около 200 относится къ искусству. Картины описаны въ каталогѣ, составленномъ хранителемъ музея Гр. Серг. Чириковымъ. Въ 1879 г. поступилъ въ харьковскій университетъ архивъ бывшей малороссійской коллегіи, заключающій въ себѣ до 30 тыс. дѣлъ XVII и XVIII ст., важный для внутренней исторіи южно-русскаго края. Вопросъ о перенесеніи этого архива изъ Чернигова, гдѣ онъ хранился при губернскомъ правленіи, въ Харьковъ былъ поднятъ П. С. Ефименкомъ въ засѣданіи харьковскаго историко-филологическаго общества 19 сент. 1879 г. Общество вошло съ просьбой въ совѣтъ, который и возбуждалъ соответствующее ходатайство, при чемъ общество на перевозку архива ассигновало почти всѣ свои наличныя средства—245 р. При ближайшемъ участіи Ефименка и Потебни архивъ былъ доставленъ въ Харьковъ въ 80 тюкахъ, въ общей сложности до 600 пудовъ вѣса, и постепенно былъ разобранъ и описанъ. Подъ названіемъ Истори-

1) Подроб. въ ст. проф. Е. К. Рѣдина: «П. Е. Беукій».

2) Дѣло арх. м. н. пр. 1868 № 145112/3149.

3) Проток. сов. 1864 г. ноября 17.

ческаго архива онъ составилъ цѣнное достояніе университета и съ теченіемъ времени обогатился многими приращеніями. Богатымъ матеріаломъ Историческаго архива пользовались многіе ученые, мѣстные и иногородные, преимущественно проф. Багалъй, Плюхинскій, Альбовскій, П. Ефименко, Радакова. Въ 1863 г. проживавшій за границей по болѣзни проф. Калениченко писалъ совѣту: «Будучи вполне обязанъ харьковскому университету за мое образованіе и то благосостояніе, которымъ я нынѣ пользуюсь, я сохранию это высокое чувство моей глубокой благодарности на всю мою жизнь и буду считать себя вполне счастливымъ за тѣ пріятныя впечатлѣнія, которыя меня не покидали въ теченіе всей моей университетской жизни. Въ это лучшее время моей дѣятельности и научныхъ занятій я составилъ довольно порядочную бібліотеку по медицинскимъ и естественнымъ наукамъ. Все это мое научное сокровище приношу на пользу университета. Если между моими книгами окажутся сочиненія, уже имѣющіяся въ университетской бібліотекѣ, то прошу обратить ихъ въ пользу студенческой бібліотеки. Если возвращусь въ Харьковъ, по возстановленіи здоровья, буду имѣть честь лично всѣ книги препроводить въ университетъ; если же я останусь на вѣчныя времена на французской почвѣ, то мои наслѣдники исполнять мое душевное желаніе. Моя бібліотека, по счетамъ моимъ, стоитъ болѣе 7000 руб.» (Проток. засѣд. сов. 3 дек. 1863 г.). Книги поступили въ бібліотеку и расписаны были по соответствующимъ отдѣламъ. Въ 1864 г. ъ. профессоръ харьковскаго университета Свиридовъ обратился въ совѣтъ съ письмомъ такого содержанія. «Полный глубокой признательности къ университету, въ которомъ я получилъ окончательное образованіе и въ которомъ потомъ былъ профессоромъ, приношу въ даръ для бібліотеки оного 458 экз. медицинскихъ книгъ. Если нѣкоторыя изъ нихъ окажутся дублетами, то покорнѣйше прошу передать ихъ въ будущій Одесскій университетъ». По осмотру, дублетовъ оказалось 409. 49 названій поступило въ бібліотеку Харьк. университета ¹⁾. И многіе другіе профессора дѣлали посильныя пожертвованія, напр.: Рославскій-Петровскій собралъ свои статьи и подарилъ ихъ университетской бібліотекѣ, Борисякъ дѣлалъ приношенія по геологіи и ботаникѣ, Черняевъ по ботаникѣ и т. д.

Въ исторіи университетовъ въ періодъ дѣйствія устава 1863 г. нельзя умолчать о враждѣ партій и о главныхъ ихъ представителяхъ, такъ какъ многое освѣщается отъ разъясненія этой стороны старой университетской жизни. Вражда партій была оборотной стороной по-

¹⁾ Проток. 2 сент. 1864 г.

лусвободнаго стараго университета; она портила характеры, подрывала физическія силы и по временамъ приводила къ рѣшеніямъ, не согласованнымъ съ интересами учрежденія. Въ бо-ые годы совѣтъ былъ наполненъ явной и тайной враждой Д. И. Каченовскаго и П. А. Лавровскаго. Оба борца, нынѣ покойные, были сильные люди и по глубинѣ ума, широтѣ образованія и діалектической ловкости не уступали другъ другу. Каченовскій былъ крайній западникъ. Лавровскій склонялся нѣсколько къ славянофильству, но славянофиломъ не былъ. На сторонѣ Каченовскаго было болѣе идеализма; онъ ближе стоялъ къ прогрессивнымъ теченіямъ того времени, и потому университетскія традиціи болѣе склонялись на его сторону; но, въ интересахъ справедливости, нужно отмѣтить, что онъ былъ часто рѣзокъ, что наступленіе исходило большей частью съ его стороны и примѣнялось иногда безъ достаточнаго основанія, или переносилось съ личности на ни въ чемъ неповинные предметы университетскаго преподаванія, какъ было, напр., въ ожесточенныхъ спорахъ о введеніи въ магистерскій экзаменъ по русской исторіи требованій по исторіи славянства. Удары Каченовскаго иногда были мѣткі. Такъ было, напр., при избраніи Надлера въ за сѣданіи совѣта 20 октября 1864 г. въ доценты университета по кафедрѣ всеобщей исторіи. В. К. Надлеръ былъ женатъ на родственницѣ бр. Лавровскихъ, при чемъ во время баллотировки въ факультетѣ въ числѣ четырехъ его членовъ присутствовали оба брата Лавровскіе. Послѣ выбора Надлера въ совѣтъ Каченовскій представилъ въ за сѣданіе совѣта 20 октября мотивированное мнѣніе о необходимости устраненія изъ университета всего того, что могло бы вызывать подозрѣніе въ nepотизмѣ и вызывать въ обществѣ нареканія. Находя въ отношеніи къ Надлеру всѣ формальности избранія соблюденными, Каченовскій высказалъ сожалѣніе, что рецензія на диссертацию Надлера написана «доцентомъ филологіи» (имя рецензента Потебни вездѣ умолчано), а не специалистомъ по предмету, напр., Петровымъ или Рославскимъ-Петровскимъ. Въ заключеніе своего мнѣнія Каченовскій говоритъ: «Читая диссертацию, я не нашелъ въ ней именно тѣхъ качествъ, на которыя указываетъ здѣшній рецензентъ. Самое содержаніе книги показалось мнѣ скорѣе богословскимъ, чѣмъ историческимъ. По духу она напомнила мнѣ памфлеты, написанныя во времена, давно прошедшія, когда ученые поддерживали еще перомъ религіозную и національную вражду человѣческихъ обществъ. Смѣю думать, что и Надлеръ пользовался односторонними указаніями на литературныя пособія: иначе онъ навѣрное высказалъ бы больше терпимости къ другимъ народамъ, больше безпристрастія въ оцѣнкѣ эпохи и главныхъ лицъ, больше осторожности и правильности въ су-

жденіяхъ объ учрежденіяхъ въ Западной Европѣ. Безъ этихъ качествъ трудно сдѣлаться историкомъ, равно какъ и безъ умственной свободы. Я могъ бы привести доказательства и мѣста изъ диссертациі въ пользу моего отзыва, но, строго слѣдуя примѣру здѣшняго рецензента, воздерживаюсь отъ того, отъ чего онъ удержался. Кажется, наши отзывы въ этомъ дѣлѣ имѣютъ слабый авторитетъ: между юристами попадаетъ очень мало историковъ; между филологами—не больше». Мнѣніе Каченовскаго многихъ задѣвало. Съ большимъ, въ 18 печатныхъ страницъ, возраженіемъ выступилъ проф. Н. А. Лавровскій. Онъ здѣсь доказываетъ не только возможность, но и обязанность, по присягѣ и по закону, участвовать въ дѣлахъ, связанныхъ съ избраніемъ родственниковъ; пытается также доказать, что Надлеръ выполнѣ правильно выдвинулъ церковно-историческій элементъ и находитъ, что терминъ богословскій неуѣстенъ. И въ факультетѣ П. А. Лавровскій былъ грозной силой. Такъ, онъ не пропустилъ первой докторской диссертациі Потебни о мѣиическихъ обрядахъ. Въ чтеніяхъ моск. общ. ист. и древ. рос. онъ помѣстилъ весьма обширную и суровую рецензію, что стояло въ прямомъ противорѣчій съ тѣмъ сочувствіемъ и съ той серьезной поддержкой, какія обнаружилъ Лавровскій при вступленіи Потебни на ученое поприще и при разборѣ его магистерской диссертациі о символахъ. Тотъ же П. А. Лавровскій въ засѣданіи совѣта 10 октября 1868 г. далъ очень суровый отзывъ о сборникѣ историческихъ статей проф. Петрова, какъ о легкихъ компиляціяхъ, которые не заходятъ далѣе одного, много двухъ иностранныхъ сочиненій. Лавровскій находилъ перепечатку ихъ на казенный счетъ, о чемъ просилъ Петровъ, совѣмъ бесполезной и ненужной. Суровость эта объясняется отчасти тѣмъ, что Петровъ перешелъ на сторону Каченовскаго, который и вмѣшался въ это дѣло, указавъ въ особомъ письменномъ заявленіи на то, что проф. Лавровскій недавно, въ 1863 г., просилъ университетъ выдать ему пособіе на оттиски его сочиненія о св. Кириллѣ и Меѳодіи. Въ обширномъ разъясненіи, представленномъ въ совѣтъ 3 декабря 1868 г., Лавровскій опровергалъ выдвинутую Каченовскимъ аналогію, съ рѣзкими замѣчаніями по адресу какъ Петрова, такъ и Каченовскаго. Вообще, борьба въ совѣтѣ между Каченовскимъ и П. Лавровскимъ проходитъ красной нитью въ дѣлахъ совѣта въ бо-ые годы. Въ 70-ые годы ожесточенная борьба шла между медицинскимъ факультетомъ и его членомъ проф. Кремянскимъ и была даже поднятъ вопросъ объ удаленіи послѣдняго ради успокоенія университета, въ пользу чего высказался и попечитель Максимовскій. Въ медицинскомъ факультетѣ въ 1868 г. возникло громкое дѣло о профессорѣ Н. Л. Залѣскомъ, по вопросу о подготовленности

его къ преподаванію гігіены, медицинской полиціи и токсикологіи. Медицинскій факультетъ раздѣлился на двѣ равныя части. Одна часть, съ проф. Хронщевскимъ во главѣ, утверждала, что Залѣсскій можетъ съ успѣхомъ преподавать всѣ эти предметы. Другая, съ проф. Грубе и проф. Питра I во главѣ, стояли за раздѣленіе предметовъ и порученіе Залѣсскому преподаванія лишь одной токсикологіи, къ которой онъ спеціально готовился за границей. Два главныхъ противника — Хронщевскій и Грубе — оба люди сильные въ наукѣ — представили письменные отзывы. Кромѣ того, въ пользу д-ра Залѣскаго письменно высказались профессеры Бекетовъ, Лашкевичъ, Сокальскій и Лазаревичъ. II Хронщевскій, и Грубе одинаково ссылались на авторитетъ Вирхова. Въ запискахъ того и другого, приложенныхъ къ протоколамъ совѣта 6 и 20 февраля 1868 г., находятся цѣнныя данныя, какъ для біографіи этихъ выдающихся профессоровъ, такъ и для характеристики положенія медицинской науки того времени въ университетахъ вообще, въ русскихъ — въ особенности. Историко-филологическій факультетъ въ началѣ 1880-хъ годовъ, т. е. наканунѣ введенія устава 1884 г., дѣлился на двѣ почти равномѣрныхъ по числу членовъ партіи, что вредно отражалось на ходѣ дѣлъ, въ особенности на положеніи доцентовъ, которое опредѣлялось иногда соображеніями и опасеніями партійнаго характера, и для однихъ отражалось въ неожиданныхъ щедротахъ, для другихъ — въ прямомъ гоненіи. На одной сторонѣ, сравнительно болѣе молодой, былъ научный авторитетъ, на другой — состоявшей большей частью изъ старыхъ профессоровъ — численное превосходство, внѣшняя административная поддержка и дипломатическая ловкость руководителя декана. Вражда университетскихъ партій и отдѣльных лицъ иногда выходила за предѣлы университета на страницы печати, мѣстной и столичной, напр., въ видѣ корреспонденціи проф. Даневскаго, полемики между проф. Дриновымъ и проф. Надлеромъ по болгарскому вопросу и т. д.

3-я глава.

Студенты. Инспекція.

Уставъ 1863 года, дававшій большія права совѣту, въ то же время сильно урѣзывалъ студенчество. Ранними уставами (1804 и 1835 годовъ) не запрещались ни студенческія ассоціаціи, ни особенныя

студенческія библіотеки, читальни, вспомогательныя и ссудныя кассы и т. п. учрежденія. Все это категорически вычеркивалось уставомъ 1863 г. и министерскимъ разъясненіемъ того же года. Въ харьковскомъ университетѣ были студенческая библіотека, находившаяся съ 1860-г. съ разрѣшенія попечителя Д. С. Левшина въ завѣдываніи самихъ студентовъ, и студенческая касса. Въ библіотекѣ, ко времени ея закрытія и передачи въ фундаментальную библіотеку, было до 2245 названій, въ кассѣ—358 р. 77 к. Харьковскіе студенты возбудили ходатайство объ открытіи библіотеки и кассы внѣ университета, подъ вѣдѣніемъ гражданскаго начальства. Министерство внутреннихъ дѣлъ отказало; но министерство народнаго просвѣщенія, въ лицѣ министра А. В. Головнина, высказало по этому поводу особое мнѣніе. Головнинъ въ своемъ отношеніи къ министру внутреннихъ дѣлъ Валуеву находилъ, что уставъ 1863 г. «не имѣлъ въ виду безусловнаго запрещенія вспомогательныхъ кассъ, но и не признавалъ возможнымъ наложить на профессоровъ обязанность наблюденія за оными.... Обязанность эта слишкомъ отвлекала бы профессоровъ отъ ихъ ученыхъ занятій». По мнѣнію Головнина, студенческія кассы, читальни и библіотеки приносятъ извѣстную долю пользы, пока не отклоняются отъ своего прямого назначенія; при этомъ министръ ссылается на Высочайше утвержденныя 21 февр. 1834 г. правила для студентовъ Дерптскаго университета, гдѣ прямо выражено дозволеніе студентамъ соединяться въ частныя отдѣльныя общества, имѣющія цѣлью умственныхъ занятія и пріятное препровожденіе времени, и допущеніе ихъ по уставу 1863 года министръ считалъ возможнымъ въ помѣщеніи университета, при согласіи совѣта и попечителя. «Что касается до мысли, говоритъ Головнинъ, чтобы воспользоваться настоящимъ вопросомъ, возбужденнымъ харьковскими студентами, чтобы воспретить теперь же образованіе вспомогательныхъ студенческихъ кассъ и во всѣхъ другихъ университетскихъ городахъ, то я не думаю, чтобы эта мѣра была справедлива и полезна. Если по существующимъ постановленіямъ учрежденіе такихъ кассъ дозволяется чиновникамъ, купцамъ и ремесленникамъ, то почему же оно должно быть безусловно запрещено студентамъ, которые не менѣе другихъ лицъ въ нихъ нуждаются. Студенческія вспомогательныя кассы, говоритъ далѣе министръ, сами по себѣ не только не вредны, но несомнѣнно полезны, если не отклоняются отъ прямой своей цѣли. Вредъ происходитъ не отъ кассъ, а отъ употребленія ихъ во зло». По поводу мнѣнія Валуева, что вспомогательныя кассы могутъ вести къ студенческимъ ассоціаціямъ, Головнинъ замѣчаетъ, что подобныхъ ассоціацій избѣжать невозможно. Тамъ, гдѣ находится нѣсколько сотъ

молодыхъ людей, замѣчаетъ министръ, одинаковаго возраста, преданныхъ одинаковымъ занятіямъ и ведущихъ одинаковый образъ жизни, необходимо является между ними нѣкоторая общность интересовъ и убѣжденій и образуются болѣе или менѣе тѣсныя кружки или ассоціаціи. Запрещеніе ассоціацій и всего, что служитъ къ нимъ поводомъ, не можетъ ихъ устранить. Слѣдствіемъ запрещеній болышей частью бываетъ то, что ассоціаціи изъ явныхъ, открытыхъ для контроля общественнаго мнѣнія и доступныхъ надзору, превращаются въ тайныя, приобрѣтають черезъ это особенную привлекательную силу для молодыхъ людей и, благодаря окружающему ихъ мраку, могутъ безпрепятственно развиваться въ предосудительномъ и даже преступномъ направленіи»¹⁾. Въ практическомъ приложеніи къ Харьковскому университету вопросъ о студенческихъ учрежденіяхъ былъ разрѣшенъ отрицательно, и не дано было имъ мѣста ни въ университетѣ, ни внѣ его.

Заботы совѣта простирались и на поступающихъ въ университетъ, въ интересахъ ихъ ученой подготовки, иногда въ интересахъ справедливости, предъявленія имъ одинаковыхъ требованій. Въ 70-хъ годахъ окончившіе курсъ въ гимназіяхъ должны были при поступленіи въ университетъ подвергаться дополнительнымъ испытаніямъ по нѣкоторымъ предметамъ. Между тѣмъ, совѣтъ въ засѣданіи 6 октября 1870 г., по просьбѣ проф. В. И. Шерця, согласился принять въ число студентовъ Харьковскаго университета его меньшого брата Ричарда Шерця на основаніи австрійскаго гимназическаго аттестата зрѣлости. Проф. Шимковъ, Каченовскій, Сокальскій и Стояновъ подали возраженіе, въ которомъ указывали, что если для западныхъ славянъ дѣлать такую льготу, то почему же подвергать тогда дополнительному испытанію русскихъ гимназистовъ. Если даже допустить, говорилось въ этомъ заявленіи, что всѣ западные славяне изучаютъ русскій языкъ съ необыкновенною легкостью и быстротою, то во всякомъ случаѣ они не проходятъ въ австрійскихъ гимназіяхъ русской литературы, русской исторіи и русской географіи въ томъ видѣ и объемѣ, въ какомъ эти предметы читаются въ нашихъ гимназіяхъ».

Въ 1870 г., 3 марта, совѣтъ входилъ въ обсужденіе вопроса объ обязательности посѣщенія лекцій для студентовъ. «Сознавая всю важность этого вопроса, говорится по этому поводу въ протоколѣ, большинство членовъ совѣта, по внимательномъ и всестороннемъ его обсужденіи, признало не соотвѣтствующими назначенію университета и крайне неудобными на практикѣ всякія принудительныя мѣры къ посѣщенію

¹⁾ Дѣло арх. м. н. п. 1863. № 140780/8308.

студентами лекцій». Главная и основная причина, заставляющая студентов посещать лекции, состоитъ въ томъ, что они смотрятъ на лекции какъ на источникъ иногда незамѣнимыхъ знаній, пріобрѣтеніе которыхъ необходимо для полученія выпускного свидѣтельства, и, слѣдовательно, имѣютъ достаточно побужденій бывать на лекціяхъ, такъ что дисциплинарныя взысканія не могутъ поднять лекцій, какъ видно на примѣрѣ западноевропейскихъ университетовъ, видно отчасти изъ неудачныхъ опытовъ въ русскихъ университетахъ. Стѣснительныя правила поставили бы совѣтъ въ ложное положеніе, при невозможности исполнять ихъ въ точности. Мнѣніе большинства сопровождалось приложеніемъ правилъ въ 7 §§, въ которыхъ приводятся положенія, что преподаватели обязаны изложить въ своихъ лекціяхъ полный курсъ, въ объемѣ утвержденныхъ факультетомъ программъ, а студенты выдержатъ по нимъ положенныя испытанія. Большинство состояло изъ проф. Деллена, который, повидимому, былъ главнымъ редакторомъ этого мнѣнія, и Кремянскаго, Лашкевича, Лебедева, Стоянова, Степанова, Шимкова, Вагнера, Гарницкаго, Лазаревича, Питра 2, Масловскаго, Бекетова, Лямбль, Грубе, Каченовскаго, Щелкова и Черная. Меньшинство, состоявшее изъ Надлера, Тихоновича, Федоренка, Станкевича, Лавровскаго, Палюмбецкаго и Кочетова, соглашаясь съ большинствомъ о бесполезности въ данномъ случаѣ примѣненія принудительныхъ мѣръ и указывая на то, что посещение лекцій и успѣшность студентовъ стали значительно выше послѣ отмены переклички студентовъ, находило въ то же время, что, по смыслу устава, посещение лекцій составляетъ обязанность студентовъ. Меньшинство находило совершенно неудобнымъ и неосновательнымъ, чтобы студенты смотрѣли на посещение лекцій лишь какъ на свое право, не связывая его съ обязанностями, и желало прямого указанія и внесенія въ правила, что посещение лекцій обязательно, а для стипендіатовъ должно служить непрѣмнымъ условіемъ для полученія стипендіи.

Въ засѣданіи совѣта 21 апрѣля 1870 г. дебатировался интересный вопросъ о студенческихъ бракахъ. Возникъ онъ по инициативѣ новороссійскаго университета, который большинствомъ 11 противъ 6 голосовъ, высказался за недозволеніе, и переданъ былъ министерствомъ въ другіе университеты для отзывовъ. Большинство профессоровъ новороссійскаго университета находило, что университетъ долженъ опекать молодежь и не допускать браковъ студентовъ, на томъ основаніи, что семейная жизнь мѣшаетъ студентамъ заниматься науками, отягощаетъ ихъ матеріальное положеніе и затрудняетъ надзоръ за ними. Постановленіе совѣта харьковскаго университета гораздо проще и раціональнѣе.

Выражено оно въ протоколѣ такъ: «При обсужденіи настоящаго предложенія совѣтъ принялъ во вниманіе: 1) что нѣтъ закона, который запрещалъ бы принимать въ число студентовъ лицъ женатыхъ, и что поэтому брачное состояніе легально не можетъ быть признано несомнѣннымъ съ званіемъ студента; 2) что студенты не состоятъ на службѣ при университетѣ, а потому вступленіе ихъ въ бракъ не требуетъ разрѣшенія со стороны университетскаго начальства; 3) что если есть примѣры того, что лица, рано вступившія въ бракъ, дѣлаются жертвою разныхъ житейскихъ неудобствъ и лишеній, то гораздо болѣе встрѣчается примѣровъ гибели молодыхъ людей вслѣдствіе безпорядочной холостой жизни и вступленія въ связи, не дозволенные ни закономъ, ни церковью; 4) что университетъ не есть закрытое воспитательное заведеніе, и студенты въ своихъ отношеній къ университету подчинены общимъ установленіямъ, и что поэтому не можетъ быть рѣчи объ отвѣтственности университета предъ родителями ихъ и предъ обществомъ за вступленіе студентовъ въ законный бракъ. На основаніи всего этого совѣтъ рѣшилъ, что вступленіе студентовъ въ бракъ не касается ихъ отношеній къ университету, не подлежитъ вѣдѣнію университетскаго начальства и нѣтъ никакого законнаго основанія лишать стипендіи женатыхъ студентовъ. Относительно надзора совѣтъ также не хотѣлъ, чтобы женатые студенты не могли быть подчиняемы тѣмъ же правиламъ объ обязанностяхъ учащихся и о порядкѣ въ университетѣ, которыя указаны въ § 42 университетскаго устава, и которымъ должны подчиняться всѣ студенты безразлично.

Вопросы объ усиленіи занятій студентовъ, привлеченія ихъ къ лекціямъ и въ особенности къ практическимъ занятіямъ постоянно занимали совѣтъ, факультеты и въ особенности министерство народнаго просвѣщенія. Министерство настойчиво рекомендовало и требовало усиленія практическихъ занятій и заставляло совѣты входить въ подробное обсужденіе наилучшей ихъ постановки; красной нитью въ этихъ требованіяхъ проходятъ не собственно научныя, а чисто дисциплинарныя начала и, главное, въ сторонѣ остается всегда самое существенное и совершенно необходимое въ дѣлѣ подъема занятій студентовъ—увеличеніе ассигновокъ на расширеніе университетскихъ зданій, увеличеніе числа аудиторій, на лабораторіи, музеи, бібліотеку, вообще учебно-вспомогательныя средства. Совѣтъ постоянно обращался къ этимъ способамъ и настоятельно просилъ объ ихъ осуществленіи, но разъ дѣло касалось увеличенія средствъ,—то ходатайства, просьбы, проекты или оставались безъ отвѣта, или передаваемы были на разсмотрѣніе всѣхъ другихъ университетовъ, разныхъ комиссій, и вмѣсто скорѣй-

шаго и радикальнаго улучшенія дѣла получались лишь новыя напоминанія, имѣвшія иногда характеръ укора профессорамъ, въ томъ, очевидно, предположеніи, что профессоры независимо отъ помѣщенія, книгъ, приборовъ и всего прочаго, какъ-то могутъ и должны заполнить студентами всѣ аудиторіи и кабинеты, и, не допуская у нихъ излишне свободнаго времени, занять ихъ всѣхъ въ работахъ практическаго характера. Такое возрѣніе на обязанности профессора, по мѣстнымъ харьковскимъ условіямъ исполнѣ невыполнимымъ, создавало для мѣстной профессуры безвыходно тяжелое положеніе.

Крупнымъ недостаткомъ устава 1863 г. было полное отрицаніе студенческихъ корпорацій, немедленно подчеркнутое въ министерскихъ предписаніяхъ и съ чрезвычайной настойчивостью проводимое во всѣ послѣдующіе годы, безъ исключеній хотя бы въ пользу практическихъ занятій. 18 іюня 1863 г. состоялось утвержденіе устава, и черезъ мѣсяць, 20 іюля, послѣдовало циркулярное предложеніе министра народнаго просвѣщенія, въ которомъ находится обязательное предложеніе, чтобы студенты безусловно считались отдѣльными посѣтителями университета, съ запрещеніемъ не только сходовъ или адресовъ, но и театральныхъ представленій, концертовъ, даже курительныхъ комнатъ¹⁾, при чемъ при словѣ «курительныхъ комнатъ» стоитъ «и т. д.», т. е. понятіе корпоративности расширяется до безконечности. При такомъ взглядѣ на корпоративность естественно отпадаютъ мноія формы практическихъ занятій, напримѣръ, ботаническія экскурсіи являются въ сущности преступными «сборищами». А между тѣмъ именно въ это время, въ 1863 г., одинъ изъ лучшихъ профессоровъ харьковскаго университета — Черняевъ — вошелъ въ совѣтъ съ проектомъ введенія практической прикладной ботаники въ видѣ экскурсій студентовъ подъ руководствомъ профессора.

Какъ харьковскій университетъ серьезно отнесся къ вопросу о привлеченіи студентовъ къ практическимъ работамъ, видно изъ того, что уже въ 1864 году имъ съ одобренія попечителя округа и министерства народнаго просвѣщенія, издано было положеніе о контролѣ²⁾, 2 § котораго гласилъ: Практическія занятія студентовъ могутъ состоять: а) въ устномъ изложеніи извѣстныхъ предметовъ науки, приготовленномъ по указаннымъ преподавателемъ руководствамъ; б) въ письменномъ рѣшеніи предложенныхъ преподавателемъ вопросовъ, сдѣланномъ въ его присутствіи; в) въ изученіи и объясненіи источниковъ; г) въ сочиненіяхъ на темы по собственному избранію, или по назначе-

¹⁾ Проток. засѣд. сов. 1863 г. авг. 16.

²⁾ Протоколы сов. 1864 г., февр. 11 и марта 17.

В) нію преподавателя; д) въ бесѣдахъ студентовъ о научныхъ предметахъ подъ руководствомъ преподавателя; е) въ научныхъ опредѣленіяхъ, опытахъ, изслѣдованіяхъ, производимыхъ студентами въ кабинетахъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета». Примѣненіе этихъ способовъ контроля поставлено было въ зависимость отъ опредѣленія факультетовъ по принадлежности, въ зависимости отъ особенности науки, мѣстныхъ и временныхъ условій.

Въ 1868, 1869, 1870 и 1871 г.г., въ связи со студенческими волненіями, выплывалъ вопросъ объ усиленіи занятій студентовъ, въ видѣ ряда предложеній изъ министерства и обсужденій ихъ въ факультетахъ и совѣтѣ. Работавшая при министерствѣ народнаго просвѣщенія коммиссія полагала, что «одно изъ дѣйствительныхъ средствъ къ устраненію въ юношества поплзновеній къ безпорядкамъ есть привлеченіе ихъ къ серьезнымъ занятіямъ». Предлагая усилить строгость переводныхъ испытаній, коммиссія находила желательными практическія занятія примѣнительно къ системѣ англійской, нѣмецкой или французской¹⁾. Запрошенный въ этомъ смыслѣ совѣтъ харьковского университета далъ подробное объясненіе, въ которомъ отмѣтилъ непримѣнимость иностранныхъ примѣровъ къ русскимъ университетамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на постановку практическихъ занятій въ харьковскомъ университетѣ²⁾. Студенты историко-филологическаго факультета, согласно съ этимъ разъясненіемъ, не говоря о необходимыхъ упражненіяхъ по древнимъ языкамъ, знакомились съ науками по первоисточникамъ, по всеобщей исторіи входили въ разборъ существующихъ у насъ руководствъ и исправленія ихъ, по исторіи русскаго языка и литературы писали сочиненія на предложенныя преподавателемъ темы. Дальнѣйшее усиленіе занятій студентовъ историко-филологическаго факультета признано невозможнымъ, по обременительному для студентовъ числу ежедневныхъ лекцій. По физико-математическому факультету практическія занятія признаны были обязательными по всѣмъ опытнымъ наукамъ со второго полугодія перваго курса. По юридическому факультету практическія занятія шли по гражданскому праву и уголовному производству: увеличеніе письменныхъ работъ студентовъ-юристовъ «обременяло бы профессоровъ въ ущербъ ихъ научныхъ занятій и самой успѣшности ихъ преподаванія». На медицинскомъ факультетѣ практическія занятія приурочивались къ описательной анатоміи, гистологіи, фізіологической химіи, состояли въ производствѣ операцій на трупахъ, въ судебно-медицинскихъ изслѣдованіяхъ и въ занятіяхъ въ клиникахъ, при возможности студенты практиче-

¹⁾ Проток. сов. 1870 г. марта 31.

²⁾ Дѣло Арх. м. и. п. 1870 г. № 145311/1898.

ски занимались еще по физиологii, токсикологii и электротерапii: вообще, по мнѣнію совѣта, дальнѣйшее усиленіе на медицинскомъ факультетѣ практическихъ занятій «положительно невозможно». — «Что же касается вообще до усиленія мѣръ привлеченія студентовъ къ научнымъ занятіямъ, говоритъ совѣтъ въ концѣ своего отвѣта министерству, то нельзя не останавливаться на слѣдующихъ соображеніяхъ: принятая въ русскихъ университетахъ система преподаванія едва ли можетъ быть измѣнена до тѣхъ поръ, пока не измѣнится положеніе науки въ нашемъ отечествѣ. Литературы Западной Европы чрезвычайно богаты учебниками и руководствами, которые представляютъ важное пособіе не только для студентовъ, но и для преподавателей, такъ что для профессоровъ въ университетѣ не представляется большой надобности проходить полный обширный курсъ своего предмета. Главное вниманіе ихъ обращено на разработку спорныхъ вопросовъ науки, на изслѣдованіе спеціальныхъ ея задачъ и, между прочимъ, на практическія занятія со студентами. Напротивъ, отъ русскаго профессора требуется прежде всего изложеніе полнаго курса науки, безъ чего, при нынѣшнемъ состояніи нашей ученой и учебной литературы, едва ли можно обойтись. Объемъ этого курса большею частью бываетъ весьма значительный. Далѣе отмѣчена необходимость увеличенія числа доцентовъ и приватъ-доцентовъ, при введеніи обязательныхъ практическихъ занятій, особенно по предметамъ, связаннымъ съ опытомъ и демонстраціями.

4 марта 1871 г. совѣтъ снова далъ отвѣтъ министерству въ томъ же смыслѣ на вопросъ о практическихъ занятіяхъ студентовъ, съ нѣкоторыми подробностями. Такъ, отмѣчено, что по всеобщей исторii, въ видѣ практическихъ занятій, шелъ разборъ учебника Вебера, по русскому языку разбирались отрывки изъ «Исторической христоматіи» Буслаева, по астрономii и геодезii онъ состоялъ въ наблюденіяхъ съ помощью секстанта и теодолита, по зоологii и ботаникѣ—въ опредѣленіи животныхъ и растений, по технической химii—въ техническомъ анализѣ, по агрономii—въ анализѣ почвъ, удобрительныхъ веществъ и т. д. Въ заключеніе совѣтъ даетъ слѣдующій общій отзывъ о значеніи практическихъ занятій въ университетѣ: «Поощряя всѣми мѣрами появленіе спеціальныхъ работъ студентовъ, университетъ считаетъ своимъ долгомъ не упускать изъ виду, что университетскій курсъ есть то время, когда молодому человѣку предоставляются всѣ способы пріобрѣсти основательное и полное образованіе въ извѣстной сферѣ знанія, соотвѣтственно дѣленію университета на факультеты и отдѣленія; ознакомиться отчетливо съ факультетскими предметами; освоиться съ методомъ наукъ и—такимъ образомъ подготовить себя къ будущей самостоятельной

дѣтельности. Преждевременная спеціализація занятій студентовъ, сосредоточеніе ихъ дѣтельности на разработкѣ научныхъ вопросовъ въ той или другой отдѣльной отрасли знаній не только, какъ въ этомъ убѣждаетъ опытъ, можетъ вредить успѣхамъ ихъ общаго факультетскаго образованія, увлекать ихъ въ узкую односторонность, ко вреду, ничѣмъ въ послѣдствіи вознаградимому для ихъ будущей научной дѣтельности»¹⁾).

Когда, въ 1872 г., министерство снова поставило вопросъ объ усиленіи занятій студентовъ, то коммиссія, состоявшая изъ профессоровъ Стоянова, Шимкова, Питры 2, Лавровскаго и Зарубина, а вслѣдъ за ней и совѣтъ въ засѣданіи 11 января 1873 г. единогласно, за исключеніемъ профессора Кремянскаго, заявилъ, что разъясненіе, данное совѣтомъ въ 1871 г., вопросъ этотъ вполне исчерпываетъ и потому, не входя въ новое его обсужденіе, совѣтъ лишь добавилъ слѣдующее общее положеніе: «Несомнѣнно до очевидности, что не только въ Россіи, но и въ странахъ, гдѣ наука давно уже пустила глубокіе корни, не отъ однихъ университетовъ, но и отъ цѣлой совокупности государственныхъ и общественныхъ условій зависитъ полное возвышеніе уровня научнаго развитія студентовъ»²⁾).

Въ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ практическія занятія на историко-филологическомъ факультетѣ шли успѣшно и своимъ чередомъ, насколько это позволяло ограниченное число студентовъ, при множествѣ учебныхъ предметовъ. Въ добавленіе къ тѣмъ даннымъ, которыя отмѣчены въ официальныхъ отчетахъ 1870 и 1871 годовъ, можно присоединить, что съ приглашеніемъ новыхъ профессоровъ—Кирпичникова, Аристова, Дринова—ученныя занятія, въ частности занятія практическія, сильно подвинулись впередъ. Профессоры историко-филологическаго факультета охотно снабжали студентовъ книгами изъ своихъ частныхъ библіотекъ. При добромъ желаніи, можно было многое сдѣлать и многому научиться, слѣдуя указаніямъ и совѣтамъ профессоровъ. Успѣшность студенческихъ ученыхъ занятій въ послѣдующее время, по введеніи устава 1884 г., не поднялась выше, хотя въ послѣдствіи значительно возросли средства для ея развитія, въ видѣ такихъ не бывшихъ ранѣе важныхъ пособій, какъ студенческой отдѣлъ фундаментальной библіотеки, историческаго архива, библіотеки историко-филологическаго общества, общественной библіотеки, библіотеки при кабинетѣ историко-филологическаго общества, открывшихъ для жела-

1) Проток. сов. 1871 г., марта 4.

2) Дѣло арх. м. н. пр. 1873 г. № 145799/3020.

ющихъ широкій просторъ для пользованія книгой, чего не было у студентовъ, работавшихъ въ періодъ времени съ 1867 по 1884 годъ.

Черезъ оба десятилѣтія дѣйствія устава 1863 г. красной нитью проходятъ заботы учебнаго вѣдомства объ устраненіи студенческихъ волненій посредствомъ усиленія мѣръ строгости взысканія за нихъ и въ связи съ тѣмъ постепенный ростъ усиленія инспекціи, выдѣленіе ея въ особое независимое отъ совѣта учрежденіе и постоянныя заботы объ усиленіи занятій студентовъ, въ видѣ цѣлаго ряда запросовъ и напоминаній, не сопровождавшихся, однако, соотвѣтствующимъ усиленіемъ учебно-вспомогательныхъ средствъ. Студенческія волненія начались еще до введенія устава 1863 г. Впервые они появились въ 1858 и 1859 годахъ¹⁾, а въ 1861 г. приняли въ петербургскомъ университетѣ такіе размѣры, что понадобилось временное прекращеніе лекцій. Волненія возникали довольно часто въ разныхъ университетахъ, но первоначально исключительно по внутреннимъ академическимъ поводамъ и безъ предварительнаго уговора, безъ связи между отдѣльными университетами; но въ 1878 г. студенческія волненія возникаютъ сразу въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ, ярко выступаетъ ихъ внутренняя обобщающая организація, ясно привносятся политическія стремленія, и съ этого времени университетская жизнь принимаетъ хронически тревожный характеръ: постоянно всплываютъ печальныя инциденты, а вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ всеобщее взаимное недовѣріе и отчужденность, ослабленіе руководящихъ университетскихъ принциповъ и глубокая внутренняя деморализація.

Въ харьковскомъ университетѣ во время дѣйствія устава 1863 г. были слѣдующіе безпорядки.

Въ ноябрѣ 1864 г. при раздачѣ студентамъ новыхъ правилъ относительно посѣщенія лекцій возникли среди студентовъ недоразумѣнія и состоялась сходка въ аудиторіи, гдѣ должна была быть лекція профессора Каченовскаго. Ректоръ сдѣлалъ соотвѣтствующія разъясненія, и студенты разошлись, не сказавъ ничего оскорбительнаго. Студентъ 3 курса юридическаго факультета Горонескулъ, заявившій ректору, что онъ желаетъ подчиниться правиламъ, но боится взять на себя такія обязательства, которыя не въ состояніи будетъ исполнить, долженъ былъ подать прошеніе объ увольненіи. Донося въ министерство народнаго просвѣщенія о прекращеніи безпорядковъ, попечитель учебнаго округа Фойгтъ замѣчаетъ, что они «не были заранѣе обдуманы и подготовлены; въ нихъ не выказались зачинщики и подстрекатели и,

¹⁾ Записка статсъ-секретаря Делянова 1881 г. въ арх. м. н. пр. за № 157402/4000.

наконецъ, они не имѣли никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ преувеличенныхъ разсказовъ въ городѣ»¹⁾).

Еще болѣе невиннымъ характеромъ отличались студенческія волненія въ февралѣ 1867 г. Причиной ихъ была безтактная и грубая выходка артиста петербургскихъ театровъ Никитина. На одномъ изъ бывшихъ въ Харьковѣ маскарадовъ Никитинъ въ нетрезвомъ видѣ назвалъ нѣсколькихъ студентовъ университета «нигилистами и мальчишками», по поводу какихъ-то ихъ разсужденій о театрѣ. На слѣдующемъ спектаклѣ студенты подняли крикъ «вонъ Никитина»; въ концѣ другого спектакля направились въ числѣ 30 человекъ къ квартирѣ Никитина и потребовали извиненія. Губернаторомъ въ это время былъ генералъ Дурново, сильно не долюбивавшій студентовъ. Студентъ Андріановъ, сынъ донского генерала, былъ высланъ на мѣсто жительства, а студентамъ 3 курса Арцыбашеву, Линтвареву и Одарченку сдѣланы ректоромъ выговоры. Общественное мнѣніе было на сторонѣ обиженной молодежи, отголоскомъ чего служить анонимная замѣтка въ 15 № Харьк. Губ. Вѣдом. 1867 г. подъ заглавіемъ «22 февраля».

Вообще въ половинѣ 60-хъ годовъ отношеніе высшей мѣстной администраціи къ студентамъ было очень строгое, какъ видно, на примѣрѣ, изъ слѣдующаго случая. Въ мартѣ 1869 г. группа подвыпившихъ студентовъ, возвращавшихся изъ ресторана Неринга, подраласъ съ рядовыми Брянскаго полка и остановила ѣхавшую амазонкой даму Литвинову и ея мужа полковника Литвинова, причемъ наговорила имъ что-то обидное. Дѣло объ этомъ было одновременно передано въ университетъ и судебному вѣдомству. Бывшій тогда губернаторъ, генералъ Дурново, заявилъ желаніе, чтобы студенты были уволены изъ университета; но попечитель учебнаго округа Воскресенскій отвѣтилъ, что студенты эти по суду будутъ строго наказаны; въ университетѣ же они ведутъ себя спокойно и безукоризненно и преждевременное ихъ исключеніе можетъ вызвать безпорядки. Тогда Дурново черезъ министра внутреннихъ дѣлъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на немедленное закрытіе ресторана, гдѣ кутили студенты, ссылку трехъ лицъ въ отдаленныя губерніи и отдачу трехъ лицъ подъ строгій секретный надзоръ полиціи. Въ первой группѣ были студенты Линтваревъ и Владиміровъ и окончившій курсъ кандидатъ Кирилловъ²⁾. Въ свое время это была громкая исторія. О ней много говорили въ мѣстномъ обществѣ въ виду прикосновенности къ ней хорошо извѣстной въ тогдашнемъ высшемъ кругу красавицы Литвиновой; но

¹⁾ Дѣло изъ арх. м. н. пр. 1864 г. № 144690/3812.

²⁾ Дѣло № 145200/1698.

въ университетѣ, благодаря осторожности учебнаго начальства, она прошла совершенно спокойно и не вызвала безпорядковъ. Совѣмъ другимъ характеромъ отличаются студенческія волненія конца 1878 г. и начала 1879 г. Тутъ сплелись внѣшнія и внутреннія причины; впервые студенты разныхъ университетовъ вошли въ переписку и соглашеніе и впервые появляется выраженіе «забастовка», въ данный моментъ лишь какъ предположеніе, а главное—въ это время въ студенческія движенія вѣдряется уже соціально-политическая агитація. Внѣшнія возбужденія шли отъ волновавшихся студентовъ петербургскаго и московскаго университетовъ, приглашавшихъ харьковскихъ къ участию и поддержкѣ, и затѣмъ разные обычные въ такихъ случаяхъ слухи изъ Петербурга, принимаемые вполне довѣрчиво; мѣстные возбужденія шли изъ ветеринарнаго института, въ которомъ въ ноябрѣ 1878 года были освистанъ и изгнанъ изъ аудиторіи проф. анатоміи Журавскій, вызвавшій неудовольствіе вечерними репетиціями и разными личными прижимками. Студенты университета поспѣшили заявить о своей солидарности;—въ то время они по многимъ предметамъ слушали лекціи совмѣстно. Составлялись разныя петиціи, которыя начальство не принимало; посылались депутаціи къ попечителю учебнаго округа и губернатору, которыя также не были принимаемы; собираемы были сходки, сначала въ зданіи университета, а затѣмъ и на улицахъ, завершившіяся 14 декабря столкновеніемъ съ казаками, вызвавшимъ чрезвычайное возбужденіе не только среди молодежи, но и среди профессуры и въ обществѣ. Это было первое въ Харьковѣ столкновеніе подобнаго рода. Оно было ярко описано въ корреспонденціи изъ Харькова въ Таганрогскомъ Вѣстникѣ. Совѣтъ, съ одной стороны, обратился къ студентамъ съ успокоительнымъ обращеніемъ, которое доведено было до свѣдѣнія Государя и напечатано при протоколѣ совѣта 2 янв. 1879 г., съ другой,—командировалъ въ Петербургъ ректора для дачи объясненій въ смыслѣ состоявшагося въ совѣтѣ 16 декабря 1878 года постановленія, «въ которомъ совѣтъ, выражая неодолимое негодованіе по поводу образа дѣйствій 14 декабря военныхъ и гражданскихъ властей г. Харькова, прибѣгъ къ заступничеству министра народнаго просвѣщенія передъ Государемъ Императоромъ и просилъ слѣдствія и суда надъ всѣми безусловно, кто съ разныхъ сторонъ участвовалъ въ этомъ дѣлѣ». Профессорамъ потомъ было поставлено въ обвиненіе выраженіе ими «непреодолимаго негодованія», и ректоръ, каковымъ въ то время былъ проф. Питра, въ Петербургѣ не былъ принятъ. Вскорѣ онъ вышелъ въ отставку, а еще ранѣе долженъ былъ покинуть свой постъ попечитель округа Жерве, на мѣсто котораго былъ назначенъ гене-

раль Максимовскій. Что касается студентовъ, виновныхъ въ безпорядкахъ, то 4 студента университета и 2 студента ветеринарнаго института (въ томъ числѣ главный виновникъ Кузнецкій) были посланы въ Архангельскую и Вологодскую губерніи¹⁾.

Въ 1882 году студенческое волненіе вызвано было столкновениемъ трехъ студентовъ съ мѣстнымъ публицистомъ Говорухой-Отрокомъ, на почвѣ рѣзкихъ социальнo-политическихъ разногласій. 17 января по окончаніи студенческаго вечера, около 4 часовъ утра, въ верхней залѣ дворянскаго собранія за однимъ столомъ сидѣлъ издатель Южнаго Края А. А. Іозефовичъ съ женой, сотрудникъ Южнаго Края Говоруха-Отрокъ, профессора Даневскій и Ярошъ, за другимъ—группа студентовъ-распорядителей и за третьимъ—три студента изъ радикальной партіи—Подольскій, Мануйловъ и Самецкій. Подольскій обратился къ Говорухѣ съ крайне оскорбительными выраженіями, обвиняя его въ подлости. Говоруха бросилъ ему въ лицо стаканъ. Затѣмъ послѣдовала безобразная сцена, во время которой легли стаканы, бутылки, тарелки. По докладу проректора, каковымъ въ то время былъ проф. Щелковъ, совѣтъ въ засѣданіи 28 января 1882 года, по большинству голосовъ, уволил изъ университета Подольскаго и Мануйлова и объявилъ строгій выговоръ Самецкому. Но тутъ произошелъ новый скандалъ. Во время засѣданія, воспользовавшись тѣмъ, что швейцаръ подавалъ стулъ для одного изъ членовъ совѣта, произвольно вошли въ залъ засѣданій стипендіатъ для приготовленія къ профессорскому званію кандидатъ физико-математическаго факультета Рейнбогъ, студентъ Мурзаянъ и посторонній слушатель Савичъ. Не обращая вниманія на предложеніе предсѣдателя совѣта (въ то засѣданіе Щелкова), Рейнбогъ началъ читать какую-то бумагу. Нѣкоторые профессора поднялись съ крикомъ—уйдите вонъ! Проректоръ приказалъ позвать служителей. Манифестанты удалились, при чемъ Рейнбогъ, бросивъ бумагу на столъ, сказалъ: «господа, за что такіа оскорбленія; вы, пожалуй, станете бросать чернильницами». Совѣтъ, по большинству голосовъ, постановилъ воспретить виновнымъ входъ въ университетъ и копию съ протокола сообщить прокурору суда для привлеченія ихъ къ отвѣтственности на основаніи общихъ законовъ²⁾.

Въ зависимости отъ развитія студенческихъ безпорядковъ шло усиленіе инспекціи и по числу служащихъ, и по суммѣ вознагражденія, и по расширенію ея правъ и полномочій. Въ годъ введенія устава,

1) Дѣло арх. м. н. пр. за №№ 175235/4764 и протоколы совѣта 1878-1879 г.г.

2) Прот. засѣд. сов. 28 января и 1 февраля 1882 года въ 1 кн. Записокъ Им. Харьк. Унив. 1882 г. стр. 5—17.

инспекція всецѣло зависѣла отъ совѣта. Въ 1863 году въ совѣтѣ обсуждался вопросъ, возложить ли обязанности инспектора на одного изъ членовъ, въ званіи проректора, или на особаго чиновника. Последнее мнѣніе взяло перевѣсъ, и въ должность инспектора было избрано постороннее лицо, сначала въ видѣ временной мѣры, а съ 1864 года въ окончательной формѣ. Въ засѣданіи совѣта 20 августа 1863 года была выработана краткая инструкция для инспектора, утвержденная попечителемъ учебнаго округа. Функции инспекціи въ 1865 г. были усилены, по надзору за студентами-репетиторами, и снова въ совѣтѣ поднятъ былъ вопросъ о проректорѣ. Въ засѣданіи совѣта 16 марта проф. И. П. Сокальскій, вопреки мнѣнію большинства, подалъ особое мнѣніе о преимуществахъ выбора проректора изъ профессоровъ. Выдающіеся университетскіе безпорядки конца 1878 года повели къ чрезвычайно крупнымъ послѣдствіямъ. Министерство народнаго просвѣщенія выработало для университетской инспекціи инструкцію, не стѣсняясь уставомъ, а попечителямъ учебныхъ округовъ вмѣнено было въ обязанность, по соглашенію съ мѣстнымъ генераль-губернаторомъ, измѣнить составъ инспекціи и, по мѣрѣ возможности, усилить ея составъ, съ отнесеніемъ новыхъ расходовъ на спеціальныя средства университетовъ¹⁾. Бывшій тогда попечитель харьковскаго учебнаго округа генераль Максимовскій увеличилъ жалованье инспекціи изъ этого источника на 3800 руб. Совѣтъ университета, по инициативѣ проф. Дитятина, переведеннаго въ началѣ 1879 года изъ Ярославля въ Харьковъ, въ засѣданіи 22 мая 1880 года единогласно представилъ возраженіе. Возникла обширная переписка, окончившаяся въ смыслѣ мнѣнія совѣта. Проф. Дитятинъ въ своемъ докладѣ совѣту указывалъ, что самостоятельное распоряженіе попечителя о смѣтномъ назначеніи измѣняетъ штаты университетской инспекціи, т. е. измѣняетъ существующій законъ, создавая новый. Попечитель округа прислалъ совѣту возраженіе въ духѣ рѣзкаго выговора, при чемъ сдѣлана была выписка изъ предложенія министра народнаго просвѣщенія отъ 26 октября 1879 года, чтобы попечители «не допускали никакого—ни явнаго, ни тайнаго—противодѣйствія со стороны университетскихъ властей и отдѣльных преподавателей, ни университетской инспекціи, ни собственнымъ своимъ распоряженіямъ и требовали, чтобы всѣ университетскія власти и преподаватели оказывали всевозможное содѣйствіе инспекціи». Далѣе буквально прописывалось, что профессора и преподаватели университета должны являться на службу въ формѣ, должны

¹⁾ Протоколъ совѣта 1879 г., 6 сентября.

служить примѣромъ уваженія къ старшимъ и въ особенности къ начальникамъ; при полученіи чина или ордена, по возвращеніи изъ отпуска или командировки должны непременно представляться попечителю лично.... Для формулировки отвѣта попечителю совѣтомъ избрана была коммисія, въ составъ которой вошли профессора Алексѣенко, Дитятинъ, Имшенецкій, Цѣхановецкій, Гаттенбергеръ и Крыловъ. Коммисія эта составила обширный докладъ, который и былъ принятъ совѣтомъ. Въ докладѣ доказывалось основное право университета распоряжаться своими спеціальными средствами, составляющими, по уставу, его неотъемлемую собственность и назначенныхъ служить для развитія ученой дѣятельности. Засѣданіе совѣта состоялось, по случаю отсутствія ректора Пятры подъ предсѣдательствомъ декана медицинскаго факультета Зарубина. Попечитель учебнаго округа писалъ въ министерство, что въ этомъ засѣданіи было всего 18 членовъ; остальные же члены совѣта, явно осуждая тенденціи партіи, будто намѣренно не явились въ засѣданіе; но въ печатномъ протоколѣ значится, что въ засѣданіи было 33 человѣка, для конца мая весьма много, другими словами, совѣтъ почти въ полномъ составѣ. Если признать вѣрнымъ печатный отчетъ о засѣданіи и принять во вниманіе единогласное рѣшеніе совѣта (кромѣ заступ. мѣсто ректора, Зарубина, представившаго особое мнѣніе), то можно сомнѣваться въ основательности замѣчанія попечителя Максимовскаго въ его сообщеніи министру народнаго просвѣщенія, что «особая партія (составъ ея извѣстенъ поголовно) рѣшилась вступить въ явную борьбу за такъ называемыя вольности университета». И тутъ же приводится та мысль, что «участіе университетскаго совѣта въ хозяйствѣ университета совершенно бесполезно». Чтобы удовлетворить настойчивому требованію попечителя о выдѣленіи изъ спеціальныхъ средствъ университета, составившихъ въ 1880 г. сумму около 20 тыс. руб., 3800 руб. для увеличенія содержанія инспектору и тремъ его помощникамъ, правленіе вынуждено было совѣтомъ уничтожить или значительно сократить содержаніе различнымъ лицамъ въ числѣ 16 человѣкъ, въ томъ числѣ лекторамъ, стипендіатамъ и служащимъ при библіотекѣ, а также уменьшить отпуска на содержаніе кабинетовъ, лабораторій и проч. Максимовскій это видѣлъ и просилъ министерство о принятіи расходовъ по инспекціи на средства государственнаго казначейства, при чемъ замѣтилъ, что правленіе старалось всѣми мѣрами сохранить свои скудные спеціальныя средства для удовлетворенія потребностей университета». Не находя достаточнаго источника въ средствахъ университета, попечитель 22 января 1881 г. обратился въ министерство народнаго просвѣщенія съ просьбой о разрѣшеніи употребить на инспекцію часть сбора съ округа. «Ходатай-

ствовать объ этомъ, писалъ онъ, меня побуждаетъ, главнымъ образомъ, желаніе хотя нѣсколько ослабить то затаенное ожесточеніе, съ которымъ смотритъ на новую инспекцію вся корпорація профессоровъ. Я не сомнѣваюсь, добавляетъ попечитель, что въ будущемъ профессора едва ли будутъ ей симпатизировать; но если содержаніе ея перестанетъ истощать средства университета или, что еще лучше, ничего не будетъ стоить университету, то къ ней будутъ относиться равнодушно, чѣмъ и можно будетъ вполне удовлетвориться». Министерство отказало Максимовскому въ разрѣшеніи обратиться на инспекцію часть сбора съ округа, а университетъ, между прочимъ, стойко стоялъ за предоставленное ему 42 и 51 §§ устава 1863 года право распредѣленія спеціальныхъ средствъ на ученые нужды. Продолжительный споръ съ университетомъ въ концѣ концовъ сталъ сильно тяготить попечителя, и онъ искалъ выхода и примиренія. 22 января 1881 года генераль Максимовскій конфиденціально писалъ министру народнаго просвѣщенія буквально слѣдующее. «Между прочимъ, считаю своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Высочайшества, что эта борьба между мною и университетскимъ совѣтомъ, продолжающаяся уже около года, въ высшей степени нежелательна, во-1-хъ, какъ всякія пререканія между попечителемъ округа и университетомъ, а во-2-хъ, какъ обстоятельство, подрывающее авторитетъ попечителя округа, съ которымъ вступило въ открытую борьбу подвѣдомственное ему учрежденіе, при чемъ попечитель является какъ бы противникомъ интересовъ университета, тогда какъ, по существу дѣла, онъ долженъ быть первымъ ихъ защитникомъ. Вообще, изъ этого ненормальнаго положенія необходимо выйти во что бы то ни стало и какимъ бы то ни было образомъ; но оставить дѣло въ такомъ видѣ положительно невозможно. Конечно, по моему крайнему убѣжденію, лучше всего было бы поддержать сначала попечителей... а затѣмъ уже уничтожить вообще всѣ временныя правила въ совокупности, возстановивъ такимъ образомъ дѣйствіе устава 1863 г. во всей его полнотѣ, при чемъ и распоряженіе спеціальными средствами университета перешло бы, по-прежнему, въ вѣдѣніе совѣта. При такомъ рѣшеніи этого вопроса университетъ былъ бы вполне удовлетворенъ, и значеніе попечителя не было бы поколеблено¹⁾. Министерство такъ и поступило, въ два срока и при двухъ министрахъ. Сначала, при министрѣ Сабуровѣ, въ 1880 г., послѣдовалъ выговоръ совѣту, заслушанный въ совѣтѣ 11 декабря, а въ 1881 г., при министрѣ баронѣ Николаи, послѣдовало возстановленіе устава 1863 года.

¹⁾ Дѣла арх. м. и. пр. № 150925/8528.

Выработанная въ министерствѣ инструкція для инспекціи оказалась настолько стѣснительной, что Максимовскій хлопоталъ объ измѣненіи нѣкоторыхъ §§, отчасти на основаніи заключеній университетской коммисіи, въ составъ которой, по избранію въ совѣтъ, входили профессоры Алексѣенко, Гаттенбергеръ и Якобій, отчасти на основаніи заключеній правленія въ засѣданіи, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ попечителя округа. Въ донесеніи министру отъ 12 января 1880 года попечитель округа сообщилъ, что въ примѣненіи къ харьковскому университету невозможно требовать отъ студентовъ вполнѣ аккуратнаго посѣщенія лекцій, въ виду того, что въ нѣкоторыхъ аудиторіяхъ, могущихъ вмѣстить не болѣе 50 человекъ, обязательныхъ слушателей бываетъ до 200 чел., отъ чего происходитъ давка и ссоры за мѣста, и часть студентовъ или должна оставаться въ корридорѣ, за дверьми, или уходить домой. Поэтому перекличка студентовъ представляется неудобной. § 11 министерской инструкціи инспекціи гласилъ, что инспекторъ можетъ требовать поручительства отъ профессоровъ за студентовъ при выдачѣ имъ пособій. Профессоры находили такое поручительство для себя стѣснительнымъ, а инспекція находила его даже лишнимъ. § 14 требовалъ, чтобы въ расписаніи лекціи не было промежутковъ въ часахъ. По этому поводу замѣчено, что для соблюденія этого правила нужно имѣть 16 или 17 аудиторій, а ихъ всего 7. Далѣе, университетъ находилъ нужнымъ не стѣснять студентовъ, при отсутствіи обязательной форменной одежды, въ покроѣ верхняго платья и въ формѣ шляпъ и допустить большіе сапоги и палки, въ виду недостаточнаго замощенія города и обилія собакъ. Безусловно запрещалось лишь ношеніе рубахъ національнаго покроя на выпускъ, какого бы цвѣта ни было, а также великорусскихъ армяковъ и малороссійскихъ свитокъ. Куреніе въ лабораторіяхъ и анатомическомъ театрѣ разрѣшалось для «дезинфекціи воздуха». «Наши лабораторіи и нѣкоторые кабинеты, говорится при этомъ, устроены такъ дурно, что профессоры сами просятъ студентовъ курить въ нихъ для уничтоженія зловонія». Относительно 17 § о карцерѣ, замѣчено, что, по недостатку помѣщенія, аресты студентовъ въ зданіи университета не могутъ быть осуществлены. Соответствующія измѣненія въ инструкціи были Высочайше утверждены 22 марта 1880 года. Въ протоколахъ совѣта университета 1879, 1880 и 1881 г.г. отразились измѣненія въ инспекціи, въ видѣ разныхъ докладовъ, мнѣній, ходатайствъ смѣтныхъ назначеній и т. д., преимущественно въ засѣданіяхъ 22 мая, 11 и 18 декабря 1880 года и 5 марта 1881 года.

Въ то время какъ учебная администрація хлопотала объ усиленіи инспекціи, въ лицѣ инспектора—Оедора Филипповича Рогожина—былъ

человѣкъ рѣдкаго нравственнаго достоинства, совсѣмъ не нуждавшійся въ усиленіи своей власти и вовсе того не желавшій. По окончаніи курса въ Смоленской гимназіи въ 1833 г. О. Ф. Рогожинъ служилъ около 5 лѣтъ, а въ 1838 году поступилъ въ число студентовъ харьковскаго университета по историко-филологическому факультету. По окончаніи курса въ 1842 г. служилъ при харьковскомъ университетѣ въ различныхъ должностяхъ — помощника бібліотекаря, секретаря совѣта, исполнялъ въ 1850 году обязанности синдика, въ началѣ 60-хъ годовъ былъ правителемъ дѣлъ канцеляріи попечителя учебнаго округа. 14 сентября 1865 г. Рогожинъ былъ перемѣщенъ на должность инспектора студентовъ и пробылъ на этой службѣ до 1879 г., стяжавъ среди студентовъ глубокую привязанность. Въ то время какъ при уставѣ 1835 г. и при другой инспекціи, въ теченіе 8 лѣтъ, съ 1848 по 1856 г., на студентовъ было наложено 1491 взысканіе въ видѣ ареста и карцера, при уставѣ 1863 г., во время инспекторства О. Ф. Рогожина, за 10 лѣтъ, съ 1863 по 1874 г., было наложено всего 27 взысканій, при вдвое большемъ числѣ студентовъ. Аресты и карцеры отошли въ область историческаго преданія. Мягкое, доброе отношеніе къ студентамъ, отзывчивость къ ихъ нуждамъ—все это было высоко цѣнимо студентами. Въ день университетскаго праздника—17 января—О. Ф. получалъ отъ окончившихъ курсъ телеграммы съ самыми добрыми привѣтствіями и пожеланіями. Неоднократно этотъ рѣдкій человѣкъ получалъ отъ студентовъ благодарственные адреса, выслушивалъ такого же рода рѣчи. 20-го апрѣля 1880 года отъ студентовъ харьковскаго университета и бывшихъ въ немъ студентами поднесенъ О. Ф. слѣдующій адресъ.

«Незабвенный Федоръ Филипповичъ! Считаемо для себя счастьемъ высказать тѣ чувства, которыя, какъ одно тѣло, какъ одна душа, раздѣляютъ всѣ студенты харьковскаго университета. Минуты такого полного единодушія и въ мнѣніяхъ, и въ чувствованіяхъ такой массы бываютъ весьма рѣдки и свидѣлствуютъ о высотѣ мотивовъ, приведшихъ, повторяемъ, всю нашу университетскую молодежь къ неустойчивому желанію высказать нашу общую признательность, любовь и уваженіе къ Вамъ. Еще прежніе студенты завѣщали намъ высокое мнѣніе о Васъ, какъ человѣкѣ и добромъ другѣ студентовъ, и въ этомъ мнѣніи нѣтъ преувеличенія. И дѣйствительно, нельзя не удивляться тому рѣдкому умѣнью поддержать, направить молодого человѣка, заброшеннаго въ большой городъ,—тому живому отношенію и заботливости къ нуждамъ молодежи, которыя почти всѣ мы испытали на себѣ. Умѣнье такъ симпатично отнестись къ каждому, всегда являться съ помощью во-время, удовлетворять, въ продолженіе столькихъ лѣтъ,

такое число молодежи, при всемъ разнообразіи ея происхожденія, характеровъ и направленій — для этого нужны то любящее сердце, та евангельская доброта, которыя дѣлали Вася нашимъ помощникомъ, другомъ и, скажемъ это, не колеблясь, подчасъ отцомъ. Изъ множества фактовъ, драгоцѣнныхъ для нашей памяти, мы избираемъ, по просьбѣ отцовъ и матерей, самый простой: печальную картину похоронъ студента, когда за гробомъ, кромѣ нѣсколькихъ земляковъ-товарищей никого не увидишь. Невольное, самое трогательное чувство признательности пробудится въ душѣ при видѣ почтеннаго старика, провожающаго гробъ бѣднаго юноши до самой могилы съ выраженіемъ непритворной горести. Только такое отношеніе могло вліять морализующимъ образомъ на молодежь, и, повѣрьте, дорогой Федоръ Филипповичъ, она глубоко чувствуетъ и высоко цѣнитъ его. Въ заключеніе выражаемъ еще разъ нашу искреннюю признательность, уваженіе, любовь къ Вамъ, считая лучшимъ памятникомъ для Вася того свѣтлый образъ, который Вы сумѣли воздвигнуть себѣ въ нашихъ сердцахъ, образъ, который мы желаемъ сохранить до Вашихъ лѣтъ, какъ наилучшій образецъ для подражанія». Въ дѣлахъ общества пособія нуждающимся студентамъ сохранились замѣчательныя препроводительныя письма бывшаго студента харьковскаго университета Юрія Юрьевича Филимонова при посылкѣ пожертвованія на стипендію имени О. Ф. Рогожина. Въ письмѣ (отъ 28 мая 1894 г. говорится): «Я учился въ харьковскомъ университетѣ въ то время, когда у насъ (въ 1879 г.) попечителемъ былъ Жерве, а инспекторомъ нашъ общій отецъ, Федоръ Филипповичъ Рогожинъ, который вмѣстѣ съ нами плакалъ, когда насъ, избитыхъ казачьими плетьюми, распредѣляли въ арестантскихъ ротахъ въ отдѣленія неисправимыхъ. Выйдя изъ ротъ еще съ большею сыновнею любовью къ нашему отцу О. Ф., я, тогда бѣдный студентъ, далъ себѣ слово соединить это дорогое всѣмъ намъ имя нашего инспектора съ какимъ-нибудь благотворительнымъ для университета дѣломъ, чтобы эта святая личность навѣки не умерла для харьковскаго университета. Вскорѣ, выйдя изъ арестантскихъ ротъ, я потерялъ отъ сильнаго потрясенія вслѣдствіе пережитыхъ событій свою жену, и вотъ тогда-то, чтобы похоронить ее, долженъ былъ обратиться къ нашему отцу за совѣтомъ. Онъ самъ привезъ мнѣ 90 руб. на квартиру, помолился и поплакалъ со мной надъ гробомъ усопшей. Я этой милости университета никогда не могу забыть. Вотъ почему я и старался накопить такую сумму, чтобы на извѣстный капиталъ, соответствующій доброй памяти высокочтимаго нашего инспектора и носящій имя самого Рогожина, Федора Филипповича, образовать стипендію для его любимыхъ студентовъ».

харьковцевъ». Изъ письма видно, что г. Филимоновъ былъ въ харьковскомъ университетѣ на 1 и 2 курсахъ, затѣмъ перешелъ въ московскій, который окончилъ въ 1892 г., сохраняя, однако, самыя теплыя воспоминанія о харьковскомъ университетѣ, и въ 1894 г. прислалъ 200 руб. въ уплату своего долга, съ добровольнымъ начетомъ на него 0/0, а въ 1896 г. прислалъ тысячу рублей, изъ трудовыхъ своихъ сбереженій, съ назначеніемъ на стипендію имени О. Ф. Рогожина.

1883 годъ былъ уже похороннымъ годомъ для устава 1863 года. Чувствовались всеобщій упадокъ духа, опасенія передъ неизвѣстнымъ будущимъ, и тѣмъ болѣе ощущалось сожалѣніе о погибающемъ прошломъ. Эти тревоги ярко сказались во «вступленіи къ университетскому отчету» 1883 г., причитанномъ ректоромъ на актѣ 17 января 1884 г. «Мы можемъ ожидать, говорится во вступленіи, что строй университетской жизни и въ могущихъ послѣдовать въ немъ измѣненіяхъ останется лишь таковымъ, какой логически связанъ съ прошлымъ и настоящимъ университета, съ его исторіей. Въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, какъ основа умственнаго развитія общества, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, требуется строгая систематичность на почвѣ общаго прогресса. Оглядываясь на прошлое и сравнивая періодъ университетской жизни и дѣятельности за время дѣйствія настоящаго устава и до того (т. е. до 1863 г.), мы видимъ быстрое развитіе ея, слѣдовавшее за введеніемъ устава. Правда, это развитіе высшаго просвѣщенія совпало съ временемъ общаго подъема въ умственной жизни русскаго общества, но при болѣе близкомъ разсмотрѣніи этого вопроса оказывается, что весьма многія стороны развитія университета, касающіяся его научно-преподавательской дѣятельности, непосредственно обуславливались самимъ уставомъ. Это относится, какъ къ увеличенію ученыхъ силъ и развитію университетской науки, такъ точно и къ введенію рациональнаго научнаго метода преподаванія. Если сравнить положеніе русскихъ ученыхъ въ европейской наукѣ до введенія упомянутаго устава и послѣ того, то легко усмотрѣть быстрое преуспѣяніе, проявившееся еще въ періодъ подготовительныхъ преобразованій. Во многихъ областяхъ высшаго знанія имена русскихъ ученыхъ пользуются въ настоящее время такимъ же уваженіемъ, какъ имена ученыхъ западно-европейскихъ. Количество русскихъ научныхъ трудовъ постоянно возрастаетъ, и въ нихъ становится все болѣе и болѣе замѣтною самостоятельность научной мысли и выполнения ея. Если даже сравнить положеніе студентовъ и отношеніе ихъ къ наукѣ до 1863 г. и послѣ, то и здѣсь замѣтны извѣстные успѣхи, какъ результатъ рациональнаго усиленія практическихъ занятій студентовъ и вообще демонстративнаго способа преподаванія. Учащіеся получили

болѣе широкій доступъ въ лабораторіи, кабинеты и библіотеки, имъ предоставлена возможность самимъ заниматься научными изслѣдованіями. Число студентовъ, работающихъ по различнымъ научнымъ вопросамъ, увеличивается; возрастаетъ и участіе ихъ въ дѣятельности ученыхъ обществъ, учрежденныхъ при университетахъ; замѣчается стремленіе къ болѣе самостоятельной научной дѣятельности. Отсюда непосредственно вытекаетъ, что современныя условія университетской жизни даютъ студентамъ возможность относиться къ преподаваемой имъ наукѣ, не только какъ предмету экзамена, но какъ къ дѣйствительному источнику высшаго знанія, высшаго умственного развитія. Для учащейся молодежи это крайне важно: книжное, чисто формальное усвоеніе науки въ предѣлахъ спеціальнаго преподаванія—менѣе всего можетъ способствовать выработкѣ той степени общаго умственного развитія и самостоятельности, которыя необходимы при вступленіи въ практическую жизнь всякому молодому человѣку, оканчивающему курсъ университета. Университетъ не есть мѣсто профессиональнаго преподаванія, такъ сказать, чисто технического свойства. Его нельзя считать случайнымъ соединеніемъ спеціальныхъ школъ-факультетовъ, изъ которыхъ могли бы выходить односторонніе, узкіе спеціалисты врачи, филологи, юристы и т. д. Университетъ есть универсальная школа высшаго просвѣщенія и, какъ таковая, оказываетъ не только профессионально-образовательное, но и гуманитарно-воспитательное вліяніе въ обширномъ смыслѣ слова. Онъ развиваетъ всѣ тѣ умственныя и нравственныя стороны человѣческаго духа, которыя означаютъ истинно-просвѣщеннаго человѣка. Умственный кругозоръ учащагося сильно расширяется послѣ нѣсколькихъ лѣтъ цвѣтущаго молодого возраста, проведенныхъ въ стѣнахъ университета, и расширяется не односторонне, въ направленіи только избранной спеціальности; постоянное соприкосновеніе съ разносторонними сферами высшаго знанія съ различными областями спеціальнаго преподаванія всѣхъ факультетовъ не можетъ не оказать благотворнаго вліянія на ходъ умственного развитія каждаго учащагося. Не искусственная разьединенность, но, напротивъ, возможно большее общеніе, единство должно лежать въ основѣ всей жизни университета. Въ этомъ-то и заключается универсальность его дѣятельности и вліянія, болѣе или менѣе ясно сознаваемые его учениками, надолго сохраняющими нравственную связь съ университетомъ. Лучшія воспоминанія молодости всегда сосредоточиваются около университетской жизни. Въ указанныхъ условіяхъ, милостивые государи, заключается основное значеніе университета для всего русскаго общества. Онъ является не только центромъ науки и высшаго спеціальнаго преподаванія, но и обществен-

ной школой въ лучшемъ, широкомъ смыслѣ слова. Но не этимъ только ограничивается дѣятельность университетской коллегіи: университетъ является не только разсадникомъ теоретическаго образованія для юношества, но часто дѣятельность его, въ лицѣ его преподавателей, переходитъ за предѣлы его внутренней жизни и принимаетъ непосредственное участіе и въ жизненныхъ интересахъ общества. Земскіе вопросы, судебныя учрежденія, различныя дѣла городского самоуправления, задачи общественнаго здравія и воспитанія, народной грамотности, сельскаго хозяйственнаго благоустройства—все это много разъ требовало и требуетъ ученаго совѣта, научной экспертизы. Общество искало помощи ученыхъ силъ университета въ различныхъ областяхъ своей жизни—и находило ее. Эта общественная служба, посильно исполняемая нашимъ университетомъ въ лицѣ членовъ его персонала, происходитъ на глазахъ у всѣхъ. Университетъ является представителемъ науки въ практической жизни, научно устанавливаетъ и разъясняетъ ея задачи и вопросы и даетъ рѣшенія согласно современному состоянію науки.... Въ общество постепенно проникаетъ сознаніе, что при настоящихъ условіяхъ нашей жизни университетъ представляетъ собою не только специальную высшую школу, но въ извѣстныхъ случаяхъ является, черезъ своихъ представителей, однимъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей во внутренней жизни страны...

Послѣднимъ выборнымъ ректоромъ былъ Григорій Матвѣевичъ Цѣхановецкій. Товарищъ его по Нѣжинской гимназіи и по Кіевскому университету проф. А. В. Романовичъ-Славатинскій далъ такую мѣтку характеристику его въ своихъ воспоминаніяхъ: «Это былъ человекъ блестящихъ дарованій и громадной начитанности. Онъ читалъ чуть ли не на всѣхъ европейскихъ языкахъ... Я мало встрѣчалъ людей, у которыхъ мыслительная способность была бы такъ развита и функція мысли составляла бы такую правильную, органическую работу мозга. При томъ онъ былъ человекъ души нѣжной и впечатлительной, сердца мягкаго и любящаго»¹⁾. Цѣхановецкій, какъ ректоръ, при уставѣ 1884 года, былъ не ко двору и долженъ былъ выйти въ отставку, въ прикрытой формѣ отпуска за границу. Выдача 1500 р. пособія на поѣздку за границу поставлена была министерствомъ въ зависимость отъ отказа отъ ректорства, что Цѣхановецкимъ и было исполнено²⁾.

Въ 1885 году производилось негласное слѣдствіе о лекціяхъ заслуженнаго профессора и бывшаго ректора университета Г. М. Цѣханов-

¹⁾ Вѣстникъ Европы 1903 г., III, 176.

²⁾ Арх. м. н. пр. дѣло 1884 г. № 196972/4867.

вецкаго, именно читаннаго имъ въ 1880-1881 академическомъ году курса лекцій по политической экономіи. Министерство народнаго просвѣщенія, на основаніи заявленія департамента полиціи, что въ лекціяхъ Цѣхановецкаго разбирается теорія Маркса, сдѣлало запросъ попечителю учебнаго округа, и попечитель въ своемъ отвѣтѣ писалъ, что, по отзывамъ ректора и декановъ, проф. Цѣхановецкій, по всему складу его способностей и его характера, отнюдь не можетъ быть подозрѣваемъ въ одобреніи съ кафедры того, что шло бы въразрѣзъ съ существующими государственными порядками. Отличающійся спокойною разсудительностью и трезвою воздержанностью вообще въ своихъ сужденіяхъ и приговорахъ, проф. Цѣхановецкій въ лекціяхъ своихъ никогда не обнаруживалъ какой-либо тенденціозности и никогда не позволялъ себѣ возводить какую-либо доктрину въ непогрѣшимую догму, въ послѣднее, рѣшающее слово науки. Лекціи его всегда отличались, напротивъ, строгой объективностью и самостоятельнымъ анализомъ излагаемыхъ теорій. Всѣ эти качества лекцій профессора Цѣхановецкаго подтверждаются далѣе на основаніи литографированнаго его конспекта лекцій 1880 г. 16 страницъ въ немъ занимаетъ «изложеніе и критическая оцѣнка ученія о цѣнности Маркса, гдѣ основательно опровергаются главныя положенія доктрины Маркса».

Любопытно, что первоначальнымъ источникомъ этого слѣдствія было два слушателя проф. Цѣхановецкаго, попавшіеся въ политической пропагандѣ. Они заявили на слѣдствіи, что, «знакомясь на лекціяхъ съ теоріями Маркса, они принимали ихъ на вѣру, какъ лучший выводъ не только науки, но и жизни». Ректоръ и деканъ по этому поводу замѣтили, что такую вѣру эти юноши могли пріобрѣсти изъ многихъ другихъ сторонъ, а не изъ университетскихъ лекцій; попечитель присоединился къ этому мнѣнію и 15 декабря 1885 года просилъ министра народнаго просвѣщенія гр. Делянова объ оставленіи проф. Цѣхановецкаго для продленія службы. Если такому горестному заподозриванію подвергся послѣдній выборный ректоръ изъ достойнѣйшихъ престарѣлыхъ профессоровъ, то гугъ сказаласть участь всего университета, профессуры и науки, въ смыслъ открывшагося безконечнаго простора для ихъ стѣсненія и осужденія.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРІОДЪ:

ИСТОРІЯ УНИВЕРСИТЕТА ПРИ ДѢЙСТВІИ УСТАВА 1884 Г.

(съ 1884 г. до 1905 г.)¹⁾.

Четвертую эпоху въ жизни Харьковскаго университета за истекшее столѣтіе составляютъ послѣднія 20 лѣтъ, 1884—1904 г.г., *время дѣйствія устава 1884 г.* Эпоха эта, въ свою очередь, можетъ быть подраздѣлена на нѣсколько періодовъ: 1) съ 1884 г. по 1888 г.—время неуклоннаго проведенія новаго устава и мѣръ, дополняющихъ и развивающихъ его основныя начала; 2) съ 1888 до 1899 г.—время болѣе мягкаго примѣненія устава и связанныхъ съ нимъ правилъ, нѣкотораго даже измѣненія въ нихъ, въ смыслѣ возвращенія къ прежнему, и наконецъ 3). съ 1899 до 1905 г.—періодъ массовыхъ студенческихъ безпорядковъ, такъ называемыхъ „забастовокъ“, время полного крушенія устава 1884 г. и признанія его несостоятельности и необходимости коренной реформы.

Но мы будемъ и здѣсь держаться по возможности того порядка изложенія, который принятъ въ первыхъ частяхъ настоящаго очерка.

1) Въ основу положены, во 1-хъ, документальныя матеріалы, извлеченныя проф. Д. И. Багалѣмъ изъ архива министерства народнаго просвѣщенія и любезно предоставленныя имъ въ мое распоряженіе, за чтó приношу искреннюю благодарность глубокоуважаемому товарищу; во-2-хъ, циркуляры, правила и друг. распоряженія (печатныя); въ 3-хъ, отчеты (частію рукописныя, частію печатныя), протоколы и проч. документы изъ университетскаго архива; въ-4-хъ, доклады комиссій и мнѣнія совѣта по разнымъ вопросамъ (болѣею частью печатныя) и, наконецъ, личныя воспоминанія. Въ настоящій отдѣлъ вошелъ почти цѣликомъ, въ передѣланномъ видѣ, «Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго университета въ царствованіе императора Александра III», составленный мною въ 1900 г., по порученію тогдашняго ректора Г. И. Лагермарка, и напечатанный въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ на правахъ рукописи.

В. Вузескулъ.

Уставъ 1884 г. и строй университетовъ.

Уставъ 1884 г., какъ извѣстно, подготовлялся задолго до его введенія, еще съ 70-хъ годовъ. Какъ шла эта подготовка, здѣсь не мѣсто излагать подробно: это относится къ общей исторіи русскихъ университетовъ и министерства народнаго просвѣщенія; подробности можно найти и въ историческомъ обзорѣ дѣятельности послѣдняго, составленномъ С. В. Рождественскимъ¹⁾. Достаточно сказать, что поводомъ къ пересмотру университетскаго устава 1863 г. послужили студенческіе безпорядки и обсужденіе мѣръ къ ихъ предотвращенію; а цѣлью реформы было усиленіе правительственнаго вліянія на управленіе университетами, контроля надъ преподаваніемъ въ нихъ, и утвержденіе порядка и дисциплины среди учащихся²⁾. Совѣтъ Харьковского университета, въ отвѣтъ на запросъ министерства (въ 1872 г.) о желательныхъ измѣненіяхъ въ уставѣ 1863 г., высказался въ пользу сохраненія существующихъ университетамъ, за сохраненіе началъ³⁾.

Въ такомъ же смыслѣ высказывался въ Комиссіи, образованной въ 1875 г. для разработкѣ проекта новаго устава, и тогдашній ректоръ Харьковского университета А. С. Питра. Отставка гр. Д. А. Толстого задержала намѣченную коренную реформу русскихъ университетовъ. Но съ назначеніемъ П. Д. Делянова министромъ она была проведена. Извѣстно, что въ Государственномъ Совѣтѣ проектъ новаго устава встрѣтилъ возраженія по всемъ основнымъ пунктамъ; большинство членовъ высказалось противъ него. Тѣмъ не менѣе, въ августѣ 1884 г. онъ былъ Высочайше утвержденъ и тотчасъ же приведенъ въ дѣйствіе⁴⁾.

Уставъ 1884 г. существеннымъ образомъ измѣнилъ прежній строй университетовъ съ его автономіей и выборнымъ началомъ. Никогда еще у насъ не проводилось въ такой степени начало подчиненія универси-

¹⁾ Сводъ 1902 (изданіе министерства нар. просв.). Ср. оффиціозную книгу, изданную на немъ, изд.: Die Reform der russischen Universitäten nach dem Gesetz vom 23 August 1884. Leipz. 1886 (безъ имени автора), и представляющую апологію устава, но такъ какъ въ ней приводятся мнѣнія и выводы и его противниковъ, то читатели имѣютъ возможность составить себѣ самостоятельное воззрѣніе.

²⁾ С. В. Рождественскій, Истор. обзоръ дѣятельности министерства нар. просв., стр. 484.

³⁾ С. В. Рождественскій, стр. 614—615.

теговъ правительственному, или, точнѣе, министерскому, вліянію и контролю¹⁾. Университеты поставлены были, можно сказать, въ полную зависимость отъ министерства. Последнее устанавливало все, даже мельчайшія, подробности ихъ новаго строя, назначало, повышало и удаляло профессоровъ, избирало ректоровъ, назначало испытательныя комиссіи. Оно разсматривало и утверждало обзорніе преподаванія и распредѣленіе лекцій; доходило до того, что требовалось его разрѣшеніе на перенесеніе лекцій съ одного дня или часа на другой...

По уставу попечитель округа является начальникомъ университета: онъ заботится о его «благосостояніи», наблюдаетъ за ходомъ преподаванія, за исполненіемъ правилъ, «пресѣкаетъ» всякое уклоненіе отъ нихъ, «возбуждаетъ дѣла объ отвѣтственности виновныхъ и ходатайствуетъ о вознагражденіи достойныхъ»; онъ—высшій руководитель во всехъ распоряженіяхъ по охраненію порядка и дисциплины въ университетѣ; въ чрезвычайныхъ случаяхъ онъ можетъ принимать мѣры, даже превышающія его власть. Большая часть дѣлъ или разрѣшается имъ, или восходитъ съ его заключеніемъ на разрѣшеніе министра. Назначеніе и движеніе по службѣ профессоровъ и преподавателей совершалось въ большинствѣ случаевъ по представленію или заключенію попечителя.

✓ Ректоръ избирался не профессорскою коллегіею, а министромъ; ему вѣрялось непосредственное завѣдываніе всеми частями управленія университетомъ; въ чрезвычайныхъ и не терпящихъ отлагательства случаяхъ ему предоставлялось принимать все необходимыя мѣры, хотя бы онѣ и превышали его власть. Отъ профессорской корпораціи онъ былъ совершенно независимъ. Даже и деканы были по уставу 1884 г. не выборные, а по назначенію.

Профессорская коллегія была совершенно устранена отъ всякаго вліянія на управленіе университетомъ. Значеніе совѣта понизилось, сфера его компетенціи сужена; функціи правленія, напротивъ, расширены, въ особенности на практикѣ.

Инспекторъ поставленъ совершенно независимо отъ профессорской коллегіи. Онъ подчиненъ попечителю и ректору. Онъ полноправный членъ правленія по всемъ вопросамъ, въ томъ числѣ и научно-учебнымъ. Не будучи членомъ ученой коллегіи, онъ, вмѣстѣ съ деканами, представителями факультетовъ, рѣшаетъ научные вопросы, при чемъ зависимость его отъ ректора ослабляется прямымъ подчиненіемъ попечителю округа²⁾. Вліяніе инспекціи вообще чрезвычайно расширено.

¹⁾ Ср. С. В. Рождественскій, стр. 615 сл.

²⁾ См. «Отягъ» совѣта на вопросы, предложенные министерствомъ въ 1901 г., стр. 115.

Далѣе, уставъ 1884 года упразднилъ доцентуру, для «большаго поощренія профессоровъ и учащихся» ввелъ неизвѣстную дотолѣ русскимъ университетамъ систему гонорара, дѣленіе на семестры и проч. Онъ отдѣлилъ окончательныя экзамены отъ дѣла преподаванія и создалъ особыя испытательныя коммисіи, въ теоріи не имѣвшія ничего общаго съ университетомъ, и т. д.

Въ теченіе слѣдующаго 1885 г. былъ изданъ рядъ циркуляровъ и правилъ, коими дополнялся уставъ или развивались подробнѣе положенныя въ основу его начала и разъяснялись нѣкоторые его параграфы.

Главнѣйшія цѣли, какія имѣлъ въ виду уставъ, и средства для ихъ достиженія, все это ясно обнаруживается въ любопытныхъ *„Соображеніяхъ о приведеніи въ дѣйствіе постановленій новаго устава“*¹⁾. Цѣли таковы: 1) *„Усиленіе научнаго труда въ университетахъ“*. А въ числѣ средствъ тутъ является гонораръ, ибо «каждый трудящійся въ правѣ надѣяться, что все возможное будетъ сдѣлано, дабы съ увеличеніемъ его труда увеличивалось и его вознагражденіе. Удовлетвореніе этой справедливой надежды и имѣется въ виду при установленіи системы гонорара» и разныхъ дополнительныхъ вознагражденій. «Кромѣ того, преподаватели, кои окажутъ особенно усердное содѣйствіе видамъ правительства относительно поднятія учебнаго дѣла въ университетахъ, въ правѣ рассчитывать на особое вниманіе къ ихъ заслугѣ со стороны начальства»... 2) *„Улучшеніе въ государственномъ и политическомъ отношеніи“*. Посвященный дѣлу науки и обученія, университетъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть и государственное учрежденіе, а это налагаетъ на профессоровъ, какъ *„чиновниковъ государства“*, и на студентовъ, какъ готовящихся нести государственную службу, особыя обязанности. Правда, *„Соображенія“* признають, что «ни профессора, ни студенты не призваны заниматься политикою». Но — говорится далѣе — университетъ, какъ учрежденіе государственное, «не можетъ не имѣть и политической цѣли. Университетское воспитаніе—преподаваніе и нравственное руководство—должно быть на службѣ государственныхъ интересовъ и правительственной власти, должно быть патріотическимъ... Дѣятельность университета должна быть обязательно и убѣжденно патріотическою во всемъ, гдѣ университетъ касается государства». Поднятіе учебныхъ занятій, «привлекая умы въ область чистаго знанія, должно противо-дѣйствовать вторженію ненаучныхъ стремленій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо, чтобы профессора въ политическомъ отношеніи сознавали себя органами правительства, обязанными слѣдовать его видамъ, никакъ

1) Архивъ мин. нар. пр., № 102720/8000.

не противодѣйствуя имъ ни явно, ни скрытно. Это не поддается предписаніямъ, но постановленіе университета, согласно новому уставу, подѣ болѣе непосредственное, чѣмъ прежде, дѣйствіе правительственной власти можетъ дать въ этомъ отношеніи, при разумномъ и доброжелательномъ примѣненіи, благопріятныя послѣдствія». 3) *„Усиленіе правительственной заботы относительно пополненія личнаго состава университетовъ достойными кандидатами и вызова талантовъ“*. По словамъ «Соображеній», «новыя постановленія направлены къ тому, чтобы выборы въ профессоры не были предоставлены случайностямъ и пристрастіямъ, столь нерѣдкимъ при самопополненіи, а были дѣломъ внимательнаго и подробнаго обсужденія съ рѣшающимъ голосомъ центральной власти и на ея отвѣтственности». Поэтому и преподаваніе приватъ-доцентовъ должно быть «предметомъ внимательнаго и доброжелательнаго наблюденія, дабы достоинства и недостатки не оставались неизвѣстными, а не серьезное отношеніе къ дѣлу или вредное направленіе... были немедленно пресѣкаемы»... 4) *„Усиленіе правительственнаго вліянія въ дѣлѣ управленія университетовъ“*. Тутъ имѣется въ виду дать правительственной власти, по отношенію къ университетамъ, возможность дѣйствовать «прямымъ начальническимъ путемъ». «И это должно быть понимаемо», поясняютъ «Соображенія», «не только какъ увеличеніе полномочій, но буквѣ закона и нынѣ не малыхъ, но главнымъ образомъ, какъ увеличеніе обязанностей и отвѣтственности органовъ правительственной власти». Однако сначала имѣлось въ виду въ новомъ уставѣ сохранить «выборный характеръ внутренняго управленія, завѣщанный вѣковымъ преданіемъ»: «это, когда новый порядокъ, съ Божіей помощію, установится, не представляетъ никакихъ затрудненій». Но на время переходной эпохи выборный характеръ «представлялъ бы значительныя затрудненія», и назначеніе ректора признано необходимымъ, дабы въ дѣйствіяхъ его и попечителя были согласіе и солидарность.

Изъ приведенныхъ «соображеній», какъ и изъ другихъ дальнѣйшихъ фактовъ, ясно, что при составленіи устава 1884 года не имѣлись въ виду интересы только одной чистой, независимой науки: большая часть поставленныхъ цѣлей имѣла очень мало общаго съ этими интересами, даже рѣзко расходилась съ ними, и уставъ вызванъ былъ иными видами и соображеніями. Мы нѣсколько остановились на его характеристикѣ, чтобы намъ яснѣе были тѣ условія и та атмосфера, среди которыхъ Харьковскому университету, какъ и другимъ, приходилось жить съ 1884 года. Это объяснить намъ многое въ его послѣдующей исторіи.

Посмотримъ теперь, какъ въ Харьковскомъ университетѣ приводился въ дѣйствіе новый уставъ.

Прежде всего надо было рѣшить вопросъ объ университетскихъ властяхъ—ректорѣ и деканахъ, прежде выборныхъ, теперь назначаемыхъ. Ректоромъ Харьковскаго университета назначенъ бывшій по избранію совѣта проректоромъ И. П. Щелковъ, а деканами факультетовъ въ 1884 г. оставлены были тѣ же лица, которыя уже состояли въ этой должности по избранію, а именно: по историко-филологическому факультету—В. К. Надлеръ, по физико-математическому—И. О. Леваковский, юридическому—А. Н. Стояновъ и медицинскому—П. К. Зарубинъ¹⁾. И что характерно, ходатайствуя объ утвержденіи этихъ лицъ въ должности декановъ, тогдашній попечитель генер.-лейт. М. С. Максимовскій «долгомъ считалъ довести до свѣдѣнія» министра, «что лучшаго выбора во всякомъ случаѣ онъ сдѣлать бы не могъ, и если бы означенные профессора не состояли уже въ должности, то онъ, по крайнему своему убѣжденію, показалъ бы именно на нихъ, считая ихъ, среди другихъ профессоровъ наиболѣе соответствующими важной должности декановъ». Затѣмъ слѣдовала характеристика ихъ, не исключая и ихъ направленія, «во всѣхъ отношеніяхъ благонадежнаго».

Другой важный и чрезвычайно щекотливый вопросъ, требовавшій рѣшенія, это—о судьбѣ штатныхъ доцентовъ.

Уставъ 1884 г. упразднилъ штатную доцентуру, предоставлявшуюся обыкновенно магистрамъ, а доцентовъ въ Харьковскомъ университетѣ въ моментъ введенія новаго устава было 22 (на историко-филологическомъ фак.—7, физико-математическомъ—4, юридическомъ—2, медицинскомъ—9). Согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта требовалось распредѣлить ихъ на три категоріи: однихъ, наиболѣе достойныхъ, кои «пріобрѣли извѣстность своими учеными трудами и даромъ преподаванія», возвести прямо въ званіе экстраординарнаго профессора, хотя бы они и не имѣли степени доктора; другихъ, среднихъ, назначить «временно исполняющими обязанности профессора», а третьихъ, наконецъ, оставить за штатомъ, въ положеніи приватъ-доцентовъ. Понятно, что при этомъ распредѣленіи или, такъ сказать,

¹⁾ В. К. Надлеръ состоялъ деканомъ до 1891 г., когда перешелъ въ Одессу; И. О. Леваковский—по 1887 г.; А. Н. Стояновъ—по 1886 г.; П. К. Зарубинъ—по 1889 г. Ихъ преемники: на историко-филологическомъ фак.—А. С. Лебедевъ (1891—1901), В. П. Бузескулъ (съ 1901 г.); на физико-математическомъ—П. Т. Степановъ (1887—1901), А. С. Брю (1891—1905); на юридическомъ—М. М. Алексѣенко (1886—1891), Л. Н. Загурскій (1891—1905); на медицинскомъ—П. Н. Ковалевскій (1889—1894), А. Я. Бруевъ (1894—6), Н. К. Кульмиръскій (1897—1901), М. А. Поповъ (1901, нѣсколько мѣсяцевъ), М. М. Ломиковскій (съ 1901 г.).

сортировкѣ, и при томъ производимой безъ участія факультетовъ и совѣта, открывалось широкое поле усмотрѣнію и различнымъ постороннимъ вліяніямъ.

Попечитель М. С. Максимовскій представилъ ¹⁾ на благоусмотрѣніе министра распредѣленіе доцентовъ на категоріи, исполненное «послѣ тщательнаго обсужденія правъ и личныхъ качествъ каждаго лица съ ректоромъ и деканами» соответствующихъ факультетовъ. Проектировалось 8 доцентовъ отнести къ первой категоріи, 8—къ второй, остальныхъ 6—къ третьей. При этомъ попечитель далъ подробную характеристику каждаго доцента, какъ преподавателя и ученаго, въ общемъ довольно вѣрную и безпристрастную, съ указаніемъ достоинствъ и недостатковъ. Большое вниманіе обращалось, конечно, на благонадежность и «образъ мыслей». Объ одномъ изъ доцентовъ, занявшемъ въ послѣдствіи высокій постъ въ университетѣ (по назначенію), говорилось, напр., что «въ началѣ своей дѣятельности онъ былъ склоненъ, какъ и многіе молодые ученые, къ громкимъ фразамъ либеральнаго отгѣнка», но что теперь въ этомъ отношеніи его упрекнуть нельзя, и вообще попечитель находилъ возможнымъ возвести его въ званіе экстраординарнаго профессора.

Въ министерствѣ труды доцентовъ иногда давались на заключеніе разнымъ лицамъ и рассматривались, между прочимъ, въ отношеніи направленія и образа мыслей авторовъ. Объ упомянутомъ доцентѣ, которому попечитель ставилъ въ упрекъ (въ прошломъ) «громкія фразы либеральнаго отгѣнка», предсѣдатель ученаго комитета А. И. Георгіевскій, имѣвшій огромное вліяніе при проведеніи устава, замѣчалъ, что на основаніи нѣкоторыхъ страницъ работъ этого доцента онъ пришелъ къ убѣжденію, что тотъ «долженъ быть рѣшительный конституціоналистъ» и «еще болѣе—, что какъ онъ, такъ и едва ли не всѣ наши юристы, стоятъ рѣшительно не на почвѣ нашего общественнаго и государственнаго строя и законодательства». Въ трудахъ другого доцента, о которыхъ данъ былъ рецензентомъ благопріятный отзывъ, А. И. Георгіевскій усматривалъ «отрицательную точку зрѣнія по отношенію къ истинамъ откровенной религіи» и поэтому полагалъ, «что впредь до болѣе очевидныхъ доказательствъ направленія его образа мыслей было бы осторожнѣе не возводить его въ экстраординарные профессора» (какъ проектировалъ попечитель). Это вызвало со стороны министра любопытную замѣтку (сдѣланную карандашемъ), что авторъ по большей части излагаетъ мысли другихъ мыслителей, а не свои собственные, и

¹⁾ Отъ 4 октября 1884 г., № 8301 (архивъ мин. нар. просв., ¹⁶⁹⁷⁹/₄₈₆₈).

что «кто составляет *исторію* науки, не может не выписывать чужихъ мнѣній, какъ бы иногда нелѣпы они ни были». Въ концѣ концовъ, послѣ долгой переписки, оба эти доцента возведены были въ званіе экстраординарнаго профессора, согласно представленію попечителя. Одинъ изъ наиболѣе достойныхъ доцентовъ, принадлежавшій нынѣ къ числу лучшихъ силъ Харьковскаго университета, министерствомъ былъ отнесенъ къ третьей категоріи, т. е. оставленъ за штатомъ, «такъ какъ, по *частнымъ* свѣдѣніямъ, отличался» будто бы «хохломанствомъ», не смотря на то, что попечитель аттестовалъ его по направленію «вполнѣ благонадежнымъ» и предполагалъ отнести ко второй категоріи, какъ начинающаго преподавателя, о которомъ трудно высказать опредѣленное мнѣніе; самое обвиненіе въ хохломанствѣ основывалось, какъ оказалось¹⁾, на свѣдѣніяхъ о докладахъ, читанныхъ на археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ и *принадлежавшихъ другому лицу*.

Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ тщательно изслѣдовались тогда направленіе и образъ мыслей университетскихъ преподавателей; главнымъ образомъ съ этой точки зрѣнія оцѣнивался преподаватель. Нѣкоторыхъ доцентовъ понижали или повышали по категоріямъ (сравнительно съ предположеніемъ попечителя) между прочимъ съ тѣмъ, чтобы они конкурировали другъ съ другомъ «на совершенно равныхъ правахъ и условіяхъ», а затѣмъ преимущество предполагалось отдать «тѣмъ изъ нихъ, кто на дѣлѣ заявилъ бы себя достойнѣйшимъ и способнѣйшимъ». При распредѣленіи доцентовъ медицинскаго факультета въ министерствѣ большое вліяніе оказывали отзывы проф. Харьковскаго университета Я. С. Кремянскаго, «почти прямо противоположные предположенію попечителя». Эти отзывы прилагалъ къ своимъ заключеніямъ предсѣдатель ученаго комитета и на нихъ ссылался въ своихъ предположеніяхъ.

Въ результатъ часть доцентовъ (приблизительно треть) была распредѣлена согласно проекту попечителя; другіе изъ первой категоріи перенесены во вторую и даже третью, и наоборотъ.

Новый порядокъ вещей, зависимость отъ министерства всюду давали себя чувствовать. Какъ это вліяло на нѣкоторыхъ членовъ профессорской коллегіи, показываютъ частыя поѣздки въ Петербургъ, въ министерство, отъ котораго теперь зависѣли назначенія и повышенія. Бывали случаи обращенія съ просьбой о повышеніи со стороны лицъ, которыя считали себя обойденными при прежней выборной системѣ и проч. Такъ, одинъ давно уже ожидавшій ординатуры профессоръ, «ра-

¹⁾ Письмо ректора директору департамента отъ 1 марта 1885 г. (архивъ мин. нар. пр., № 166982/4399).

дуясь всею душою введенію новаго университетскаго устава» и принося искреннѣйшее поздравленіе министру «съ побѣдою истиннаго просвѣщенія и всеобщаго блага», напоминалъ о своемъ тягостномъ положеніи, и въ виду того, что «въ настоящее время повышеніе зависитъ уже не отъ произвола выборовъ, а отъ представленія г. попечителя или усмотрѣнія самого министра», просилъ оказать ему справедливость. «Тяжело подумать», писалъ онъ, «чтобы вынуждены были оставлять университетскую службу или ѡдствовать на ней именно тѣ лица, которыя извѣстны вѣрными слугами наукъ, просвѣщенію, отечеству и правительству, и въ ту именно пору, когда дѣла университетовъ пріобрѣли оборотъ къ лучшему съ новымъ уставомъ». По поводу этого письма предсѣдатель ученаго комитета высказался, что «было бы дѣломъ справедливости» теперь же возвести просителя въ ординарные профессора «во вниманіе къ его продолжительной службѣ, къ его ученымъ трудамъ и къ его несомнѣнно доброму правительственному и патріотическому направленію»¹⁾. Подобные факты, какъ они ни характерны, не слѣдуетъ, впрочемъ, обобщать: они все же составляли исключеніе.

Вліяніе министерства простиралось и на такую сферу, которая по уставу оставлена была въ вѣдѣніи университета.

Вотъ одинъ изъ характерныхъ эпизодовъ, который недавно огласилъ проф. Н. О. Сумцовъ²⁾. Какъ разъ въ годъ введенія устава, въ самый разгаръ университетской ломки, Н. О. Сумцовъ представилъ докторскую диссертацию изъ исторіи юго-западной литературы половины XVIII ст. Диссертация была факультетомъ одобрена; назначенъ былъ диспутъ; вдругъ университетское начальство объявило ему, что не можетъ дать аудиторію изъ опасенія студенческихъ волненій. Дѣло въ томъ, что по особымъ внушеніямъ изъ Харькова со стороны проф. Б-ва³⁾ министръ передалъ изслѣдованіе Н. О. Сумцова на разсмотрѣніе К. Н. Бестужева-Рюмина и А. О. Бычкова. Ни тотъ, ни другой не нашли въ диссертации «ничего противозаконнаго»⁴⁾, тѣмъ не менѣе диспутъ не состоялся. Не только А. И. Кирпичниковъ, но и Л. Н. Майковъ, и А. О. Бычковъ совѣтовали диссертацию не брать назадъ, а жаловаться. «Дорогія тѣни!» говоритъ по этому поводу Н. О. Сум-

¹⁾ Арх. мин. нар. просв., 16979/4308 (1884 г.).

²⁾ Въ своихъ воспоминаніяхъ о проф. А. И. Кирпичниковѣ, Харьк. 1904 (изъ XIV т. «Сборника Харьк. истор.-филол. общества»), стр. 15—16.

³⁾ Того самаго, который обращался къ министру съ просьбой оказать ему справедливость и дать ординатуру. Сообщенія этого профессора пользовались нѣкоторое время довѣріемъ въ министерствѣ и оказывали вліяніе.

⁴⁾ Автора обвиняли въ украинофильствѣ.

цовъ, «вамъ я обязанъ тѣмъ, что, при всѣхъ препонахъ, достигъ ка-
едры и уцѣлѣлъ при университетской ломкѣ того времени. Гдѣ ужъ
тамъ было жаловаться и настаивать! Все тогда сжималось, и мнѣ нужно
было сжаться»...

Вообще, то было тяжелое время. Одинъ изъ популярнѣйшихъ
среди молодежи профессоровъ, прекрасный лекторъ и хороший знатокъ
исторіи русскаго права, И. П. Дитятинъ, долженъ былъ оставить уни-
верситетъ (1887). Его обвиняли ¹⁾ между прочимъ въ томъ, что онъ
будто бы оказываетъ содѣйствіе противоправительственнымъ стремле-
ніямъ учащейся молодежи, находится въ перепискѣ съ нѣкоторыми
неблагонадежными лицами и, держась особнякомъ отъ прочихъ своихъ
сослуживцевъ, старается пріобрѣсти популярность среди студентовъ,
участвуетъ въ ихъ собраніяхъ и обѣдахъ, собираетъ у себя молодежь
и оказываетъ вредное вліяніе на нее. Еще по распоряженію барона
А. П. Николаи надъ И. П. Дитятинымъ былъ учрежденъ, со стороны
учебнаго начальства, тщательный надзоръ, а въ 1887 г. ему предложено
было подать въ отставку.

Не легко было и положеніе ректора. Въ 1885 г. возникло цѣлое
дѣло ²⁾ о демонстраціи, устроенной будто бы профессорами на актѣ 17
января: въ вступительныхъ словахъ прочитаннаго отчета за 1884 г.,
въ которыхъ указывалось особенное значеніе истекшаго года, какъ
стоящаго на рубежѣ двухъ эпохъ—одной, выразителемъ коей былъ
уставъ 1863 г., и «той, которая открывается съ введеніемъ новаго
устава», усмотрѣны были «сопоставленія и порицанія» этого устава,
о чемъ и сообщено телеграммой въ Петербургъ, и ректору пришлось
представлять свои объясненія, прилагать подлинный текстъ вступленія,
ссылаться на присутствовавшихъ на актѣ преосвященнаго, командующаго
войсками, и. д. начальника губерніи и проч. Это обстоятельство по-
служило поводомъ къ измѣненію самаго порядка составленія отчетовъ:
съ 1876 по 1884 г. включительно ихъ составляла коммиссія изъ про-
фессоровъ и читались они однимъ изъ ея членовъ. Теперь отчеты
стали составляться секретаремъ совѣта, подъ наблюденіемъ самого рек-
тора, который и читалъ ихъ на актѣ.

Примѣненіе устава, естественно, вызывало, особенно на первыхъ
порахъ, разнаго рода затрудненія; возникали недоразумѣнія; требовались
разъясненія, и ректоръ неразъ входилъ съ представленіемъ на этотъ
счетъ, а это вызывало со стороны вліятельныхъ въ министерствѣ лицъ

¹⁾ Архивъ мин. нар. просв., 172572/4604 (1887 г.).

²⁾ Архивъ мин. нар. просв., 162720/3011.

подозрѣніе, будто бы онъ «старается приискывать всевозможныя затрудненія для осуществленія новаго университетскаго устава».

При той власти, которою уставъ 1884 г. обладалъ попечителя, для университетской жизни далеко не безразлично было, кто занималъ эту должность, особенно когда еще вводился новый порядокъ и происходила ломка университетскаго строя.

Въ моментъ изданія устава 1884 года попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа былъ, какъ мы видѣли, генер.-лейт. *М. С. Максимовскій*; при немъ проведены были первыя мѣры, связанныя съ новымъ порядкомъ. Но черезъ нѣсколько уже мѣсяцевъ его замѣнилъ¹⁾ т. с. *Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ*, прибывшій въ Харьковъ въ началѣ 1885 года. Артиллеристъ по образованію, *Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ* служилъ сначала то въ военной службѣ, то по министерству государственныхъ имуществъ. Въ 1863 году онъ посѣтилъ Вильну и Варшаву и оттуда посылалъ корреспонденціи Каткову, обратившій на себя вниманіе. Цѣлыхъ 20 лѣтъ онъ провелъ загѣмъ на службѣ въ Царствѣ Польскомъ, сначала какъ сотрудникъ *Н. А. Милютина*, кн. Черкаскаго и Самарина по крестьянскому дѣлу, а потомъ занималъ должность начальника Радомской учебной дирекціи и въ теченіе 13 лѣтъ былъ помощникомъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа (*Апухтина*). Эта служба на окраинѣ, среди борьбы національныхъ и религіозныхъ элементовъ, должна была наложить извѣстный отпечатокъ на воззрѣнія *Н. П. Воронцова-Вельяминова*, и первое время онъ относился подозрительно къ Харьковскому университету, усматривая и тутъ сепаратизмъ. Это обнаружилось, между прочимъ, и въ отношеніи его къ студенческой демонстраціи противъ одного молодого преподавателя, вступительная лекція котораго встрѣчена была свистками и шиканіемъ части аудитории. Объ этомъ, въ сущности неважномъ, инцидентѣ попечитель сообщилъ телеграммой въ Петербургъ, какъ о «дерзкомъ нарушеніи приличія и порядка нѣсколькими студентами»; профессорамъ, несочувственно относившимся къ упомянутому преподавателю, поставилъ въ вину ихъ отсутствіе на лекціи, а въ самой демонстраціи усмотрѣлъ вліяніе

¹⁾ По поводу оставленія *М. С. Максимовскимъ* должности попечителя во вступленіи къ отчету за 1884 годъ было сказано, что онъ относился къ университету и профессорской коллегіи «сочувственно» и «оставилъ свой постъ, сопровождаемый искренними сожалѣніями значительнаго большинства университетской коллегіи». Впрочемъ, эти фразы, при обсужденіи отчета въ сенатѣ, вызвали продолжительныя пренія и встрѣтили сильную оппозицію со стороны меньшинства (правда, по численности незначительнаго). См. протоколъ засѣданія 15 января 1885 года и отдѣльное мнѣніе нѣсколькихъ профессоровъ.

«вредоносныхъ» историческихъ теорій, «сложившихся въ головахъ нашихъ украинофиловъ»¹⁾.

Впослѣдствіи мало-по-малу отношеніе Н. П. Воронцова-Вельяминова къ университету и его дѣятелямъ измѣнилось къ лучшему. Онъ былъ попечителемъ въ Харьковѣ сравнительно долго—около 12 лѣтъ. Въ 1886 г. его замѣнилъ *И. П. Хрущовъ* (1896—9 г.), магистръ русской словесности и одно время доцентъ университета св. Владимира. Преемникомъ *И. П. Хрущова* былъ *В. К. ф. Анрепъ* (1899—1901 г.), въ серединѣ 80-хъ г.г. занимавшій кафедру судебной медицины въ Харьковскомъ университетѣ, затѣмъ служившій при медицинскомъ департаментѣ, бывшій профессоромъ въ клиническомъ институтѣ Великой Княгини Елены Павловны и директоромъ женскихъ медицинскихъ курсовъ въ Петербургѣ; а съ 1901 года попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа состоитъ *М. М. Алексѣенко*, питомецъ Харьковскаго университета, бывшій профессоръ финансоваго права, деканъ юридическаго факультета и ректоръ этого университета въ продолженіе почти 9 лѣтъ (1891—1899 г.), а затѣмъ попечитель Казанскаго учебнаго округа.

Къ 1887 г. новые порядки были окончательно введены въ Харьковскомъ университетѣ, и въ отчетѣ за 1886 г. констатируется тотъ фактъ, что въ этомъ году уставъ 1884 года былъ уже въ полномъ дѣйствиіи и жизнь университета, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя, регулировалась уже правилами и положеніями, основанными на названномъ уставѣ. Объ этихъ правилахъ и положеніяхъ, равно какъ и о тѣхъ сторонахъ устава, которыя касаются преподаванія и студентовъ, мы будемъ говорить далѣе. Здѣсь же отмѣтимъ, что съ 1888 года, какъ было упомянуто, подъ влияніемъ опыта, обнаруживается нѣкоторый поворотъ: уставъ примѣняется уже не съ такою строгостью и послѣдовательностью; нѣкоторыя нововведенія отиѣняются; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пришлось даже вернуться къ прежнему.

Дѣло въ томъ, что многія нововведенія оказывались непримѣнимыми къ дѣйствительности. А главное—уставъ 1884 г. вызванъ былъ прежде всего стремленіемъ сдѣлать невозможными на будущее время студенческіе безпорядки. Обѣзжая университеты въ 1887 г., предсѣдатель ученаго комитета *А. П. Георгіевскій* выражалъ твердую увѣренность, что теперь безпорядки немыслимы; но оказалось, что этой цѣли уставъ не достигъ. Какъ извѣстно, безпорядки происходили и послѣ его введенія, и какъ разъ въ 1887 году, когда *А. П. Георгіевскій* возвращался изъ своей поѣздки, они приняли широкіе размѣры, охвативъ многіе университеты,

¹⁾ Донесеніе отъ 16 февр. 1885 г. (архивъ мин. нар. просв., ^{166983/1369}).

въ томъ числѣ и Харьковскій¹⁾. Это должно было сильно подорвать вѣру въ цѣлительность устава и вообще въ цѣлесообразность новыхъ порядковъ.

Нѣкоторое вліяніе на переѣзду въ отношеніи къ университетамъ имѣли и другія обстоятельства, напр. посѣщеніе университетскихъ городовъ и въ томъ числѣ Харькова тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновымъ осенью 1888 г. Въ Харьковѣ министръ пробылъ недѣлю (18—25 сент.), при чемъ значительную часть времени посвятилъ университету. Онъ осмотрѣлъ его помѣщенія и учрежденія, посѣтилъ нѣкоторыя лекціи и имѣлъ рядъ совѣщаній съ профессорами и приватъ-доцентами каждаго изъ факультетовъ въ отдѣльности. При этомъ подверглись обсужденію и разъясненію сомнѣнія и недоразумѣнія, встрѣчавшіяся при примѣненіи новаго устава и правилъ, высказывались мнѣнія о ихъ недостаткахъ и проч.

Больше вліянія имѣло другое событіе, о которомъ далѣе мы еще будемъ говорить. Это—посѣщеніе университетскихъ клиникъ и церкви Императоромъ Александромъ III 19 октября 1888 года, послѣ спасенія Государя, Государыни и Царской семьи при крушеніи Императорскаго поѣзда близъ Борокъ (17 октября). Дѣятельное участіе Харьковскаго университета въ дѣлѣ оказанія помощи раненымъ при этой катастрофѣ; пріемъ, оказанный Государю и Государынѣ въ Харьковѣ, а также въ Москвѣ и Петербургѣ, учащеюся молодежи,—все это не могло не повліять на отношеніе правительства къ университетамъ вообще и въ частности къ Харьковскому, и съ 1888 г. это отношеніе становится болѣе довѣрчивымъ и болѣе внимательнымъ къ ихъ нуждамъ.

Перейдемъ теперь къ дѣятельности совѣта Харьковскаго университета за разсматриваемый періодъ.

Во главѣ университета, въ качествѣ ректора, а слѣдовательно, и предсѣдателя совѣта, въ первые годы послѣ обнародованія устава стоялъ, какъ мы видѣли, *И. П. Щелковъ*. Отношеніе къ нему профессорской коллегіи видно изъ того, что вскорѣ послѣ перехода его въ Варшаву (въ концѣ 1890 года) совѣтъ Харьковскаго университета избралъ его въ почетные члены. На мѣсто И. П. Щелкова назначенъ былъ деканъ юридическаго факультета *М. М. Алексѣенко* (нынѣ попечитель Харьковскаго учебнаго округа), ректорство котораго продолжалось болѣе 9 лѣтъ, до назначенія его (въ 1899 г.) попечителемъ въ Казань; преемникомъ его былъ *Г. И. Лагермаркъ*, профессоръ

¹⁾ О нихъ—далѣе, въ III гл.

химіи, занимавшій должность ректора около 2 лѣтъ; послѣ него назначень профессоръ государственнаго права *Н. О. Куплевскій* (по 1905 г.).

Уставомъ 1884 г. сфера компетенціи и дѣятельность совѣта была крайне сѣужена. Въ первое время послѣ обнародованія устава совѣтъ, по крайней мѣрѣ, принималъ участіе въ обсужденіи проектовъ нѣкоторыхъ правилъ и мѣръ, связанныхъ съ новымъ порядкомъ, хотя съ его представленіями и мнѣніями министерство рѣдко соглашалось.

Такъ, въ 1885 г. совѣтомъ Харьковскаго университета подробно были рассмотрѣны предложенныя на его обсужденіе правила, касающіяся студентовъ, и инструкція для инспекціи, выработанная министерствомъ. Совѣтъ представилъ цѣлый рядъ возраженій по поводу ихъ¹⁾; представилъ свои замѣчанія на инструкцію и ректоръ, указывая главнымъ образомъ на неопредѣленное, такъ сказать, двойственное положеніе инспектора, какъ подчиненнаго и попечителя, и ректору. Харьковскимъ университетомъ выработаны были и учебные планы²⁾, но министръ не призналъ возможнымъ утвердить ихъ. Но съ 1886 г., когда новый порядокъ вполнѣ уже установился, дѣятельность совѣта долгое время—до самаго конца 90-хъ годовъ—обыкновенно ограничивалась дѣлами объ исключеніи разныхъ лицъ изъ податнаго состоянія, утвержденіями въ степеняхъ и вообще такъ называемыми «текущими дѣлами», принимаемыми къ свѣдѣнію или исполненію. Въ отчетахъ о дѣятельности университета за эти годы такія дѣла, какъ рассмотрѣніе обзоровъ преподаванія, смѣты специальныхъ средствъ, ходатайство того или другого факультета о временномъ порученіи преподаванія по вакантной кафедрѣ, о вознагражденіи приватъ-доцентовъ и т. под., именуются «важнѣйшими»; да и тутъ обыкновенно все ограничивалось заслушиваніемъ и направленіемъ дѣла, въ высшую инстанцію. Нѣкоторое ис-

1) Протоколъ засѣд. совѣта 14 марта и 4 апрѣля 1885 года.

2) Рассмотрѣніе ихъ въ совѣтѣ сопровождалось долгими преніями, въ особенности касательно учебнаго плана по медицинскому факультету. Тогда выдѣлилось нѣсколько лицъ изъ профессорской среды, которыя нѣкоторое время пользовались особымъ довѣріемъ въ министерствѣ. Въ особенности это нужно сказать объ одномъ профессорѣ-медикѣ, который въ факультетѣ и въ совѣтѣ постоянно вступалъ въ долгія пререканія, позволяя себѣ рѣзкости и оскорбленія по отношенію къ членамъ и предсѣдателю. Въ одномъ изъ засѣданій совѣта дѣло дошло до того, что многіе поднялись съ мѣстъ и заявили, что, въ виду явнаго неуваженія къ совѣту и предсѣдателю со стороны этого профессора, они считают невозможнымъ оставаться долѣе въ залѣ засѣданія; нѣкоторые предлагали изыскать мѣры для устраненія нарушенія порядка и чтобы гарантировать совѣтъ отъ оскорбленій, и т. д. (Протоколъ засѣд. сов. 4 апр. 1885 г.).

ключеніе составилъ вопросъ объ избраніи мѣста для постройки клиникъ, вызвавшій продолжительныя и оживленныя пренія въ совѣтъ (1894 г.). Съ конца 90-хъ годовъ дѣятельность совѣта значительно расширяется.

Къ этому времени и само министерство явно пришло къ убѣжденію въ несостоятельности, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ сторонъ устава, — прежде всего системы гонорара.

Гонорарная система была установлена для большаго поощренія профессоровъ и учащихся и вмѣстѣ какъ средство устранить «все тѣ нестроенія, которыми страдало, при прежнихъ порядкахъ, учебное дѣло въ нашихъ университетахъ и которыхъ никакія административныя мѣры не могли устранить¹⁾». Гонораръ, по словамъ его защитниковъ²⁾, есть справедливое вознагражденіе каждому. Предполагалось, что «при равныхъ условіяхъ тотъ преподаватель, очевидно, будетъ имѣть болѣе слушателей, кто лучше преподаетъ»; что гонораръ побудитъ профессоровъ не только увеличивать количество, но и улучшать качество своего преподаванія, «строго сообразуясь съ дѣйствительными потребностями и съ удобствами своихъ слушателей, обучая ихъ прежде всего тому, что требуетъ отъ нихъ правительство на экзаменахъ». Гонораръ долженъ былъ побудить и студентовъ относиться внимательнѣе къ лекціямъ, «такъ какъ они именно за нихъ и заплатили деньги»; онъ сразу установитъ нравственныя и доброжелательныя отношенія между профессорами и студентами и поведетъ къ столь желательному сближенію между ними на почвѣ науки; «эти же деньги поведутъ къ тому, что при системѣ гонорара каждый преподаватель будетъ лично заинтересованъ тѣмъ, чтобы въ его аудиторіи не было лицъ, не пріобрѣвшихъ права на слушаніе лекцій».

Надежды эти и соображенія, какъ извѣстно, не оправдались. Уже графъ П. Д. Деляновъ въ 1897 г., усматривая существенныя неудобства въ гонорарной системѣ, заключавшіяся, съ одной стороны, въ обремененіи студентовъ значительною платою и, съ другой, — въ неравномѣрномъ распредѣленіи этой платы между преподавателями, призналъ необходимымъ «предварительно какого-либо дальнѣйшаго направленія сего дѣла» (въ законодательномъ порядкѣ) «имѣть относительно дѣйствующей нынѣ системы гонорара мнѣніе совѣтовъ университетовъ, управляемыхъ уставомъ 1884 г.». Вслѣдствіе этого совѣтъ Харьковскаго университета, для предварительной разработки вопроса, избралъ комиссію изъ профессоровъ А. К. Андреева, Д. И. Багалія, Н. О. Куплеваскаго, И. Н. Миклашевскаго, И. П. Осипова, А. В. Репрева, И. П. Скворцова и Н. Ю. Сумцова. Комиссія сочла необходимымъ прежде всего ознакомиться съ

1) Мнѣніе 16 членовъ Государственнаго Совѣта въ пользу гонорара.

2) См. указанное мнѣніе 16 членовъ.

фактическимъ положеніемъ, созданнымъ гонорарною системою, и предложила совѣту высказать мнѣніе о гонорарѣ, основывающееся на собранныхъ и надлежащимъ образомъ проверенныхъ фактахъ дѣйствительной жизни. Она представила обстоятельный докладъ, занимающій въ печати 31 стр., который былъ принятъ совѣтомъ единогласно и который ясно свидѣлствуетъ, каково было вліяніе гонорарной системы. По заключенію комиссіи, гонораръ явился большимъ обремененіемъ для студентовъ и имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что прохожденіе университетскаго курса наиболѣе облегчено, съ одной стороны, очень богатымъ молодымъ людямъ, а съ другой—совсѣмъ неимущимъ (которые могутъ быть освобождены отъ платы); главною тяжестью плата легла на семьи средняго или малаго достатка; положеніе такихъ семей особенно тяжело, если приходится воспитывать нѣсколькихъ сыновей; подобныя семьи, «воистину, бѣдныя семьи, хотя онѣ и не могутъ представить свидѣтельства о бѣдности» (стр. 15). Явившись обременительнымъ для студентовъ, гонораръ крайне неравномѣрно распредѣлялся между профессорами, при чемъ это распредѣленіе находилось въ зависимости не отъ степени талантливости, учености или труда профессора, а отъ количества студентовъ въ университетѣ, отъ распредѣленія ихъ по факультетамъ и по курсамъ и отъ числа освобожденныхъ отъ платы, т. е. отъ того, гдѣ и какой предметъ преподаетъ профессоръ. Такимъ образомъ, система гонорара имѣла своимъ послѣдствіемъ образованіе «выгодныхъ» и «невыгодныхъ» университетовъ, факультетовъ, кафедръ, курсовъ (младшіе курсы оказывались вообще «выгоднѣе» старшихъ, такъ какъ они обыкновенно многолюднѣе). Харьковскій университетъ принадлежалъ къ числу «невыгодныхъ»: средній размѣръ профессорскаго гонорара въ немъ¹⁾ не превышалъ 282 рублей 69 коп. въ полугодіе, а средній размѣръ гонорара привагъ-доцента=41 р. 69 к. Изъ общаго числа профессоровъ Харьковскаго университета только 18,1% получали гонораръ, близкій къ общей университетской средней (289 руб.); 48,6% получали гонораръ ниже этой средней и 33,3%—гонораръ выше средняго. 20% всего числа профессоровъ получало совершенно ничтожный гонораръ. Всѣ профессора историко-филологическаго факультета получали гонораръ отъ 2 р. и не болѣе 100 р. въ полугодіе. Наибольшій гонораръ приходился на долю профессоровъ медицинскаго и юридическаго факультетовъ и тѣхъ профессоровъ физико-математическаго факультета, которые читали лекціи также и на медицинскомъ; среди нихъ и «образовалась группа наиболѣе обеспеченныхъ

1) Подсчетъ комиссіей дѣлался за десятилѣтіе, съ 1887 г. по 1897 г.

гонораромъ и притомъ... въ такъ же неравномерно-большой степени, какъ въ неравномерно-малой степени обременяются предшествующія группы» (стр. 13). Но еще важнѣе нравственная сторона системы гонорара, на которой остановился упомянутый докладъ. По его словамъ, система эта развила въ профессорахъ тенденцію, а именно между университетскими преподавателями, «поставляла ихъ искать иногда дешевой популярности между студентами, иногда своимъ посядствомъ повнѣженіе экзаменаціонныхъ требованій» и главное—«поставила учащихся въ совершенно ненормальныя отношенія къ учащимся» (стр. 21).

При преeminѣ стр. II. П. Боголѣповъ (1898—1901), приступлено было къ работѣ предложеній касательно преобразованія учебныхъ заведеній. Это направление коснулось и университетовъ, но въ слабой степени. До тѣхъ поръ, при дѣйствіи устава 1884 года, назначеніе профессоромъ происходило обыкновенно помимо совѣта и прямого участія факультета. Недостатки такого порядка признаны были самимъ министерствомъ, которое съ 1899 года стало предпочитать систему конкурсовъ. Такимъ образомъ, совѣту Харьковскаго университета съ тѣхъ поръ приходилось неразъ производить выборы на вакантныя кафедры, преимущественно по медицинскому факультету. Только части были выборы съ 1902 года, когда министерство объявило конкурсъ по всѣмъ вакантнымъ кафедрамъ, при чемъ тутъ разумѣлся и тѣ кафедры, на которыхъ были профессора, прослужившіе 30 лѣтъ и, следовательно, состоявшіе уже въ отставкѣ. При этомъ на медицинскому факультету случались коллизіи, когда въ конкурсѣ принималъ факультетскаго кандидата и посылало кандидата, получавшее въ факультетъ меньшее число голосовъ. Въ такихъ случаяхъ министерство обыкновенно утверждало не совѣтскаго, а факультетскаго кандидата.

При Н. П. Боголѣповѣ же, въ томъ же 1899 г., совѣтъ Харьковского университета обсуждалъ мѣры, касающіяся развитія практической медицины, а также постановленія желательнаго общенія между медицинскими и медицинскими учебными начальствомъ и проп.

Больше рѣшительныя шаги на пути къ преобразованію университетскаго строя предприняты были въ министерство генер.-адют. П. С. Ванновскаго (1901—1902). Строй этотъ самимъ правительствомъ признанъ необходимымъ. Въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя П. С. Ванновскаго, при назначеніи его министромъ, отъ 24 марта 1901 года Государь Императоръ призналъ «благовременнымъ безотлагательно приступить къ коренному его пересмотру и исправленію». Министръ въ своемъ приказѣ отъ 5 апр. приглашалъ всѣхъ служащихъ по избранному ему

министерству къ совмѣстной дружной и неустанной работѣ по пути осуществленія Высочайше указанной программы. Совѣтъ Харьковскаго университета успѣшили откликнуться на этотъ призывъ и для составленія мотивированнаго отвѣта по вопросамъ, касающимся устройства университетовъ, избрали комиссію изъ 12 профессоровъ, по 3 отъ каждаго факультета (Д. И. Багалъй, В. П. Бузескуль, Л. Л. Гиришманъ, В. Ф. Левитскій, А. М. Ляпуновъ, И. Н. Миклашевскій, Н. А. Соколовъ, В. А. Стекловъ, П. Т. Степановъ, И. П. Скворцовъ, Г. Ю. Шульцъ, К. Н. Ярошъ)¹⁾. Между тѣмъ министръ обратился въ университеты съ цѣлымъ рядомъ (18) вопросовъ, касавшихся желательнаго измѣненія дѣйствующаго устава. Тогда совѣтъ поручилъ (7 мая) той же комиссіи, пополнивъ ее еще 4 членами (Д. Н. Овсянико-Куликовскій, М. А. Тихомандрицкій, Н. Ф. Толочинновъ, В. А. Уляницкій, при чемъ взамѣнъ выбывшаго К. Н. Яроша избранъ былъ М. А. Остроумовъ), выработать проектъ мотивированнаго отвѣта и на эти вопросы. Комиссія, подъ предсѣдательствомъ проф. Л. Л. Гиришмана и при секретаряхъ Д. И. Багалъй, И. Н. Миклашевскомъ и Д. Н. Овсянико-Куликовскомъ, съ 8 мая по 2 іюня имѣла 13 засѣданій, на которыхъ выработаны были основныя положенія и отвѣты. Въ теченіе лѣтнихъ каникулъ составленъ былъ и самый докладъ (редакціоннымъ комитетомъ изъ профессоровъ Д. И. Багалъя, В. П. Бузескула, И. Н. Миклашевскаго и Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, при чемъ окончательная редакція и заботы по печатанію поручены были Д. И. Багалъю). Обсужденію его совѣтъ посвятилъ въ сентябрѣ 15 экстренныхъ засѣданій и внесъ въ него нѣкоторыя поправки, измѣненія и дополненія.

Въ окончательной редакціи «Отвѣтъ совѣта Императорскаго Харьковскаго университета на вопросы, предложенные министерствомъ народнаго просвѣщенія объ измѣненіи устава 1884 года», напечатанный на правахъ рукописи (Харьк. 1901), представляетъ собою цѣлую книгу въ 140 стр. Въ началѣ ея предпосылается общая часть, въ которой высказывается взглядъ совѣта «на основную причину недостатковъ современнаго университетскаго строя и на тотъ основной принципъ, на которомъ его слѣдуетъ построить». Мы считаемъ необходимымъ привести нѣкоторыя выдержки, чтобы характеризовать дѣйствіе устава 1884 г. и воззрѣнія профессорской коллегіи.

«Настоящій, чисто бюрократическій строй университетовъ является ненормальнымъ», говорится здѣсь. «Университетскіе безпорядки, принявшіе въ послѣдніе годы столь печальныя формы и сдѣлавшіеся какъ бы

¹⁾ См. печатный «Рапортъ» предсѣдателя комиссіи Л. Л. Гиришмана, представленный въ совѣтъ.

хроническимъ явленіемъ, представляются только однимъ изъ наиболѣе рѣзкихъ, но далеко не единственнымъ симптомомъ болѣзненнаго состоянія нашихъ университетовъ. Мы, профессоры, непосредственно руководящіе образованіемъ студентовъ, знаемъ и многія другія болѣзненные явленія, но намъ не только нельзя было врачевать ихъ, но трудно было даже указывать на нихъ. Главнымъ зломъ мы, по внутреннему самосознанію, признаемъ духъ равнодушія, который явился необходимымъ результатомъ *недовѣрія* министерства къ университетамъ и, какъ естественнаго послѣдствія его, суровой и излишней регламентаціи. Уставъ 1884 года, позаимствовавшій механически многія черты строя нѣмецкихъ университетовъ, но не усвоившій ихъ основы и сущности—академической свободы, не находился въ соотвѣтствіи ни съ началами русской жизни, ни съ потребностями времени. Не имѣя у насъ той исторической основы, какая у него была на Западѣ, онъ совершенно не привился къ намъ и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, очень скоро сдѣлался причиною застоя и регресса. вмѣсто живой дѣятельности, при немъ развился формализмъ и излишняя централизація: университеты превратились въ канцеляріи; дѣятельность совѣтовъ была до такой степени сѣужена, что они своею властью не могли рѣшить, напр., вопроса о перенесеніи профессорскихъ лекцій съ однихъ часовъ на другіе; лишенные права самопополненія, эти ученые *коллегіи* сдѣлались поневолѣ равнодушными къ тому, что составляетъ живую душу университета; разобщенные другъ съ другомъ и со своими слушателями, лишенные довѣрія и связаннаго съ нимъ самоуправленія, профессоры потеряли свой нравственный престижъ въ глазахъ молодежи и не могли уже оказывать того благотворнаго вліянія, какое, при *коллегіальномъ* строѣ академической жизни, обыкновенно имѣютъ на своихъ питомцевъ; студенты, на которыхъ установленъ былъ взглядъ, какъ на отдѣльныхъ посѣтителей университета, представляли дезорганизованную массу, въ которой хозяевами положенія сдѣлались крайніе элементы;—болѣе благоразумная и умѣренная часть студенчества, дорожившая университетомъ и его наукой, должна была оставаться въ сторонѣ, не имѣя никакихъ законныхъ формъ для проявленія своихъ чисто студенческихъ, академическихъ интересовъ. Спрашивается: развѣ мыслимо было живое общеніе профессоровъ со студентами и сердечное попеченіе первыхъ о вторыхъ, когда между ними воздвигнута была столь высокая стѣна? И только *коллегіальное* начало съ автономіей могутъ разрушить эту вредную, искусственную преграду, поднять научный уровень университетовъ и нравственный авторитетъ профессоровъ, оздоровить, наконецъ, въ значительной степени и учащуюся среду. Говоримъ

«въ значительной степени», потому что никакой уставъ самъ по себѣ не можетъ гарантировать полнаго отсутствія безпорядковъ. Университеты не имѣютъ возможности совершенно оградить своихъ питомцевъ отъ внѣшнихъ общественныхъ и политическихъ вліяній. Нужно однако стремиться, по крайней мѣрѣ, къ тому, чтобы учащаяся молодежь, во время прохожденія университетскаго курса, не оставалась безъ добраго нравственнаго воздѣйствія своихъ наставниковъ. Но для нравственнаго престижа этихъ послѣднихъ необходимо поднять значеніе университетовъ, какъ научныхъ центровъ, а это немислимо безъ свободы научнаго изслѣдованія. Эта послѣдняя составляетъ живую душу, источникъ силы, крѣпости и естественнаго роста нѣмецкихъ университетовъ, залогъ культуры народа и государства.... Наука же безъ свободнаго изслѣдованія невозможна, а при свободѣ изслѣдованія непременно будутъ разныя мнѣнія и взгляды на одинъ и тотъ же предметъ. Довѣріе къ университетамъ прежде всего должно выразиться въ замѣнѣ бюрократическаго надзора свободой научнаго изслѣдованія и преподаванія.... Необходимость самоуправления вытекаетъ изъ того, что университеты, въ противоположность другимъ государственнымъ учрежденіямъ, являются учрежденіями *sui generis*; ихъ дѣятельность посвящена наукѣ и преподаванію ея, а потому цѣлесообразно управлять ими *могутъ* только тѣ же люди науки.... Между тѣмъ въ основу устава 1884 г. былъ положенъ ложный взглядъ, что университеты суть такія же административныя мѣста или учрежденія, какъ и всѣ другія, и что профессора суть не что иное, какъ чиновники вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.... Какъ системѣ чиновниковъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, свойственно опредѣленное іерархическое подчиненіе, обуславливающее успѣхъ управленія и обеспечивающее населеніе отъ произвола отдѣльныхъ лицъ, такъ совершенно неприложимо это іерархическое подчиненіе къ области науки и къ служителямъ ея—профессорамъ и ученымъ; для самой возможности существованія и развитія ученаго мышленія и творчества необходимо широкое право свободнаго изслѣдованія. Ученая мысль никоимъ образомъ не можетъ, безъ ущерба для дѣла, быть связанной велѣніями чужой воли, быть насильственно направляемой ею въ ту или другую сторону. Всегда и всюду только при условіи свободы изслѣдованія, она давала плодотворные результаты, снискавшіе ей авторитетъ и уваженіе не только учащихся, но и широкихъ круговъ общества. Если всякій чиновникъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, долженъ для пользы дѣла въ большой мѣрѣ поступиться своею индивидуальностью, исполняя разумно и сознательно велѣнія воли, надъ нимъ стоящей, то возможно широкое развитіе индивидуальности въ профессорѣ

и ученомъ есть вѣрный залогъ движенія впередъ науки. А только эта послѣдняя и создаетъ тотъ нравственный авторитетъ профессора, въ силу котораго онъ пріобрѣтаетъ вліяніе надъ своими слушателями, не только благодаря сообщенію имъ результатовъ своихъ ученыхъ работъ, но и *своею личностію*. Оттого и университеты не могутъ быть разсматриваемы какъ «административныя мѣста». Это учрежденія совершенно особаго рода, такъ какъ существуютъ они не только для выполненія тѣхъ или иныхъ житейскихъ практическихъ задачъ, но и для культивированія науки, для пріобщенія къ сокровищницѣ ея молодыхъ поколѣній, приходящихъ въ университеты для обогащенія себя знаніями для пользы всеобщей.... Въ уставѣ объ учрежденіи академіи Петръ Великій говоритъ: «науки принужденія и насилія терпѣть не могутъ», а относительно академіи прибавляетъ: «чтобы сіе зданіе непремѣнно и полезно было, то имѣетъ оное только подъ вѣдѣніемъ Императора, яко протектора своего, быть и само себя править». Согласно съ этими словами Великаго Петра, совѣтъ считаетъ необходимымъ положить въ основаніе устава принципы свободы преподаванія, свободы слушанія и коллегіальнаго самоуправленія. А правильной, узаконенной, основанной на самостоятельности организаціей учащейся въ университетѣ молодежи, — и только этой организаціей, а не полицейскими мѣрами, — можетъ быть дана возможность болѣе спокойной части студентовъ, ищущихъ въ университетѣ глубокихъ знаній и смотрящихъ на университетъ, какъ на святиню, бороться противъ ненормальныхъ и вредныхъ для университета теченій (стр. 2—8).

За «общею частію» слѣдуютъ отвѣты на предложенные вопросы, съ подробнымъ изложеніемъ мотивовъ. Не имѣя возможности, за недостаткомъ мѣста, останавливаться здѣсь на мотивахъ, мы приведемъ самые отвѣты, по крайней мѣрѣ, на важнѣйшіе вопросы.

1. «Въ основу всей университетской организаціи должно быть положено выборное начало: факультеты и совѣты должны выбирать профессоровъ и преподавателей, которые могутъ быть удаляемы отъ службы не иначе, какъ по постановленію совѣта; совѣты избираютъ ректоровъ на 3 года, факультеты — декановъ на 2 года. Избраніе ректора профессорскою коллегіею 1) вытекаетъ изъ самаго принципа коллегіальнаго самоуправленія, долженствующаго быть основою университетскаго устройства; 2) наиболѣе соотвѣтствуетъ нормальнымъ условіямъ университетской жизни; 3) согласуется съ историческою традиціею. Только выборный ректоръ можетъ быть представителемъ живой и сильной коллегіи. Ректоръ же назначенный, въ глазахъ общества, профессоровъ и студентовъ, явится не авторитетнымъ представителемъ науки и ученой

профессорской коллегіи, а лицомъ, какъ-бы чуждымъ остальному профессорскому персоналу, естественнымъ результатомъ чего могутъ явиться коллизіи между нимъ и остальной коллегіею. Назначенный ректоръ не можетъ имѣть той нравственной опоры въ не избиравшей его профессорской коллегіи, которая необходима для надлежащаго вліянія на студентовъ, и вообще онъ будетъ лишенъ того высокаго нравственного престижа, какимъ пользовался бы выборный ректоръ. Такой ректоръ будетъ занимать изолированное положеніе и, слѣдовательно, явится безсильнымъ или же будетъ оказывать такое давленіе на коллегію, которое совершенно несовмѣстимо съ принципомъ университетскаго самоуправленія. — Нынѣшнее «двоевластіе» въ университетахъ — попечителя и ректора — должно быть уничтожено». 2. «Желательно усиленіе власти совѣта, поднятіе научнаго значенія факультетовъ и раздѣленіе функций правленія между новыми учрежденіями, которыя его могутъ замѣнить, — коллегіей декановъ, хозяйственнымъ комитетомъ и университетскимъ судомъ. Факультетамъ, кромѣ функций, дарованныхъ уставомъ 1884 г., должно быть предоставлено болѣе инициативы и простора, особенно въ ученой и учебной сферахъ дѣятельности. Ихъ компетенціи нужно предоставить всѣ вопросы, связанные съ программами, распредѣленіемъ предметовъ, дѣятельностью научныхъ студенческихъ кружковъ, окончательное назначеніе стипендій и пособій и ходатайство объ освобожденіи отъ платы, и печатаніе ученыхъ сочиненій, предназначенныхъ къ изданію на счетъ или отъ имени университета и т. п.». 3. Особая плата въ пользу отдѣльных преподавателей «должна быть вообще отмѣнена и оставлена только для приватъ-доцентовъ, читающихъ частные курсы». По 8-му вопросу совѣтъ высказался за восстановленіе института штатныхъ доцентовъ. 10. «Необходимо устраненіе излишняго формализма и регламентаціи въ дѣлѣ преподаванія и предоставленіе большей свободы совѣтамъ и факультетамъ въ распредѣленіи предметовъ и измѣненіи программъ; необходимы улучшеніе средней школы и установленіе связи между нею и университетами, улучшеніе матеріальнаго положенія студентовъ, расширеніе и улучшеніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій». 11. «Желательно учрежденіе не курсовыхъ, а предметныхъ экзаменовъ въ извѣстной послѣдовательности и порядкѣ, съ восстановленіемъ кандидатской степени. Должна быть допущена свобода слушанія лекцій. По мнѣнію большинства членовъ совѣта, студентъ, желающій получить дипломъ, обязанъ выдержать въ извѣстной послѣдовательности и опредѣленномъ размѣрѣ, устанавливаемыхъ факультетами, рядъ практическихъ и теоретическихъ испытаній. Для слушанія лекцій и практическихъ занятій факультетъ вырабатываетъ къ руководству студентовъ

особые учебные планы, которые однако только рекомендуются для пользы студентов, но слѣдованіе которымъ для нихъ не обязательно. Меньшинство членовъ совѣта высказалось за такую формулу: студенты, желающіе получить дипломъ, обязаны прослушать извѣстное минимальное число предметовъ факультетскаго преподаванія и выполнить относящіяся къ нимъ практическія занятія, исполнивъ это въ той послѣдовательности, которая устанавливается обязательными факультетскими планами. Совѣтъ высказался за допущеніе къ университетскимъ экзаменамъ на ученые степени, начиная съ кандидатской, экстерновъ, съ разрѣшенія факультета и совѣта». По 12-му вопросу совѣтъ высказался за предоставленіе служебныхъ правъ оканчивающимъ университетскій курсъ: университетскій дипломъ долженъ, по мнѣнію совѣта, сохранить свое важное значеніе, какъ гарантія того, что къ прохожденію государственной службы, по крайней мѣрѣ, начиная съ извѣстныхъ, опредѣленныхъ въ законѣ должностей, будутъ допускаться только лица, получившія болѣе или менѣе основательное теоретическое научное образованіе. 13. «Государственные экзамены, въ томъ ихъ видѣ, въ каковомъ они учреждены уставомъ 1884 г., должны быть отмѣнены», и возстановлены вмѣсто нихъ университетскіе экзамены, а, кромѣ того, если то будетъ признано нужнымъ различными вѣдомствами, то пусть будутъ введены для лицъ, получившихъ университетскіе дипломы, еще особыя испытанія—*настоящіе государственные экзамены*—для получения правъ на занятія тѣхъ или иныхъ должностей на государственной службѣ». 14. Для сближенія профессоровъ и студентовъ и для усиленія воспитательнаго вліянія первыхъ на послѣднихъ единственною мѣрою можетъ служить «возстановленіе довѣрія къ профессорамъ со стороны правительства и поднятіе ихъ значенія въ университетскомъ самоуправленіи; никакія же искусственныя и частныя мѣры не приведутъ къ цѣли. Автономія, способствуя развитію науки въ университетѣ, тѣмъ самымъ подниметъ и нравственное воздѣйствіе профессоровъ, ибо вліять на своихъ слушателей профессора могутъ только на почвѣ болѣе широкаго и свободнаго научнаго общенія». По 15-му вопросу совѣтъ высказался за допущеніе студенческихъ организацій и собраній для обсужденія студенческихъ дѣлъ. «Не предпрѣшая подробностей организацій студентовъ и считая необходимымъ предоставить ихъ выработку самой жизни, совѣтъ признаетъ безусловно необходимымъ разрѣшать студенческія организаціи, имѣющія въ виду матеріальную взаимопомощь, научно-литературныя и другія цѣли, не выходящія изъ круга чисто студенческихъ потребностей и интересовъ, такъ напр.: кассы взаимопомощи, столовыя, библіотеки, научно-литературныя кружки, землі-

чества, курсовыя и факультетскія собранія и т. д. Инициатива въ дѣлѣ устройства студенческихъ организацій должна принадлежать самимъ студентамъ. Разсмотрѣніе и утвержденіе ихъ организацій должно принадлежать совѣту; руководство и участіе въ этихъ организаціяхъ преподавательскаго персонала желательно, по выбору студентовъ и съ согласія совѣта. Курсовые старосты или другія подобныя лица признаются совѣтомъ полезными, какъ посредники между студентами, профессорами и университетскою администраціей». 16. «Университетскій судъ по дѣламъ о проступкахъ студентовъ долженъ быть восстановленъ». 17. «Совѣтъ высказался за введеніе особаго студенческаго суда, который долженъ быть устроенъ по обычному образцу «товарищескихъ судовъ чести», съ тѣмъ, чтобы недовольные его рѣшеніемъ могли апеллировать къ университетскому суду». 18. «Инспекцію въ ея нынѣшнемъ видѣ необходимо упразднить и учредить должность товарища ректора, избираемаго совѣтомъ изъ числа профессоровъ, въ помощь ректору по дѣламъ студенческимъ».

Давъ мотивированные отвѣты на всѣ вопросы, предложенные министерствомъ касательно измѣненія устава 1884 года, совѣтъ присоединилъ къ нимъ еще заключенія на пять дополнительныхъ вопросовъ, возбужденныхъ имъ самимъ согласно разрѣшенію г. министра, не стѣснявшаго совѣтовъ какими-либо рамками и ожидавшаго ихъ мнѣній по всѣмъ вопросамъ, которымъ въ интересахъ дѣла они придаютъ значеніе.

На первомъ планѣ здѣсь стоялъ вопросъ объ улучшеніи и расширеніи учебно-вспомогательныхъ учрежденій Харьковскаго университета, — издавна больной вопросъ, на которомъ намъ придется еще остановиться впереди по поводу преподаванія. Изъ остальныхъ вопросовъ обращаетъ на себя вниманіе 5-й — касательно допущенія женщинъ къ прохожденію университетскихъ курсовъ. «Совѣтъ единогласно постановилъ возбудить ходатайство о допущеніи женщинъ на всѣ факультеты на равныхъ со студентами правахъ».

Какъ бы въ дополненіе къ этому, въ концѣ 1901 г. представлены были соображенія факультетовъ по поводу возбужденнаго министерствомъ вопроса о новыхъ штатахъ и новыхъ кафедрахъ и предметахъ.

Всѣ мнѣнія и желанія, высказанныя въ «Отвѣтѣ» Харьковскаго университета (да и другихъ), въ то время остались, можно сказать, безъ результата: они не были осуществлены, по крайней мѣрѣ въ томъ духѣ и видѣ, какъ предполагалъ совѣтъ. Правда, въ декабрѣ 1901 г. еще министромъ П. С. Ванновскимъ утверждены были «временныя правила организаціи студенческихъ учрежденій», а въ августѣ 1902 г., уже при его

преемникъ Г. Э. Зенгеръ (1902—1904), введены были, съ Высочайшаго соизволенія, профессорскій судъ, вѣдѣнію котораго подлежали дѣла о нарушеніи учащими въ зданіи университета порядка, о столкновеніяхъ между ними и преподавателями или должностными лицами и о проступкахъ предосудительнаго характера, и «кураторы» изъ числа преподавателей для руководства студентами извѣстнаго курса, при чемъ куратору предоставлялось устраивать собесѣдованія съ курсомъ. Но эти нововведенія не согласовались съ общимъ университетскимъ строемъ, остававшимся не измѣненнымъ, и въ дѣйствительности не имѣли значенія. Совѣтъ долженъ былъ представить свои предположенія о редакціи текста правилъ относительно студенческихъ учреждений и выработать инструкцію для кураторовъ, что и было исполнено; въ 1902—1904 годахъ совѣтъ избиралъ кураторовъ¹⁾; два раза, въ 1902 и 1903 г., избиралъ судей²⁾. Но институтъ кураторовъ оказался мало жизненнымъ; что же касается профессорскаго суда, то въ теченіе перваго года онъ не функционировалъ за неимѣніемъ къ тому поводовъ. Но въ мартѣ 1904 г. произошли въ университетѣ событія, по поводу которыхъ, согласно Высочайше утвержденнымъ правиламъ, суду надлежало высказать свое мнѣніе. «Однако», говоря словами одного изъ профессоровъ-судей³⁾, «при первомъ же представившемся его компетенціи дѣлѣ, профессорскій судъ былъ устраненъ; официально онъ находился въ полномъ невѣдѣніи

¹⁾ На 1902²/₃ г. въ кураторы были избраны: по историко-филолог. фак.—проф. И. В. Нетушилъ (одинъ для всего факультета, въ виду его малочисленности); по физико-матем.—проф. А. Г. Зайкевичъ, приватъ-доценты: Н. О. Бѣлоусовъ, А. П. Грузинцевъ, Н. Н. Евдокимовъ; по юридич.—проф. Н. А. Максимейко, прив.-доценты: А. Н. Фатѣевъ, А. Д. Киселевъ, В. А. Ястржембскій; по медиц.—профессора: А. К. Бѣлоусовъ, Н. К. Кульчицкій, В. П. Крыловъ, М. Д. Пономаревъ. На 1903³/₄ г. по истор.-фил. фак.—проф. Я. А. Денисовъ, по физ.-матем.—профессора: А. Г. Зайкевичъ, А. В. Гуровъ, А. О. Брандтъ, прив.-доц. Н. О. Бѣлоусовъ; по юрид.—профессора: С. П. Никоновъ, В. Ф. Левитскій, П. П. Мигулинъ, прив.-доц. А. Н. Фатѣевъ; по медиц.—профессора: А. К. Бѣлоусовъ, Н. К. Кульчицкій, А. В. Репревъ, И. П. Скворцовъ, М. Д. Пономаревъ. На 1904¹/₂ г. избраны тѣ же, что и въ предыдущемъ году, за исключеніемъ отказавшагося А. В. Репрева, на мѣсто котораго избранъ проф. Н. О. Мельниковъ-Разведенковъ.

²⁾ На 1902²/₃ г. Л. Л. Гиришмана, Н. А. Гредескула, В. Ф. Левитскаго, М. А. Остроумова, В. А. Стеклова (изъ нихъ Л. Л. Гиришманъ—предсѣдатель; кандидатами къ судьямъ—Д. И. Багалъя, А. Х. Кузнецова, П. П. Мигулина, И. И. Осипова, Г. О. Шульца. На 1903³/₄ г. избраны судьями: Л. Л. Гиришманъ, Н. А. Гредескула, Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, В. А. Стекловъ, М. П. Чубинскій, (предсѣдатель—Л. Л. Гиришманъ); кандидатами къ судьямъ—Я. А. Анфимовъ; Д. И. Багалъй, В. П. Крыловъ, И. П. Осиповъ, Г. О. Шульцъ.

³⁾ См. протоколы засѣд. совѣта 7 окт. 1904 г.

относительно всего, что въ это время происходило въ университетѣ, и не могъ оказать никакого вліянія на ходъ событій, а между тѣмъ и общество, и студенты, и самъ совѣтъ, поручившій и довѣрившій намъ щекотливыя и отвѣтственныя обязанности университетскихъ судей, смотрѣли на судей и ждали отъ нихъ авторитетнаго разрѣшенія возникшихъ недоразумѣній. Создалось весьма непріятное и двусмысленное положеніе членовъ суда». Тогда они, каждый въ отдѣльности, подали въ совѣтъ заявленіе съ мотивированнымъ отказомъ отъ званія судей. Въ совѣтъ заявленіе ихъ тогда не было внесено, а въ концѣ концовъ каждый изъ судей получилъ бумагу, въ которой значилось, что г. министръ (генер.-лейт. В. Г. Глазовъ) призналъ, что подавшій заявленіе нарушилъ законы и постановленія, опредѣляющіе не только обязанности члена университетскаго суда, но и профессора¹⁾. Въ октябрѣ 1904 г. въ совѣтъ громаднымъ большинствомъ голосовъ въ судьи были предложены (по запискамъ) тѣ же лица; всѣ они отказались отъ баллотировки, другія также, и выборы не состоялись.

17 января 1905 г. исполнялось 100 лѣтъ со времени основанія Харьковскаго университета. Въ виду этого въ 1902 г. избрана была совѣтомъ коммиссія для редактированія намѣченныхъ юбилейныхъ изданій, по одному профессору отъ факультета (М. Е. Халанскій, И. П. Осиповъ, М. А. Остроумовъ, котораго вскорѣ замѣнилъ М. П. Чубинскій, и И. П. Скворцовъ). Главнымъ редакторомъ избранъ Д. П. Багалъй. Кромѣ того, составлена была коммиссія для разсмотрѣнія вопросовъ, связанныхъ съ устройствомъ предстоявшаго юбилейнаго торжества²⁾. Но въ виду тяжелыхъ испытаній, переживаемыхъ Россіей, самое торжество, назначенное на сентябрь 1905 г., отложено на неопредѣленное время.

Если мы ко всему этому прибавимъ избраніе совѣтомъ почетныхъ членовъ³⁾, то исчерпаемъ въ сущности циклъ почти всѣхъ болѣе выдающихся дѣлъ, коими совѣту приходилось заниматься при дѣйствіи устава 1884 г., до 1905 г.

¹⁾ См. тотъ же протоколъ.

²⁾ Изъ 12 членовъ, по 3 отъ каждаго факультета (Е. К. Рѣдинъ, Н. О. Сумцовъ, Г. О. Шульцъ; А. П. Грузинцевъ, И. П. Осиповъ, В. А. Стекловъ; А. Д. Киселевъ, С. П. Никоновъ, А. Н. Фатѣевъ; Л. Л. Гаршманъ, А. Х. Кузнецовъ, М. М. Ломиковский).

³⁾ Иностранныхъ ученыхъ въ теченіе 1884—1904 г.г. въ почетные члены избрано лишь нѣсколько лицъ, среди нихъ, напр., Э. Геккель, виконтъ де Вогуэ, П. В. Ягичъ; громадное большинство—русскихъ: А. О. Ковалевскій, О. И. Буслаевъ, Н. Я. Бунге, К. М. Θεοφιλακтовъ, Е. Е. Голубинскій, Н. П. Кондаковъ, О. Е. Коршъ, И. В. Помяловскій, К. А. Тимирязевъ, А. Н. Веселовскій (акад.),

Если сфера дѣятельности совѣта при дѣйствіи устава 1884 г. сгузилась, то функціи и дѣятельность правленія за разсматриваемый періодъ чрезвычайно расширились, особенно на практикѣ: можно сказать, что руководящее центральное значеніе перешло при дѣйствіи устава 1884 г. отъ совѣта къ правленію¹⁾. Правленіе—хозяйственно-административный органъ, а такъ какъ рѣдко въ какомъ учебномъ дѣлѣ, особенно если это касается учебно-вспомогательныхъ учреждений, нѣтъ стороны матеріальной, то правленіе оказывало вліяніе почти на всю жизнь университета, рѣшая даже дѣла, относящіяся скорѣе къ компетенціи совѣта или факультета. Такъ, напр., оно предпринимало постройку новаго библіотечнаго зданія, а также помѣщенія для поликлиникъ дѣтскихъ, душевныхъ и кожныхъ болѣзней, безъ участія совѣта или (во второмъ случаѣ) факультета; отъ него—по крайней мѣрѣ, до послѣдняго времени—зависѣло назначить или не назначить субсидію на командировку того или другого лица и т. п. По самому уставу, правленію принадлежало разбирательство по студенческимъ дѣламъ и т. д.²⁾.

Въ жизни университета въ этотъ періодъ, особенно въ послѣдніе годы, инспекція играла такую видную, вліятельную роль, что ея нельзя обойти молчаніемъ. Времена прежней, такъ сказать, патріархальной инспекціи, представителемъ которой являлся О. Ф. Рогожинъ, этотъ «отецъ студентовъ»³⁾, миновали. «Цѣль, сущность и смыслъ инспекціи, по уставу 1884 года и инструкціи», говорится въ «Отвѣтѣ совѣта» на предложенные въ 1901 году министерствомъ вопросы (стр. 115), «заключаются въ надзорѣ за поведеніемъ студентовъ какъ въ стѣнахъ университета, такъ, по мѣрѣ возможности, и внѣ его. Инспекторъ долженъ наблюдать за порядкомъ и благочиніемъ и принимать все зависящія отъ него мѣры къ *предупрежденію и пресѣченію* ихъ нарушенія; онъ и его помощники должны знать въ лицо всѣхъ студентовъ,

В. Я. Цингеръ, А. С. Фаминцынъ, М. С. Воронянъ, В. В. Марковниковъ, В. И. Ламанскій и друг. Среди нихъ видное мѣсто занимаютъ имена бывшихъ харьковскихъ профессоровъ: Н. Н. Бекетова, В. Г. Имшенецкаго, И. О. Леваковского, Н. А. Лавровскаго, И. П. Щелкова, М. И. Сухомлинова. Въ числѣ лицъ, возведенныхъ въ почетные доктора по представленію Харьковского университета за этотъ періодъ, мы встрѣчаемъ: А. О. Кони, П. Д. Хрущева (въ то время прив.-доц. Харьковского универс.) и К. Д. Хрущева, А. С. Лебедева (проф. Харьк. унив.), Г. В. Левицкаго (бывшаго проф. Харьк. унив.).

¹⁾ «Отвѣтъ», стр. 36.

²⁾ О факультетахъ не говоримъ здѣсь, такъ какъ ихъ исторія посвящена особые отдѣльные обзоры.

³⁾ См. предыдущій періодъ, стр. 238.

слѣдить за посѣщеніемъ ими лекцій, ознакомиться съ ходомъ занятій и обстановкой стипендіатовъ и освобожденныхъ отъ платы; отъ инспектора» главнымъ образомъ «зависитъ выдача студентамъ стипендій и пособій. Онъ въ одно и то же время и слѣдователь, и прокуроръ, и судья по проступкамъ студентовъ». Онъ, какъ мы видѣли (стр. 245), — по уставу 1884 г. полноправный членъ правленія по всѣмъ вопросамъ. Но «основная функція инспекціи», по выраженію того же «Отвѣта», — «ничѣмъ не ограниченный надзоръ, доходящій до чтенія въ мысляхъ и намѣреніяхъ» (стр. 117). Кромѣ того, въ министерство Н. П. Боголѣпова (циркуляромъ отъ 27 іюня 1899 г.) на инспекцію возложена новая обязанность — «благожелательное попеченіе» о нуждахъ учащихся, а личный составъ ея еще болѣе усиленъ. Въ первое время послѣ введенія устава инспекторомъ студентовъ былъ назначенъ *В. О. Вольнеръ*, бывшій дотолѣ помощникомъ инспектора и затѣмъ проректора, — человѣкъ мягкій, но безхарактерный и не пользовавшійся авторитетомъ; онъ вскорѣ долженъ былъ выйти въ отставку; преемникъ его, *А. К. Ресницкій*, пробылъ въ Харьковѣ недолго. Въ 1887 г. назначенъ инспекторомъ *Н. И. Алякритекій* (кандидатъ Московскаго университета, бывшій преподаватель русскаго языка и затѣмъ директоръ реального училища), 18 лѣтъ несшій эту обязанность и весьма влиявшій на университетскія дѣла.

2-я глава.

Преподаваніе и преподаватели.

Каково было положеніе преподавателей въ университетѣ при дѣйствіи устава 1884 г., ясно уже изъ предыдущаго. На ходъ университетскихъ дѣлъ и управленія по самому уставу они вліянія не имѣли: они стояли какъ бы въ сторонѣ, словно чужіе. Они стояли вдали и отъ студентовъ. Сближеніе съ учащеюся молодежью для профессора было даже не безопасно, какъ показываетъ примѣръ *И. И. Дитятина*, которому, между прочимъ, ставились въ вину его близкія отношенія къ студентамъ, то, что онъ съ ними бесѣдуетъ, объѣдаетъ, принимаетъ ихъ у себя на дому. Печальныя послѣдствія такого положенія профессоровъ въ университетѣ сказались ясно къ концу 90-хъ годовъ. Тогда одною изъ главныхъ причинъ, содѣйствовавшихъ возникновенію

и распространію студенческихъ безпорядковъ, была признана «разобщенность студентовъ между собой, съ профессорами и съ учебнымъ начальствомъ». Тогда сочли необходимымъ снова обратиться къ профессорскому вліянію и авторитету. Приняты были и нѣкоторыя мѣры для установленія желательнаго болѣ тѣснаго общенія между профессорами и студентами, какъ-то: болѣ широкая организація практическихъ занятій, учрежденіе научныхъ и литературныхъ студенческихъ кружковъ, устройство студенческихъ общежитій; но эти мѣры, о которыхъ мы еще будемъ говорить, оказались лишь палліативами, не приводящими къ цѣли... «Такое явленіе, какъ разобщенность студентовъ между собою, съ профессорами и учебнымъ начальствомъ», по словамъ комиссіи, назначенной физико-математическимъ факультетомъ для обсужденія упомянутыхъ мѣръ¹⁾, «служить только внѣшнимъ проявленіемъ причинъ того разлада, который гнѣздится въ глубинѣ организмовъ нашихъ высшихъ просвѣтительныхъ учреждений». Общая атмосфера, среди которой жилъ преподаватель университета, была тяжелая и не могла особенно способствовать подъему его духа и энергіи. «Профессора», говоритъ та же комиссія, «призваны работать при самыхъ неблагоприятныхъ для этого условіяхъ. Факультетъ, который является отвѣтственнымъ за успѣшность научно-педагогической дѣятельности, лишень возможности оказывать на нее соотвѣтствующее воздѣйствіе: полная регламентація всѣхъ ея подробностей ставитъ преграду проявленію инициативы со стороны факультета. Такимъ путемъ въ живое дѣло высшаго образованія вносится сухой формализмъ, подавляющій энергію и отзывчивость преподавателей и отнимающій у молодыхъ людей интересъ къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ».

Тѣмъ не менѣе, и среди этихъ неблагоприятныхъ условій, преподаватели Харьковскаго университета въ общемъ, по мѣрѣ силъ и возможности, исполняли свой долгъ, а научная производительность ихъ развивалась, какъ показываетъ ежегодный длинный списокъ ихъ работъ²⁾, среди которыхъ не мало выдающихся трудовъ. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и ихъ дѣятельности интересующіеся могутъ найти въ «Біографическомъ Словарѣ», который печатается отдѣльными томами, по факультетамъ, и въ которомъ біографіи расположены по кафедрамъ, въ хронологическомъ порядкѣ. Здѣсь же достаточно сказать, что и за разсматриваемый періодъ въ числѣ профессоровъ Харьковскаго университета встрѣчается не мало именъ, которыми, по справедливости, можетъ гордиться

¹⁾ См. ея докладъ.

²⁾ См. «Отчеты».

русская наука. Многие из них занимают почетное мѣсто между современными учеными; нѣкоторыя имена хорошо извѣстны не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ. Мы не беремъ на себя смѣлости выдѣлять изъ нынѣшняго состава отдѣльныя имена, какъ наиболѣе достойныхъ университетскихъ преподавателей и представителей науки. Но мы можемъ назвать изъ тѣхъ, кто уже оставилъ Харьковскій университетъ, напр. химика *Н. Н. Бекетова*, перешедшаго изъ Харькова въ Академію Наукъ, и извѣстнаго далеко за предѣлами нашего края окулиста *Л. Л. Гиришмана*, это дорогое для харьковцевъ имя, а изъ прежнихъ дѣятелей, уже покойныхъ, мы должны вспомнить такія имена, какъ *А. А. Потемня* на историко-филологическомъ факультетѣ, *Л. С. Ценковский*, *В. Г. Плишеницкій* (впослѣдствіи академикъ), *И. О. Леваковский* на физико-математическомъ, *И. П. Дитятинъ*, *К. К. Гаттенбергеръ*, *Г. М. Цѣхановецкій* (мало печатавшій, но широко образованный и необыкновенно начитанный въ разныхъ областяхъ знанія ученый) на юридическомъ и клиницисты *В. Г. Лашкевичъ*, *В. Г. Грубе*, *И. К. Зарубинъ* на медицинскомъ факультетѣ. Начало и расцвѣтъ дѣятельности въ Харьковскомъ университетѣ почти всѣхъ ихъ принадлежитъ скорѣе предшествующему времени. Изъ тѣхъ же профессоровъ, преподавательская дѣятельность которыхъ совпала какъ разъ съ разсматриваемымъ періодомъ и которые оставили Харьковъ, назовемъ, напр., проф. механики, достойнаго преемника *В. Г. Плишеницкаго*, *А. М. Ляпунова*, избраннаго въ Академію Наукъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и проф. сравнительнаго языкознанія *Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго*, пріобрѣвшаго широкую извѣстность своими работами по теоріи поэтического творчества и критическими этюдами о русскихъ писателяхъ и пользовавшагося большими симпатіями слушателей.

Уставъ 1884 года увеличилъ число профессоровъ. По штатамъ 1884 года въ Харьковскомъ университетѣ полагалось ординарныхъ профессоровъ 50 (вмѣсто 40, положенныхъ по уставу 1863 года), экстраординарныхъ 23 (вмѣсто 18), лекторовъ 4 (какъ и прежде). Въ моментъ введенія устава преподавательскій персоналъ Харьковскаго университета состоялъ изъ 40 ординарныхъ профессоровъ, 10 экстраординарныхъ, 22 штатныхъ доцентовъ, нѣсколькихъ приватъ-доцентовъ, 3 лекторовъ. Черезъ 10 лѣтъ, къ концу 1894 года, состояло: ординарныхъ профессоровъ 59 (изъ нихъ 15 вышедшихъ изъ штата), экстраординарныхъ 7, исправляющихъ должность экстраординарнаго профессора 9, приватъ-доцентовъ 50, лекторовъ 4, а къ концу 1904 г. — ординарныхъ 57 (въ томъ числѣ вышедшихъ изъ штата 22 и сверхштатныхъ 1), 1 исправляющій должность ординарнаго профессора, 11 экстраордина-

нарныхъ (въ томъ числѣ 1 сверхштатный), 16 и. д. экстраординарнаго проф., 56 привагъ-доцентовъ и 3 лектора. Такимъ образомъ, общее число преподавателей въ Харьковскомъ университетѣ къ концу разсматриваемаго періода=144. Но уставъ 1884 г. упразднилъ должность штатнаго доцента, а такихъ штатныхъ доцентовъ по штатамъ 1863 г. полагалось 31, и въ моментъ введенія новаго устава ихъ было въ Харьковскомъ университетѣ, какъ мы только-что видѣли, 22. Для полученія званія профессора требуется высшая ученая степень—доктора. Между тѣмъ русскіе университеты не такъ богаты учеными силами, чтобы можно было замѣстить всѣ каѳедры лицами, имѣющими высшую степень. Поэтому преподаваніе по многимъ, даже основнымъ, каѳедрамъ (напр. по классической филологіи, русской и всеобщей исторіи—на историко-филологическомъ факультетѣ или по уголовному, гражданскому, финансовому и торговому праву—на юридическомъ) приходилось часто поручать временно исправляющимъ обязанности профессора (бывшимъ доцентамъ) или привагъ-доцентамъ (по 64 ст. устава), въ большинствѣ случаевъ даже не магистрамъ, а магистрантамъ, или же профессорамъ, занимающимъ близкія по специальности каѳедры, и затѣмъ такія порученія возобновлять изъ года въ годъ, иногда въ теченіе 14-ти лѣтъ, какъ это было, напр., на историко-филологическомъ факультетѣ по нѣкоторымъ отдѣламъ всеобщей исторіи. Трудность замѣщенія каѳедръ лицами, имѣющими высшую ученую степень—съ одной стороны, желаніе обезпечить положеніе молодыхъ ученыхъ, уже болѣе или менѣе извѣстныхъ своими трудами или преподавательскою дѣятельностью,—съ другой, по необходимости повели къ отступленіямъ отъ устава, съ Высочайшаго разрѣшенія. Такъ, уже въ 1888 г. въ Харьковскомъ университетѣ одинъ магистръ назначенъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ, а съ 1889 года слѣдуетъ рядъ назначеній магистровъ въ исправляющіе должность экстраординарнаго профессора; въ 1890 г. число таковыхъ въ Харьковскомъ университетѣ уже достигаетъ 7, а къ концу 1904 г.—16.

Зато уставъ 1884 года стремился дать широкое развитіе институту привагъ-доцентовъ. И, дѣйствительно, съ его введеніемъ число привагъ-доцентовъ быстро возрастаетъ: передъ введеніемъ устава, къ 1 января 1884 года ихъ было 4, къ концу 1884 года—уже 8, въ 1885 году—17, въ 1886 году—28; затѣмъ въ 1887—1892 году число привагъ-доцентовъ немного уменьшилось и потомъ снова увеличилось, дойдя въ 1894 году до 50, а въ 1904 г.—до 56 (изъ нихъ большая часть приходится, конечно, на медицинскій факультетъ). Дальнѣйшему развитію и процвѣтанію этого института препятство-

вали тяжелыя матеріальныя условія, въ которыя поставлены были приватъ-доценты. Вслѣдствіе упраздненія штатной доцентуры молодымъ ученымъ, нерѣдко магистрамъ, пріобрѣвшимъ даже извѣстность своими научными трудами, приходилось тратить много лѣтъ и силъ, прежде чѣмъ они получали профессуру, а до тѣхъ поръ они находились въ крайне неопредѣленномъ, необезпеченномъ положеніи. Правда, большинство приватъ-доцентовъ въ Харьковскомъ университетѣ на всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго, фактически замѣняли профессоровъ и читали обязательные курсы по порученію министра, съ вознагражденіемъ, равнымъ жалованью прежнихъ штатныхъ доцентовъ, — 1200 руб. въ годъ. Но, не говоря уже объ ограниченности вознагражденія, подобныя порученія, въ силу устава, давались лишь на годъ и должны были быть возобновляемы, и лица, коимъ поручалось преподаваніе, могли каждый разъ опасаться, что по истеченіи срока не послѣдуетъ вновь порученія. Слѣдовательно, даже и такіе приватъ-доценты не могли быть увѣрены въ завтрашнемъ днѣ. «На всякомъ другомъ поприщѣ», читаемъ мы въ запискѣ одного изъ приватъ-доцентовъ Харьковскаго университета, по поводу пересмотра гонорарной системы, «лицо, работающее въ качествѣ слуги государства, по крайней мѣрѣ, спокойно за то, что имъ уже пріобрѣтено: онъ знаетъ, что и завтра онъ и его семья будутъ имѣть то же, что сегодня. Только приватъ-доцентъ, читающій обязательный предметъ, т. е. выполняющій обязанность, требующуюся государствомъ, находится въ положеніи вольнонаемнаго, котораго каждый годъ можно безъ всякихъ разговоровъ и поводовъ удалить за ненадобностью... Привилегированные приватъ-доценты, такимъ образомъ, на самомъ дѣлѣ угнетены и нравственно, и умственно и, прежде чѣмъ добиться кѣреды и штатнаго мѣста, проходятъ такую школу, которая не можетъ быть признана для нихъ благотворною»¹⁾. Еще въ худшемъ положеніи находились приватъ-доценты, читавшіе необязательные курсы и не получавшіе, слѣдовательно, опредѣленнаго вознагражденія. Вознагражденіе, которое выдавалось изъ суммъ министерства, ассигнуемыхъ на этотъ предметъ по 112 ст. устава, бывало обыкновенно недостаточно и носило притомъ случайный характеръ; конкуренціи съ штатными профессорами, которую имѣлъ въ виду уставъ, предоставляя студентамъ свободу выбора преподавателя, если одинъ и тотъ же предметъ читается нѣсколькими, — въ Харьковскомъ университетѣ мы почти не видимъ (за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ на

¹⁾ «Докладъ комиссіи... о системѣ вознагражденія преподавателей университета» (стр. 29—30).

медицинскомъ факультетѣ); а гонораръ, особенно на факультетахъ малочисленныхъ, не могъ служить достаточнымъ обезпеченіемъ для приватъ-доцента.

Вообще, свобода выбора предмета и преподавателя, при существованіи обязательныхъ учебныхъ плановъ и экзаменныхъ требованій и при соблюденіи извѣстной послѣдовательности преподаванія, въ дѣйствительности почти не имѣла мѣста. Параллельные курсы въ Харьковскомъ университетѣ тоже не развились, отчасти по малочисленности слушателей на нѣкоторыхъ факультетахъ, отчасти вслѣдствіе недостаточнаго количества преподавателей, а отчасти и по нежеланію профессоровъ вступать въ личную конкуренцію другъ съ другомъ, которая могла имѣть скорѣе неблагопріятное вліяніе въ моральномъ отношеніи и которую они поэтому не считали полезною и удобною въ дѣлѣ университетскаго преподаванія. Въ теченіе перваго десятилѣтія, съ 1884 по 1894 г., въ Харьковскомъ университетѣ (если оставить въ сторонѣ медицинскій факультетъ, какъ находящійся въ нѣсколько иныхъ условіяхъ) былъ въ сущности только одинъ примѣръ настоящаго параллельнаго курса въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (на юридическомъ факультетѣ—по уголовному праву), да и то его вели не приватъ-доценты, а профессора, занимавшіе разные каѳедры.

Замѣщеніе каѳедръ уставъ 1884 г. предоставлялъ министру, который при открывшейся вакансіи могъ или замѣщать ее по собственному усмотрѣнію, или предоставить университету избрать кандидата и представить его на утвержденіе. Долгое время послѣ введенія устава по отношенію къ Харьковскому университету преобладалъ первый способъ замѣщенія. Случалось, что министерство прямо присылало въ Харьковъ назначеннаго имъ профессора, безъ предварительнаго запроса и сношенія съ мѣстнымъ учебнымъ начальствомъ, не говоря уже о совѣтѣ или факультетѣ. Иногда министерство, прежде чѣмъ назначить, предварительно запрашивало. Чаше же всего въ Харьковскомъ университетѣ практиковался такой способъ: преподаватель начиналъ свою дѣятельность въ качествѣ приватъ-доцента; по приобрѣтеніи имъ степени магистра или доктора деканъ—иногда по частному соглашенію съ факультетомъ, а иногда и безъ такового—дѣлалъ представленіе о назначеніи этого преподавателя профессоромъ (если дѣло шло о магистрѣ, то и. д. экстраординарнаго профессора); представленіе черезъ ректора и попечителя, съ ихъ заключеніями, шло въ министерство¹⁾. Подобные способы устраняли борьбу партій въ факультетѣ и совѣтѣ, чѣмъ

¹⁾ Изрѣдка такіа представленія, да и то лишь въ послѣдніе годы, исходили отъ факультета.

сопровождались нерѣдко выборы при дѣйствии устава 1863 года, но, разумѣется, они не исключали вліянія случайности, пристрастія или протекціи; наоборотъ, имъ открывался широкій просторъ. Къ тому же назначеніе профессоровъ самимъ министромъ, въ связи съ другими обстоятельствами, напр. предварительными замѣчаніями къ экзаменнымъ требованіямъ, напередъ опредѣлявшими направленіе и характеръ обязательныхъ для студентовъ курсовъ, содѣйствовало упадку нравственнаго вліянія и авторитета профессоровъ въ глазахъ молодыхъ людей, видѣвшихъ въ нихъ не независимыхъ и убѣжденныхъ служителей науки, а простыхъ «чиновниковъ».

Недостатки подобнаго способа замѣщенія кафедръ, какъ уже сказано (стр. 259), были признаны и министерствомъ, которое въ послѣднее время предпочитало поэтому прибѣгать къ системѣ конкурсовъ, имѣвшей, впрочемъ, свои неудобства. Такимъ образомъ, съ 1899 г. въ Харьковскомъ университетѣ кафедры, преимущественно по медицинскому факультету, начали замѣщаться болѣею частью по конкурсу. Къ конкурсу (по другимъ факультетамъ), съ особаго каждаго разъ разрѣшенія, допускались и магистры. Впрочемъ, на ряду съ системой конкурсовъ не была совершенно оставлена и система назначеній (въ Харьковскомъ университетѣ былъ даже случай назначенія на кафедру кандидата, котораго передъ тѣмъ факультетъ не призналъ возможнымъ допустить къ конкурсу, за неимѣніемъ у него трудовъ по данной спеціальности).

Разсадникомъ профессоровъ служилъ институтъ приватъ-доцентовъ и стипендіатовъ для приготовленія къ профессорскому званію. Ни тотъ, ни другой не былъ новъ. Но уставъ 1884 г. имѣлъ въ виду развитіе еще болѣе приватъ-доцентуру, а что касается стипендіатовъ, то незадолго до введенія этого устава были изданы правила о лицахъ, оставляемыхъ при университетахъ и командируемыхъ за границу для приготовленія къ профессорскому званію (21 мая 1884), коими вводилась болѣе точная регламентація и устанавливался опредѣленный порядокъ оставленія при университетахъ или командированія за границу молодыхъ людей. Съ этихъ поръ само уже министерство, на основаніи всѣхъ представленныхъ ему данныхъ, опредѣляло, должно ли оставить рекомендуемаго кандидата и при какомъ университетѣ. Каковы были результаты этой мѣры по отношенію къ Харьковскому университету, показываютъ слѣдующія цифры: за первое десятилѣтіе всѣхъ оставленныхъ при Харьковскомъ университетѣ или командированныхъ за границу для приготовленія къ профессорскому званію на основаніи новыхъ правилъ, съ 1884 по 1894 г., было 33 (по историко-филологическому факуль-

тету—4, физико-математическому—11, юридическому—10, медицинскому—8); изъ нихъ достигли приватъ-доцентуры или профессуры (частью въ Харьковскомъ, частью въ другихъ университетахъ)—24 (по историко-филологическому факультету—3, физико-математическому—8, юридическому—5, медицинскому—8); изъ остальныхъ 1 умеръ, прочіе 8 покинули ученое поприще (по историко-филологическому факультету—1, физико-математическому—2, юридическому—5). Приблизительно половина преподавателей Харьковскаго университета за разсматриваемый періодъ—питомцы этого же университета; большая часть ихъ вышла изъ стипендіатовъ для приготовленія къ профессорскому званію, и почти всѣ они прошли чрезъ приватъ-доцентуру.

Въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія составъ преподавателей по каѳедрамъ былъ слѣдующій. Богословіе до 1894 г. продолжалъ читать заслуж. проф. В. И. Добротворскій. Послѣ его смерти каѳедра эта перешла къ Т. И. Буткевичу. На историко-филологическомъ факультѣ по каѳедрѣ философіи читали О. А. Зеленогорскій и П. Э. Лейкфельдъ, первый преимущественно исторію философіи и (въ послѣднее время) курсы педагогики, а второй логику, психологію, Платона и Аристотеля. По каѳедрѣ классической филологіи въ теченіе всего этого періода состояли Г. О. Шульцъ, Р. И. Шерцъ и И. В. Нетушилъ, первый—эллинистъ, а два послѣдніе—латинисты (Р. И. Шерцъ, впрочемъ, читалъ и греческихъ авторовъ). Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ преподаваніе А. Н. Деревницкій (по греческимъ реаліямъ и исторіи литературы); послѣ перехода его въ Одессу (1893) въ Харьковъ назначенъ прив.-доц. Моск. универ. Я. А. Денисовъ. Кромѣ того, по этой каѳедрѣ состоитъ прив.-доц. М. А. Масловъ (лат. яз.), который читаетъ иногда и курсы по педагогикѣ. По сравнительному языковѣдѣнію и санскриту послѣ В. И. Шерця (старшаго) недолго были преподавателями Э. М. Дилленъ (теперь извѣстный англійскій журналистъ) и загбъ А. И. Александровъ, перешедшій вскорѣ въ Казань (на каѳ. славянск. филологіи). Въ 1888 г. каѳедру занялъ Д. Н. Овсяннико-Куликовскій. Преподаваніе по санскриту въ теченіе послѣднихъ лѣтъ велъ, кромѣ того, прив.-доц. П. Г. Риттеръ. По русскому языку Харьковскій университетъ имѣлъ такого спеціалиста, какъ А. А. Потебня. Послѣ его смерти (1891) предметъ этотъ перешелъ къ М. Е. Халанскому, а исторію русской литературы читали Н. О. Сумцовъ (въ теченіе всего періода) и, кромѣ того, прив.-доц. А. С. Кадлубовскій (въ послѣдніе годы, читалъ курсы спеціальныя). По славянской филологіи преподаваніе велось профессорами М. С. Дриновымъ (въ теченіе всего этого періода) и П. А. Безсоновымъ (умеръ въ 1898 г.) и при нихъ нѣкоторое время—прив.-доцентами Б. М. Ляпу-

новымъ и Н. К. Грунскимъ. Профессоръ всеобщей исторіи М. Н. Петровъ въ 1886 г. вышелъ въ отставку; читавшіеся имъ отдѣлы перешли къ В. П. Бузескулу (греческая и новая исторія) и прив.-доц. В. В. Лапину (Востокъ и Римъ); В. К. Надлеръ въ 1891 г. перешелъ въ Одессу и черезъ нѣсколько времени его замѣнилъ А. С. Вязигинъ (по средней исторіи), который съ уходомъ В. В. Лапина (1900) сталъ читать и римскую исторію (исторію Востока недолго читалъ еще А. Н. Гренъ и въ послѣднее время—В. П. Бузескулъ). По русской исторіи въ теченіе всего разсматриваемаго періода преподавателями были Д. И. Багалъйи и П. Н. Буцинскій (первый читаетъ исторію до-петровскаго времени, второй—императорскаго періода); кромѣ того, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ были и прив.-доценты—В. И. Савва, Е. П. Трифильевъ, В. Е. Данилевичъ, читавшіе спеціальныя курсы. Церковную исторію все время преподавалъ А. С. Лебедевъ; недавно назначенъ Г. А. Бродовичъ и началъ читать прив.-доц. о. Г. И. Филевскій. Кафедру исторіи западно-европ. лит.—послѣ перехода А. И. Кирпичникова въ Одессу—занималъ недолгое время Л. З. Колмачевскій; послѣ его смерти преподаваніе перешло къ Л. Ю. Шепелевичу и С. В. Соловьеву. По исторіи и теоріи искусствъ читалъ лекціи нѣкоторое время А. Н. Дервицкій; съ 1893 г. впервые является у насъ спеціальнѣйшій преподаватель этого предмета въ лицѣ Е. К. Рѣдина. Лекторами были: по нѣмецк. языку Труартъ, а послѣ него—Г. Ю. Ирмеръ; по французскому—преемникъ Мало, С. В. Соловьевъ; англійскій языкъ послѣ Даунса преподавалъ проф. Р. И. Шерцъ, пока не былъ избранъ нынѣшній лекторъ Ю. А. Ферберъ, а итальянскій языкъ—проф. П. А. Безсоновъ, затѣмъ лекторъ Лоренцони и, наконецъ, П. Г. Риттеръ.

На физико-математическомъ фак. чистую математику преподавали М. О. Ковальскій (ум. въ 1900 г.), М. А. Тихомандрицкій (съ небольшимъ перерывомъ); затѣмъ В. П. Алексѣевскій, А. П. Пшеборскій, прив.-доц. М. Н. Лагутинскій; въ частности, аналитическую геометрію преподавалъ К. А. Андреевъ (до перехода въ Москву, 1898 г.), послѣ него недолго Д. А. Граве и въ послѣднее время Д. М. Синцовъ, избранный по конкурсу. Кафедра механики имѣла своими представителями А. М. Ляпунова (до 1902 г., когда онъ избранъ въ Академію Наукъ) и его ученика В. А. Стеклова; по астрономіи профессоромъ былъ Г. В. Левицкій (до перехода въ Юрьевъ въ 1894 г.), послѣ него—Л. О. Струве; астрономомъ-наблюдателемъ состоялъ прив.-доц. Н. Н. Евдокимовъ. Физику читалъ А. П. Шимковъ (до перехода его на службу въ министерство земледѣлія, 1899 г.) и, кромѣ того, нѣсколько прив.-доц.: А. К. Погорѣлко (нынѣ городской голова), нѣкоторое время Н. Д. Пиль-

чиковъ, А. П. Грузинцевъ, впоследствии и занявший эту кафедру. Метеорологию долгое время преподавалъ Ю. П. Морозовъ (ум. въ 1900 г.), а послѣ него—недолго—прив.-доц. Косачъ (ум. въ 1903 г.), затѣмъ—Е. А. Роговскій. По химіи Н. Н. Бекетовъ послѣ 1884 г. недолго оставался въ Харьковѣ, такъ какъ избранъ былъ въ академики; неорганическая химія перешла къ И. П. Осипову; органическую преподавалъ Г. П. Лагермаркъ (до оставленія имъ университета въ 1902 г.), а затѣмъ избранъ А. А. Альбицкій. Кромѣ того, химію нѣкоторое время читали А. П. Эльтековъ, прив.-доц. П. Д. Хрущовъ, Д. П. Турбаба и друг. Кафедру технической химіи занималъ Н. Н. Яцукевичъ, а послѣ выхода его въ отставку—В. О. Тимофеевъ, перешедшій въ Кіевскій политехникумъ; въ послѣднее время преподаваніе по этому предмету вели прив.-доц. И. А. Красускій, К. В. Харичковъ, В. А. Дыбскій. По геологіи преемникомъ И. О. Леваковского былъ А. В. Гуровъ; минералогию читали А. С. Бріо (въ теченіе всего періода) и П. П. Пятницкій. Кафедру ботаники послѣ Л. С. Ценковского и А. С. Питры занимали Л. В. Рейнгардъ, читавшій систематику и морфологию, В. И. Паладинъ, по физиологіи растений, бывшій въ Харьковѣ профессоромъ недолго, В. А. Ротертъ (тоже недолго), В. К. Заѣвскій и В. М. Арнольди (послѣдніе оба избраны по конкурсу); были и прив.-доц. (В. И. Таліевъ, Н. Е. Дорофеевъ, А. А. Потебня). По кафедрѣ зоологіи состоитъ П. Т. Степановъ (въ послѣдніе годы, впрочемъ, лекцій не читавшій), А. О. Брандтъ, А. М. Никольскій, недавно избранный, и прив.-доц. Т. Е. Тимофеевъ; сравнительную анатомію животныхъ преподавалъ В. В. Рейнгардъ, а физиологию одно время В. Я. Данилевскій, потомъ Н. Н. Бѣлоусовъ. Агрономію читалъ А. Г. Зайкевичъ, а географію—А. Н. Красновъ; кромѣ того, по антропологіи и этнографіи въ послѣдніе годы читались курсы прив.-доц. А. М. Покровскимъ.

На юридическомъ фак. римское право (преимущественно догму) читалъ Л. Н. Загурскій, а исторію римскаго права—А. Н. Стояновъ, перешедшій на эту кафедру съ кафедры энциклопедіи права, которую онъ было занялъ послѣ упраздненія кафедры исторіи важнѣйшихъ законодательствъ. Въ послѣдніе годы Стояновъ фактически уже не преподавалъ. Этотъ предметъ перешелъ къ С. П. Никонову. Нѣкоторое время римское право преподавалъ также В. Ф. Зелеръ, воспитанникъ Берлинской семинаріи (перешедшій потомъ въ Кіевъ, а оттуда—въ Берлинъ). Кафедру гражданскаго права занималъ А. П. Загоровскій до 1892 г.; послѣ перехода его въ Одессу временно преподавалъ Л. Н. Загурскій; былъ нѣкоторое время на этой кафедрѣ Л. А. Кассо (перешедшій вскорѣ въ Москву); послѣдніе годы преподаваніе вели проф.

Н. А. Гредескулъ и прив.-доц. Б. В. Поповъ (одинъ читалъ право, другой—судопроизводство). Каѳедра торговаго права все время была вакантна; преподаваніе велось А. П. Загоровскимъ, И. П. Сокальскимъ, затѣмъ П. П. Мигулинымъ и В. И. Катковымъ. Курсы уголовного права читались параллельно представителемъ каѳедры Л. Е. Владиміровымъ и проф. международнаго права В. П. Даневскимъ, который послѣ выхода Л. Е. Владимірова въ отставку и перешелъ формально на каѳедру уголовного права. Послѣ смерти В. П. Даневского (1898) преподаваніе велось А. Д. Киселевымъ, затѣмъ, кромѣ него (угол. судопроизводство), М. П. Чубинскимъ (угол. право) и прив.-доц. Л. Я. Тауберомъ. Исторія русскаго права читалась И. И. Дитяинымъ, потомъ И. М. Собѣстіанскимъ (безвременно умершимъ въ 1896 г.), а послѣ него—Н. А. Максимейко. Каѳедру государственнаго права занималъ Н. О. Куплеваскій; послѣдніе годы читали, кромѣ того, спеціальныя курсы прив.-доценты В. М. Устиновъ и А. А. Алексѣевъ. Международное право читалъ В. П. Даневскій; послѣ него и до настоящаго времени (съ нѣкоторымъ перерывомъ)—прив.-доц. В. А. Ястржембскій; кромѣ того, этотъ предметъ преподавали недолго, одинъ за другимъ, М. П. Догель (теперь проф. въ Казани), М. А. Таубе (проф. Петерб. унив.), В. А. Уляницкій (проф. въ Томскѣ). Каѳедру полицейскаго права занимали сначала К. К. Гаттенбергеръ, потомъ В. Ф. Левитскій и, наконецъ, А. А. Раевскій; финансоваго права—М. М. Алексѣенко (бывшій долгое время ректоромъ; нынѣ попечитель округа) и послѣ него П. П. Мигулинъ; политической экономіи—Г. М. Цѣхановецкій (умершій въ 1898 г.), И. Н. Миклашевскій (недолго, такъ какъ въ 1901 г. онъ уже скончался) и В. Ф. Левитскій, перешедшій на эту каѳедру (съ каѳедры полиц. права) послѣ смерти И. Н. Миклашевскаго, и прив.-доц. А. Н. Анцыферовъ, который велъ практическія занятія. Статистику читали: И. П. Сокальскій; послѣ его смерти (1896 г.)—только-что упомянутый проф. И. Н. Миклашевскій, а потомъ прив.-доц. Л. Н. Яснопольскій, вынужденный вскорѣ прекратить чтеніе лекцій. Каѳедру энциклопедіи и исторіи философіи права занималъ К. Н. Ярошъ (до выхода въ отставку въ 1902 г.) и нѣкоторое время—очень недолго—А. Н. Стояновъ послѣ перехода съ упраздненной каѳедры исторіи законодательствъ. Въ послѣднее время предметъ этотъ читался прив.-доц. А. Н. Фатѣевымъ. Наконецъ, церковное право преподавалъ М. А. Остроумовъ, читавшій, кромѣ того, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ необязательный курсъ логики. Для желающихъ преподавалась судебная медицина (сначала прив.-доц. Э. О. Беллинымъ, потомъ проф. А. К. Бѣлоусовымъ) и психіатрія (проф. Я. А. Анфимовымъ, прив.-доц. Я. Я. Трутовскимъ, прив.-доц.

А. О. Поповымъ). Слѣдуетъ отмѣтить также, что, кромѣ профессоровъ и прив.-доцентовъ, практическія занятія со студентами-юристами вели также члены судебной палаты г. Крюковъ и г. Тютрюмовъ и членъ окружнаго суда г. Затворницкій.

На медицинскомъ фак. кафедре анатоміи занималъ И. К. Вагнеръ, а послѣ него М. А. Поповъ и А. К. Бѣлоусовъ; физиологій—И. П. Щелковъ (ректоръ) и затѣмъ В. Я. Данилевскій; гистологій—К. З. Кучинъ и потомъ Н. К. Кульчицкій; медицинской химіи—А. Я. Данилевскій до 1892, когда онъ перешелъ въ военно-медицинскую академію; послѣ него слѣдуютъ одинъ за другимъ: Т. И. Богомоловъ (черезъ нѣсколько лѣтъ умершій), В. С. Гулевичъ, избранный по конкурсу и вскорѣ перешедшій въ Москву, Д. И. Кураевъ (также избранный по конкурсу). Фармакогнозію и фармацію преподавалъ А. Д. Чириковъ, фармакологию Н. Л. Залѣвскій, потомъ—Д. К. Радзаевскій, бывшій въ Харьковѣ профессоромъ очень недолго и рано умершій, а послѣ него С. А. Поповъ. Общую патологию одно время читалъ И. Н. Оболенскій, затѣмъ—С. Д. Костюринъ, а послѣдніе 10 лѣтъ—А. В. Репревъ; патологическую анатомію—В. П. Крыловъ и послѣдніе годы Н. Ф. Мельниковъ-Разведенковъ, избранный по конкурсу. Кафедру врачебной діагностики послѣ Д. И. Киселева занялъ М. М. Ломиковскій; частную патологию читали И. Н. Оболенскій, затѣмъ А. М. Шилтовъ и А. В. Богдановъ, а въ послѣднее время проф. Георгіевскій (избранъ по конкурсу). Кафедру нервныхъ и душевныхъ болѣзней занималъ П. И. Ковалевскій (до 1894), а послѣ него—Я. А. Анфимовъ и И. Г. Оршанскій. По кожнымъ и сифилитическимъ болѣзнямъ читалъ прив.-доц. Порай-Кошицъ, которому факультетъ желалъ предоставить кафедру; но министерствомъ назначенъ былъ А. Я. Бруевъ, послѣ смерти котораго эта кафедра перешла къ И. Ф. Зеленеву. Терапевтическую факультетскую клинику вели В. Г. Лашкевичъ, а послѣ его смерти—И. Н. Оболенскій и, наконецъ, О. М. Опенховскій; терапевтическую госпитальную клинику—А. Х. Кузнецовъ и О. М. Опенховскій. Кафедру оперативной хирургіи занималъ А. И. Дудукаловъ, одно время—С. Н. Делицынъ (перешедшій въ военно-медиц. акад.) и, наконецъ, Ю. Р. Пенскій; по этой кафедрѣ читалъ нѣкоторое время и П. И. Морозовъ (перешедшій потомъ въ Кіевъ). По хирургической патологій быстро мѣнялись профессора: М. С. Субботинъ (перешедшій вскорѣ въ военно-медиц. акад.), А. Г. Подрезъ, Л. В. Орловъ, Н. А. Соколовъ, избранный по конкурсу (всѣ трое перешли на другія кафедры), А. В. Мартыновъ (теперь уже перешедшій въ Москву). Хирургическую факультетскую клинику продолжалъ вести В. О. Грубе до самой своей смерти (1898); на его

мѣсто назначенъ Л. В. Орловъ, проф. хирургической патологии. Хирургическую госпитальную клинику велъ И. К. Зарубинъ до 1894 г., когда онъ вышелъ въ отставку; его преемникомъ былъ А. Г. Подрезъ, послѣ смерти котораго назначенъ Н. А. Соколовъ. Каѳедру офтальмологіи продолжалъ занимать Л. Л. Гиршманъ; кромѣ того, по этой каѳедрѣ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ состоялъ проф. П. Н. Барабашевъ. Акушерство и женскія болѣзни послѣ И. П. Лазаревича почти въ теченіе всего разсматриваемаго періода читалъ Н. Ф. Толочиновъ, который велъ и клинику до послѣдняго времени; его преемникомъ избранъ П. В. Михинъ. Кромѣ того, по этой каѳедрѣ были проф. П. А. Ясинскій и проф. Н. Д. Гавронскій (сверхштатный). Каѳедру дѣтскихъ болѣзней занималъ М. Д. Пономаревъ, а въ послѣднее время И. В. Троицкій (избранъ по конкурсу); судебной медицины—В. К. Анрепъ и послѣ него О. А. Патенко; гігіены—И. П. Скворцовъ. Каѳедра исторіи медицины оставалась вакантною (въ 1887-8 г. временно В. П. Крыловъ читалъ по этой каѳедрѣ). Что касается приватъ-доцентовъ медиц. фак., то ихъ было много, и мы тутъ отмѣтимъ только тѣхъ изъ нихъ, которые читали или обязательные курсы, замѣняя временно профессора, или общіе параллельные, или вообще преподавали въ теченіе многихъ лѣтъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ получили каѳедры въ другихъ университетахъ. Таковы прив.-доц.: Н. И. Васильевъ (по медиц. химіи), И. А. Чувевскій (по физиологіи), А. М. Черевковъ (тоже), В. А. Павловъ (по гистологіи), В. К. Высоковичъ (общая патологія; теперь проф. въ Кіевѣ), М. И. Свѣтухинъ (по діагностикѣ), В. Ф. Воскресенскій (по операт. хирургіи), М. М. Кузнецовъ (хирургъ, теперь проф. въ Варшавѣ), Н. И. Тринклеръ (тоже хирургъ, теперь проф. въ Харьковѣ), Н. Н. Филипповъ (хирургъ), П. П. Прокопенко (окулистъ), О. П. Браунштейнъ (тоже), Л. І. Бергъ, И. М. Колпакчи, И. А. Баранниковъ (всѣ трое—по дѣтскимъ болѣзнямъ), Э. Ф. Белинъ (суд. мед.), П. Н. Лащенковъ (по гігіенѣ; теперь проф. въ Томскѣ) и друг. Ботанику медикамъ читалъ прив.-доц. В. И. Таліевъ.

Въ распредѣленіе наукъ по факультетамъ и каѳедрамъ уставъ 1884 г. внесъ сравнительно немного измѣненій. На историко-филологическомъ факультетѣ прежде отдѣльныя каѳедры греческой и римской словесности соединены были въ одну—классической филологіи; учреждена была новая каѳедра—географіи и этнографіи, которая въ 1888 г. съ историко-филологическаго факультета перенесена на физико-математическій. На послѣднемъ физическая географія соединена въ одну каѳедру съ физикой, а геогнозія и палеонтологія—съ минералогіей (подъ именемъ минералогіи и геологіи). Когда на этотъ факультетъ

была перенесена кафедра географіи, Харьковскій университетъ ходатайствовалъ о причисленіи физической географіи къ кафедрѣ географіи (съ тѣмъ, чтобы метеорологія оставлена была при кафедрѣ физики). На юридическомъ факультетѣ упразднены кафедры исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ и исторіи славянскихъ законодательствъ, зато учреждена кафедра торговаго права и торговаго судопроизводства. На медицинскомъ фак. нѣкоторые предметы выдѣлены въ самостоятельныя кафедры, именно: ученіе о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ, ученіе о кожныхъ и сифилитическихъ болѣзняхъ, офтальмологія съ клинкою, гігіена; вмѣсто одной кафедры теоретической хирургіи установлено двѣ: оперативной хирургіи съ топографической анатоміей и хирургической патологіи съ десмургіей; учреждена новая кафедра исторіи и энциклопедіи медицины, оставшаяся въ Харьковскомъ университетѣ, впрочемъ, въ теченіе всего этого періода, какъ мы видѣли, не занятаю. Въ 1891 г. Харьковскимъ университетомъ возбуждено было ходатайство объ учрежденіи особой кафедры дѣтскихъ болѣзней, съ отдѣленіемъ ея отъ кафедры акушерства, что и было разрѣшено (въ 1892 году).

Зато учебные планы и экзаменныя требованія 1885 г. отмѣнили существовавшія до того на историко-филологическомъ фак. три отдѣленія (классическое, историческое и славяно-русское) и выдвинули на первое мѣсто классическую филологію, какъ обязательный и основной предметъ для всѣхъ студентовъ этого факультета, безъ различія специальности, т. е. какъ для исторической группы, такъ и для славяно-русской, и тѣмъ на время лишили историко-филологическій факультетъ его прежняго общеобразовательнаго характера. Уже тогда факультетъ высказывался за образованіе особой группы классической филологіи, но министерство не позволяло «ни въ какомъ случаѣ» возобновлять вышеупомянутое дѣленіе. Въ 1889 г. три отдѣленія были восстановлены самимъ министерствомъ. Въ 1901 г. историко-филологическій факультетъ, въ виду предположенной тогда реформы средней школы, иля на встрѣчу потребности въ хорошо подготовленныхъ преподавателяхъ новыхъ языковъ и въ интересахъ полноты факультетскаго преподаванія, выработалъ подробный планъ романо-германскаго отдѣленія и ходатайствовалъ объ его учрежденіи. Насколько ощущалась потребность въ такомъ отдѣленіи, показываетъ фактъ, что одновременно, но совершенно независимо, съ подобнымъ же ходатайствомъ обратился въ министерство и историко-филологическій факультетъ Новороссійскаго университета. Но ходатайство не имѣло результата. Что касается физико-математическаго факультета, то на немъ было упразднено физико-химическое

отдѣленіе. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ Харьковскій университетъ ходатайствовалъ о его возстановленіи, но безуспѣшно.

По нѣкоторымъ каѳедрамъ, хотя онѣ существовали и раньше, преподаваніе въ Харьковскомъ университетѣ стало вестись лишь въ разсматриваемый періодъ, напр. по исторіи и теоріи искусствъ (съ 1889 г.; особый преподаватель по этой каѳедрѣ—съ 1893 г.) и церковному праву (съ 1887 г.).

Повидимому, уставъ 1884 г. проводилъ принципъ «свободы слушанія и преподаванія». Но эта свобода оказывалась номинальною. Во 1-хъ, существовали *обязательные* учебные планы. Какъ было упомянуто¹⁾, Харьковскій университетъ въ 1885 г. выработалъ учебные планы, но министръ не признавъ возможнымъ утвердить ихъ и препроводилъ составленные въ министерствѣ примѣрные учебные планы съ тѣмъ, чтобы начальство Харьковского университета, примѣнивъ ихъ въ первое полугодіе 1885/6 г., представило въ министерство тѣ измѣненія, какія подлежащій факультетъ признаетъ нужнымъ въ нихъ сдѣлать, или вновь составленные каждымъ факультетомъ учебные планы. Препровождены были также правила объ испытаніяхъ и зачетѣ полугодій и «экзаменныя требованія».

Въ этихъ «экзаменныхъ требованіяхъ» 3-го августа 1885 г.²⁾ не только излагались основные пункты программы, но давались и руководящія указанія. «Основаніемъ филологическаго образованія» поставлены оба классическіе языка; всѣ остальные предметы тутъ являются лишь дополнительными (впрочемъ, съ 1889 г., какъ мы видѣли, это нѣсколько измѣнилось). На юридическомъ факультетѣ на первый планъ выдвинуто римское право (вспомнимъ, что въ 1886 г. при Берлинскомъ университетѣ учреждена была даже семинарія для русскихъ молодыхъ ученыхъ, изучающихъ римское право). Мало того: предварительныя замѣчанія къ нѣкоторымъ экзаменнымъ требованіямъ напередъ опредѣляли, въ какомъ духѣ и направленіи читать курсы. Въ особенности характерны замѣчанія по юридическому факультету, и мы приведемъ изъ нихъ выдержки, чтобы освѣтить тогдашнее положеніе преподавателей и науки въ университетѣ. Въ началѣ тутъ заявлялось, что экзаменныя требованія ограничиваются общими указаніями, «не вдаваясь въ подробныя и систематическія программы, которыя могли бы стѣснить безъ надобности преподавателей и лишить ихъ столь дорогой въ дѣлѣ науки самостоятельности въ разработкѣ и изложеніи ея матеріала». Но «требуется, главнымъ образомъ, опредѣлить съ нѣкоторою подробностью, по отно-

¹⁾ См. 1-ю главу, стр. 256.

²⁾ Они напечатаны, между проч., въ «циркуляхъ» по округу.

шенію къ преподавателямъ и слушателямъ, направленіе и характеръ обязательныхъ для студента факультетскихъ занятій». Юридическій факультетъ долженъ обладать предметомъ, «столь же всеобщимъ и обязательнымъ для всякаго просвѣщеннаго юриста», «какъ математика для математиковъ, древніе языки съ ихъ дисциплинами для филологовъ и проч.». Такимъ предметомъ не можетъ быть, напр., философія права. Слѣдуетъ пространная критика «философовъ», «именующихъ себя позитивными», и другихъ «всеобщихъ теоретиковъ и доктринеровъ». «Вмѣсто разныхъ доктринъ и теорій, претендующихъ на всеобщее значеніе и именующихъ себя философскими», рекомендуется руководствоваться «логикой здраваго смысла, рѣшенія которой столь же обязательны, какъ и очевидность факта. Чтò не выдерживаетъ ея окончательнаго суда, то не можетъ быть не только понимаемо, но и терпимо ни въ какомъ дѣлѣ. Испытательныя комиссіи будутъ отъ испытуемыхъ прежде всего требовать, при положительномъ знаніи, доказательствъ здравомыслія въ сужденіяхъ о предметахъ, входящихъ въ кругъ ихъ изученія». Соединяющая умы въ положительномъ знаніи наука должна имѣть опредѣленный и данный въ дѣйствительности предметъ. Такимъ предметомъ является римское право. Слѣдуютъ доказательства важнаго значенія римскаго права. По поводу же государственнаго права дѣлаются такія, напр., замѣчанія: «Верховная власть есть принципъ государственнаго права... Раскрытіе существа ея въ данномъ государствѣ есть истинный предметъ науки о государствѣ, которая, нуждаясь въ достойномъ предметѣ, нерѣдко ищетъ его въ чужихъ, не помнящихъ объема своего примѣненія абстракціяхъ, въ произвольныхъ разсужденіяхъ и въ порожденных недомысліемъ гипотезахъ, выдаваемыхъ за философію. У нѣмцевъ есть изобиліе философскихъ ученій; у французовъ, англичанъ и другихъ народовъ есть также свои воззрѣнія на міръ. Почему бы не взглянуть на міръ и съ точки зрѣнія русскаго народа? Вмѣсто абстракціи всеобщаго государственнаго права, почему бы въ наукѣ русскаго государственнаго права, которая обрекаетъ себя на перечень департаментовъ и канцелярій, не представить въ доказательномъ, достойномъ предмета и оживленномъ мыслію ученіи существо русскаго монархическаго начала? Вотъ философія не фиктивная, но дѣйствительная, выходящая изъ самой реальности предмета. Русская монархія есть нѣчто *sui generis* и можетъ быть изучаема лишь въ своей индивидуальности», и т. д. — Вообще «испытательныя комиссіи будутъ руководствоваться правиломъ *non multa, sed multum*. Голословныя характеристики и бездоказательныя положенія не будутъ имѣть никакой цѣны при испытаніяхъ... Иные думаютъ, что теоріями можно предохранить

молодые умы отъ увлеченій. Большая ошибка! Обобщенія навязанныя, и притомъ преждевременно, оставляютъ въ умѣ легковѣсныя представленія, которыя безъ труда приводятся въ произвольныя сочетанія и порожаютъ мнѣніе, что такъ же легко можно обращаться и съ самыми предметами. Университетъ долженъ давать государству не верхоглядство, не фанатиковъ чужой мысли, но умы дѣльные, зрячіе, дѣйствительно знающіе и проникнутые чувствомъ реальности властвующихъ въ нравственномъ мірѣ силъ»... Далѣе опять слѣдуетъ полемика противъ «позитивныхъ философовъ», «создающихъ свою метафизику изъ біологическихъ абстракцій и мнящихъ, что достигаютъ положительнаго знанія посредствомъ всерѣшающихъ словъ.... Юрилической наукѣ не приходится, бросивъ свой предметъ, пускаться безъ руля и компаса отыскивать начало своего начала, и притомъ предъ слушателями, которые стеклись для приобрѣтенія знанія, а не для слушанія безсмысленныхъ обрывковъ разныхъ мнѣній и произвольныхъ, не выдерживающихъ критики здраваго смысла, разсужденій».

Самый порядокъ составленія обзорѣнія преподаванія и распредѣленія лекцій былъ точно регламентированъ. Университетъ самъ не имѣлъ права ихъ составить и утвердить: составленные факультетами, на основаніи рапортовъ преподавателей о предполагаемыхъ ими чтеніяхъ и практическихъ занятіяхъ, проекты обзорѣнія преподаванія по семестрамъ съ распредѣленіемъ лекцій по днямъ и часамъ, по рассмотрѣніи ихъ совѣтомъ, должны были представляться на утвержденіе въ министерство. При этомъ, въ силу особаго распоряженія, должны были препровождаться каждый разъ и подлинныя рапорты преподавателей. Разъ обзорѣніе и распредѣленіе были утверждены, какія-либо измѣненія въ нихъ, хотя бы они состояли только въ перенесеніи лекціи съ одного дня или часа на другой, по правиламъ могли быть дѣлаемы лишь съ разрѣшенія министерства. А такого рода измѣненія часто выпадали въ необходимость (напр. недостаткомъ свободныхъ аудиторій, совпаденіемъ съ другими лекціями, перемѣнами въ преподавательскомъ персоналѣ и проч.) или интересами преподаванія и студентовъ. Случалось нерѣдко, что, пока дѣло о перенесеніи какой-либо лекціи съ одного дня или часа на другой проходило всѣ инстанціи, вплоть до министерства, и получалось надлежащее разрѣшеніе, семестръ приближался къ концу. Поэтому вскорѣ попечителю округа предоставлено было въ особъ уважительныхъ случаяхъ разрѣшать подобныя измѣненія безъ донесенія объ этомъ министерству), но потомъ опять подтверждено, что для всякаго рода измѣненій въ обзорѣніи преподаванія необходимо разрѣшеніе министерства. Не разъ утвержденіе обзорѣнія преподаванія и распредѣленія лекцій по

тому или иному факультету сопровождалось замѣчаніями со стороны министерства, причемъ случалось, что замѣчанія эти вызывались соблюденіемъ со стороны факультета указаній, сдѣланныхъ въ предшествующіе годы.

Установленіе обязательной для профессоровъ 6-часовой нормы—съ одной стороны и примѣрные планы, обязательность гонорара (отъ котораго отдѣльный профессоръ не имѣетъ права отказываться)—съ другой давали поводъ къ недоумѣніямъ и вызывали затрудненія, особенно на первыхъ порахъ: интересы преподаванія, требовавшіе иногда увеличенія числа лекцій, приходили въ столкновеніе съ матеріальными интересами студентовъ, такъ какъ увеличеніе числа лекцій влекло за собою увеличеніе гонорара. Между прочимъ, юридическій факультетъ дѣлалъ неоднократно попытки выйти изъ такихъ затрудненій. Еще въ декабрѣ 1885 г. онъ возбуждалъ вопросъ, «не слѣдовало ли бы позволить профессору, если онъ будетъ убѣжденъ опытомъ въ недостаточности числа часовъ по примѣрному плану для полноты преподаванія, назначить добавочные часы, за которые студенты не должны быть привлекаемы къ уплатѣ гонорара?» и въ октябрѣ слѣдующаго года снова говорить о томъ, что онъ, факультетъ, въ попыткахъ усилить преподаваніе по отдѣльнымъ предметамъ былъ затрудненъ нормами примѣрнаго учебнаго плана и размѣромъ платы за слушаніе лекцій.

Съ 1884 г. практическія занятія, существовавшія въ Харьковскомъ университетѣ и раньше, притомъ не только на медицинскомъ, но и на другихъ факультетахъ¹⁾, приобрѣли особенно видное мѣсто въ системѣ преподаванія: они получили большое развитіе и сдѣлались однимъ изъ главныхъ средствъ усвоенія изучаемыхъ предметовъ и знакомства съ методами и приѣмами изслѣдованія. Самый уставъ и правила имѣли въ виду развитіе эти занятія, при чемъ преслѣдовались однако не однѣ научныя цѣли: министерство видѣло въ нихъ одно изъ средствъ борьбы съ студенческими движеніями и безпорядками. По поводу безпорядковъ 1887 г. министръ напоминалъ, что «при устроеніи университетскаго быта на основаніи устава 1884 г. министерство народного просвѣщенія руководилось тѣмъ убѣжденіемъ, что между преподавателями университетовъ и студентами должна существовать крѣпкая нравственная связь и постоянное общеніе. Съ этою цѣлью въ уставѣ и въ сдѣланныхъ министерствомъ въ развитіе его распоряженіяхъ были приняты особыя мѣры для возможнаго расширенія практическихъ занятій, ставящихъ

¹⁾ См. предыдущій періодъ.

учащихъ и учащихся въ ближайшее взаимное соприкосновеніе, и введены совѣщательные часы, дающіе возможность студентамъ обращаться съ своими недоумѣніями и вопросами къ преподавателямъ. Если цѣль эта не была достигнута, то, кромѣ общихъ причинъ, тутъ вліяли и условія университетскаго строя, созданныя уставомъ 1884 г., въ силу коихъ университетскіе преподаватели стояли какъ бы въ сторонѣ отъ того, что происходитъ въ университетѣ, и нерѣдко оставались въ невѣдѣніи или узнавали слишкомъ поздно о томъ, какъ и изъ-за чего возникли волненія и какія мѣры приняты къ прекращенію ихъ. Кромѣ того, преподаватели на практическихъ занятіяхъ, посвященныхъ чисто научнымъ вопросамъ, напр. изъ области математики или медицины, не считали возможнымъ касаться вопросовъ не научнаго характера или политики. При преемникѣ гр. И. Д. Делянова, Н. П. Боголѣповѣ, на практическія занятія было обращено еще большее вниманіе. Послѣ безпорядковъ 1899 г. изданъ былъ циркуляръ объ ихъ широкой организаціи (21 іюля 1899), какъ средствъ общенія между профессорами и студентами; на организацію этихъ занятій по историко-филологическому и юридическому факультетамъ ежегодно ассигновывалось съ тѣхъ поръ Харьковскому университету 3500 р. (изъ нихъ 1000 р. на долю первого и 2500 на долю второго).

Въ предыдущіе періоды въ Харьковскомъ университетѣ нерѣдко читались спеціальныя курсы; на нѣкоторыхъ факультетахъ они даже иногда преобладали, такъ-что такъ назыв. общіе курсы составляли скорѣе исключеніе. Но они большею частью носили обязательный характеръ. Съ 1884 г. въ Харьковскомъ университетѣ развиваются курсы необязательныя, читаемые для желающихъ преимущественно приватъ-доцентами. Однако дальнѣйшему всестороннему развитію какъ практическихъ занятій, такъ и необязательныхъ, спеціальныхъ, курсовъ въ Харьковскомъ университетѣ, кромѣ другихъ причинъ, препятствіемъ служила недостаточность помѣщеній и средствъ, отпускаемыхъ на учебно-вспомогательныя учрежденія.

Дѣленіе на курсы было замѣнено дѣленіемъ на семестры (первое время послѣ обнародованія устава 1884 г. даже запрещалось употреблять наименованіе «курсы» въ официальныхъ бумагахъ); переходные экзамены уничтожены (за исключеніемъ медицинскаго факультета); въ университетѣ существовали лишь испытанія состязательныя для полученія стипендій и повѣрочныя для зачета полугодія. Но съ 1889 г. и тутъ замѣтенъ поворотъ къ прежнему порядку: въ видахъ установленія большаго контроля надъ занятіями студентовъ, введены обязательныя полукурсыя испытанія, раздѣленные на двѣ части (на 2-мъ и 4-мъ семестрѣ),

т. е. восстановлены, въ сущности, прежніе переходные экзамены (за исключеніемъ 6-го семестра [= 3-му курсу], на которомъ экзамены введены потомъ, да и то на одномъ юридическомъ факультетѣ). Тогда же послѣдовало раздѣленіе преподаванія на историко-филологическомъ факультетѣ на общія и спеціальныя занятія по семестрамъ и на послѣднихъ 4 семестрахъ введены три спеціальныя группы—классическая, историческая и словесная, а крайности классическаго направленія смягчены. Такимъ образомъ восстановлено подраздѣленіе историко-филологическаго факультета на 3 отдѣленія, что соотвѣтствовало, какъ мы видѣли, и желанію университета, высказанному еще въ 1885 г. Факультеты—сначала историко-филологическій, затѣмъ и физико-математическій и юридическій,—согласно предложенію министра о раздѣленіи полукурсовыхъ испытаній на двѣ части, выработали проекты полукурсовыхъ испытаній и учебныхъ плановъ.

Тотъ же 1889 годъ былъ первымъ годомъ дѣйствій испытательныхъ комиссій (кроме медицинской) для производства экзамена лицамъ, получившимъ выпускныя свидѣтельства. Предсѣдателями этихъ комиссій были проф. И. В. Помяловскій (истор.-фил.), бывшій проф. Харьковскаго университета акад. В. Г. Имшенецкій (физ.-матем.) и проф. П. П. Цитовичъ (юридич., тоже одно время бывшій преподавателемъ Харьковскаго университета); членами же и экзаменаторами были профессора и приватъ-доценты университета. Комиссіи дѣйствовали въ два періода, весною и осенью, и первые опыты экзаменовъ въ комиссіяхъ, благодаря мягкости и снисходительности требованій, прошли безъ особыхъ затрудненій или недоразумѣній. Опытъ двухъ лѣтъ однако выяснилъ серьезные неудобства производства экзаменовъ въ два періода, весною и осенью; поэтому въ 1890 г. осеннія комиссіи были отмѣнены, и на будущее время экзамены въ историко-филологической, физико-математической и юридической комиссіяхъ должны были происходить только въ маѣ¹⁾.

Какъ зніяли эти нововведенія на успѣшность занятій, объ этомъ свидѣлствуетъ «отвѣтъ совѣта» Харьковскаго университета на 13-й вопросъ (одинъ изъ числа тѣхъ, которые предложены были министерствомъ въ 1901 г.). «Государственные экзамены, введенные уставомъ 1884 г.», говорится здѣсь (стр. 88 сл.), «отразились самымъ неблагоприятнымъ образомъ на общемъ ходѣ университетской жизни. По идеѣ устава, экзамены эти должны были происходить въ особыхъ комиссіяхъ,

1) Лишь по отношенію къ юридической комиссіи 1891 г. сдѣлано исключеніе въ виду большого числа лицъ, подлежащихъ испытанію, и ея дѣйствія продлены на осень.

подъ предсѣдательствомъ лица, назначаемого каждымъ разъ министромъ, причемъ комиссіи эти были поставлены какъ бы внѣ университета, такъ какъ экзаменаторами въ нихъ назначались лица по усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія, причемъ лица эти должны были производить экзамены по программамъ, составленнымъ для этой цѣли въ министерствѣ... Опытъ перваго же года этихъ экзаменовъ показалъ, что отдѣлить ихъ отъ университетовъ, при настоящемъ положеніи ученыхъ силъ въ Россіи, нельзя. Экзаменаторами оказались тѣ же профессора, которые экзаменовали и прежде, но только нѣкоторые изъ нихъ стали называться «членами экзаменаціонныхъ комиссій», а другіе—просто «экзаменаторами»; профессора начали получать особое вознагражденіе за производство государственныхъ экзаменовъ, а предсѣдателями назначались по большей части профессора другихъ университетовъ, или вообще лица, состоящія на службѣ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, или, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ,—бывшіе профессора, состоящіе нынѣ на службѣ въ другихъ вѣдомствахъ... Опытъ первыхъ годовъ введенія такъ называемыхъ «зачетовъ полугодій», а также обязанности студентовъ подвергаться экзамену по всѣмъ предметамъ въ одинъ экзаменаціонный срокъ показалъ все неудобство этихъ мѣръ. «Зачетъ полугодій» въ особенности на многолетнихъ курсахъ и въ многолетнихъ университетахъ, превратился въ пустую формальность и по большей части не производился совсѣмъ, такъ какъ преподаватели не могли очень скоро не разочароваться въ этомъ способѣ удостовѣренія студенческихъ знаній, отнимавшемъ у нихъ массу времени изъ назначеннаго для чтенія лекцій и веденія практическихъ занятій; студенты же относились къ этимъ зачетамъ прямо недоброжелательно, видя въ нихъ излишнюю формальность, подвергаться которой, въ виду предстоящихъ государственныхъ экзаменовъ, производимыхъ тѣми же профессорами, пмѣ, конечно, не хотѣлось... Вскорѣ обнаружили также неудобства производства экзаменовъ по всѣмъ предметамъ одновременно, т. е. въ одинъ экзаменаціонный періодъ, по историко-филологическому, юридическому и физико-математическому факультетамъ и въ два—по медицинскому. Это неудобство выразилось прежде всего въ значительномъ пониженіи уровня знаній студентовъ на государственныхъ экзаменахъ сравнительно съ уровнемъ, обнаруживаемымъ ими во время бывшихъ университетскихъ экзаменовъ, производившихся постепенно, изъ года въ годъ, по мѣрѣ прохожденія курса. Оказалось, что студенты очень мало занимались для «зачетовъ полугодій» и начинали заниматься только передъ самымъ экзаменомъ и, въ лучшихъ случаяхъ,—въ продолженіе 7-го и 8-го семестровъ. Пониженіе уровня не только знаній студентовъ на государ-

ственных экзаменахъ, не только ихъ развитія, но и общаго уровня научныхъ требованій отъ нихъ вызвано было еще и другой причиной, зависящей отъ системы государственныхъ экзаменовъ. Для этихъ послѣднихъ были выработаны особыя программы, которыя сдѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ и программами преподаванія... Эти программы вызвали къ жизни цѣлую литературу учебниковъ, конспектовъ и тому подобныхъ пособій, въ которыхъ наука излагалась «примѣнительно къ экзаменаціоннымъ требованіямъ». Интересъ къ слушанію лекцій у студентовъ почти исчезъ: да и какой, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть интересъ въ слушаніи лекцій, излагаемыхъ примѣнительно къ разъ навсегда составленной программѣ, когда имѣлись конспекты, даже цѣлые курсы, изложенные «примѣнительно» къ этимъ же программамъ, съ помощью которыхъ можно было выдержать совершенно удовлетворительно государственный экзамень. Въ большой мѣрѣ понизился также интересъ чтенія лекцій и у профессоровъ. Они лишены были права, благодаря этимъ программамъ, излагать науку въ той системѣ, какую они себѣ выработали сами; они лишились возможности дѣлиться со своими слушателями тѣми научными работами, которыя производили или изучали въ данное время, — и тѣмъ самымъ стѣсна, поставленная уставомъ 1884 года между преподавательскимъ персоналомъ и учащимися, росла все больше и больше... Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что министерскія программы, хотя и признанныя обязательными для профессоровъ, фактически въ очень большомъ числѣ случаевъ не выполнялись, тѣмъ болѣе, что слова «читать лекціи примѣнительно къ министерскимъ программамъ» давали законный поводъ къ весьма существеннымъ уклоненіямъ отъ нихъ; министерство вполнѣ примирилось съ этимъ фактомъ, потребовавъ лишь, чтобы профессора, черезъ декановъ, сообщали председателямъ экзаменаціонныхъ комиссій о тѣхъ отступленіяхъ, которыя ими были допущены въ изложеніи предметовъ. Но сами председатели экзаменаціонныхъ комиссій, въ качествѣ профессоровъ, сознавали неудовлетворительность и устарѣлость программъ и во время экзаменовъ совершенно спокойно выслушивали тѣ отвѣты, которые давали студенты не по министерской программѣ, а по программѣ профессора-экзаменатора, своевременно утвержденной министерствомъ въ видѣ обязательно представляемаго каждымъ профессоромъ въ началѣ семестра обзорнаго преподаванія. Такимъ образомъ, государственные экзамены превратились въ самые обыкновенные университетскіе экзамены, но только съ пониженными спеціально «экзаменаціонными» требованіями и съ присланнымъ со стороны председателемъ, не имѣвшимъ никакого вліянія ни на ходъ преподаванія въ университетѣ, ни на поднятіе уровня знаній студентовъ

во время экзаменов. Предсѣдатель видѣлъ послѣднихъ только во время экзаменовъ, не былъ знакомъ ни съ характеромъ, ни съ индивидуальными качествами каждаго изъ нихъ и, какъ лицо постороннее данному университету, заботился лишь о томъ, чтобы экзамены проходили безъ всякихъ инцидентовъ. Молодые люди, «коиъ зачтено было 8 полугодій», очень часто подносили предсѣдателямъ благодарственные адреса за ихъ сердечное отношеніе, сказавшееся въ весьма значительномъ процентѣ лицъ, оканчивавшихъ курсъ съ дипломомъ 1-й степени, но... съ очень низкимъ уровнемъ знаній. Само министерство видѣло, что дѣло не стоитъ такъ хорошо, какъ это казалось съ перваго взгляда. Мало-помалу были восстановлены бывшіе прежде университетскіе экзамены, подъ названіемъ полукурсовыхъ, а безъ нихъ студентовъ не допускали къ государственнымъ экзаменамъ; при этомъ студенты освобождались отъ экзаменовъ въ государственныхъ комиссіяхъ по тѣмъ предметамъ, для которыхъ установлены были полукурсовые. На юридическомъ, напр., факультетѣ полукурсовые экзамены производятся въ настоящее время¹⁾ по всѣмъ предметамъ, читаемымъ на 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ курсахъ, а государственные—только по предметамъ, читаемымъ на 4-мъ курсѣ (гражданское и торговое право и судопроизводство, международное право, уголовное право и судопроизводство) и по римскому праву! Это привело къ раздѣленію предметовъ университетскаго преподаванія на главные и второстепенные, при чемъ главными въ глазахъ студентовъ оказались тѣ, по которымъ удержаны были государственные экзамены, а второстепенными тѣ, по которымъ установлены были полукурсовые. Этого крайне вредный для всего хода университетскаго преподаванія взглядъ находилъ себѣ, однако, подтвержденіе въ нѣкоторыхъ распоряженіяхъ министерства. Такъ, одно время было установлено, что студенты имѣютъ право представлять въ экзаменаціонныя комиссіи сочиненія только по «главнымъ» предметамъ, т. е. по тѣмъ, экзаменъ по которымъ производится въ государственныхъ комиссіяхъ. Правда, распоряженіе это было вскорѣ, по ходатайству факультетовъ, отменено, но самый фактъ его появленія не могъ не оказать своего вліянія. Студенты, кромѣ того, не могли не придавать значенія тому обстоятельству, что профессора однихъ предметовъ производятся одинъ разъ въ году въ члены экзаменаціонныхъ комиссій; что за свое участіе въ нихъ они получаютъ особое вознагражденіе, — тогда какъ профессора другихъ предметовъ, по которымъ экзамены производятся въ концѣ каждаго учебнаго года, не имѣютъ ни особаго такого званія, ни осо-

¹⁾ Напоминъ, что это писано въ 1901 г.

баго вознагражденія за свой трудъ, хотя онъ бываетъ гораздо болѣе тяжелымъ, чѣмъ у ихъ товарищей по преподаванію—членовъ экзаменационныхъ комиссій, просто потому, что число экзаменующихся на первыхъ курсахъ всегда больше экзаменующихся въ государственныхъ комиссіяхъ. Но дѣленіе предметовъ на главные и второстепенные имѣло своимъ послѣдствіемъ еще и пониженіе интереса студентовъ къ болѣе специальному изученію «второстепенныхъ» предметовъ, къ числу которыхъ, напр., на юридическомъ факультетѣ относятся такія важныя дисциплины, какъ государственное право, исторія философіи права, политическая экономія и статистика, финансовое и полицейское право, церковное право и проч....».

Хроническимъ недугомъ Харьковскаго университета, весьма затруднявшимъ при преподаваніи, была, какъ извѣстно, крайняя, «вопіющая» тѣснота помѣщеній. Еще 40 лѣтъ тому назадъ совѣтъ изыскивалъ средства для расширенія университетскихъ помѣщеній; неоднократно представлялись докладныя записки, ходатайства и т. д., и только въ разсматриваемый періодъ въ этомъ отношеніи наступило значительное улучшеніе. Прежде всего настоятельная нужда сказывалась въ двухъ зданіяхъ: 1) для кабинетовъ и лабораторій медицинскаго факультета и 2) для клиникъ. Эта насущная необходимость была, наконецъ, удовлетворена.

Въ 1884 г. извѣстный общественный дѣятель И. Г. Харитоненко пожертвовалъ для потребностей университета трехъэтажное зданіе, предназначавшееся имъ первоначально для устройства студенческаго общежитія, и 50000 р. съ тѣмъ, чтобы изъ суммъ государственнаго казначейства ежегодно выдавалось по 6000 р. на содержаніе при Харьковскомъ университетѣ 20-ти стипендіатовъ (1 имени императора Александра II, 1 имени императора Александра III и 18 имени жертвователя). Высочайше разрѣшено было принять это пожертвованіе, и такимъ образомъ Харьковскій университетъ приобрѣлъ помѣщеніе, въ которое перенесена была большая часть учрежденій медицинскаго факультета. А въ 1886 г. приступлено было къ постройкѣ отдѣльнаго зданія для анатомическаго театра, на что Высочайше разрѣшенъ былъ кредитъ въ 83963 р. 80 к. Въ 1887 г. утверждено «Положеніе о клиническихъ отдѣленіяхъ Императорскаго Харьковскаго университета при Харьковскомъ военномъ госпиталѣ». Въ одномъ изъ отдѣленій этого госпиталя, предназначенномъ для преподаванія діагностики, устроена пропедевтическая терапевтическая клиника, съ 2 палатами, и учреждена должность сверхштатнаго ассистента по кафедрѣ врачебной діагностики (съ содержаніемъ изъ специальныхъ средствъ).

Еще важнѣе для Харьковскаго университета была постройка клиникъ. Вспомнимъ, что до того харьковскія клиники, собственно говоря, не имѣли спеціально предназначеннаго для этой цѣли помѣщенія: онѣ ютились то въ небольшомъ флигелѣ во дворѣ стараго университета (съ 1814 г.), то въ пріобрѣтенномъ у частнаго лица деревянномъ строеніи, весною заливаемомъ водою (съ 1819), то, наконецъ, въ помѣщеніи, которое прежде служило частью квартирой ректора и его помощника, частью типографіей (съ 1829 г.). Акушерская клиника въ послѣдствіи (1867) была выведена изъ университетскаго зданія и устраивалась въ частныхъ наемныхъ домахъ, равно какъ и глазная (съ 1871 года). Въ какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ находились клиники, видно, напр., изъ извѣстнаго¹⁾ указанія отчета за 1880 г. на то, что одною изъ причинъ значительной смертности въ хирургической клиникѣ является помѣщеніе этой послѣдней, перестающее удовлетворять самымъ скромнымъ требованіямъ гігіены. Университетъ хлопоталъ объ улучшеніи клиникъ; проектировалось то расширить и надстроить ихъ, то пріобрѣсти новыя зданія и т. под. Но недоставало денежныхъ средствъ²⁾. Во время посѣщенія находившихся въ университетской клиникѣ раненыхъ при крушеніи императорскаго поѣзда близъ Борокъ (17 окт. 1888 г.) императоръ Александръ III лично видѣлъ, какъ неудовлетворительны помѣщенія этого столь важнаго университетскаго учрежденія. 7 іюня 1890 г. Высочайше утверждено было мнѣніе Государственнаго Совѣта, вслѣдствіе доклада министра народнаго просвѣщенія, объ отпускѣ на улучшение и расширеніе учебно-вспомогательныхъ учреждений шести университетовъ 1500000 р., изъ коихъ на долю Харьковскаго университета предоставлялось 400000 р., т. е. болѣе четверти всей суммы (хотя по первоначально составленному проекту новыхъ харьковскихъ клиникъ требовалось болѣе 1000000 р.). Въ 1894 году приступлено было къ постройкѣ клиникъ, которыя разсчитаны были на 155 кроватей (вмѣсто прежнихъ 75); открытіе же ихъ послѣдовало въ 1896 г. Недавно выстроены городомъ при Александровской больницѣ новыя помѣщенія и для госпитальныхъ клиникъ, хирургической и терапевтической. Обставлены онѣ при содѣйствіи университета, ходатайствовавшего объ ассигнованіи министерствомъ народнаго просвѣщенія соотвѣтствующей суммы. Число больныхъ, принимаемыхъ въ новыхъ клиникахъ, въ общемъ весьма возросло сравнительно съ прежнимъ. Такъ, въ терапевтической факультетской клиникѣ въ 1904 г. больныхъ

¹⁾ См. предыдущій періодъ.

²⁾ Рѣчь ректора (М. М. Алексѣенко) при освященіи клиникъ, 26 сентября 1896 года.

было стационарныхъ 156 и амбулаторныхъ 2955 (тогда какъ въ 1883 г., какъ мы видѣли¹⁾, первыхъ было 119, а вторыхъ—789); въ офтальмологической, которою продолжалъ завѣдывать проф. Л. Л. Гиришманъ,— стационарныхъ было 1134, коимъ сдѣлано 1129 операций, и амбулаторныхъ 11146 съ 22063 заболѣваній (въ 1883 г. первыхъ было только 287, а вторыхъ—4326 съ 6556 болѣзнями глазъ); въ акушерской клиникѣ стационарныхъ—541, амбулаторныхъ—1388 (въ 1883 г.—177 и 750), число роженицъ въ этой клиникѣ, которою въ теченіе всего этого періода завѣдывалъ проф. Н. Ф. Толочинъ, возросло при немъ до 400, а большихъ операций производилось до 100 въ годъ; что касается хирургической факультетской клиники, то стационарныхъ больныхъ въ 1904 г. было 139 и амбулаторныхъ—3993 (въ 1883 г. всѣхъ 4866, изъ коихъ 126 стационарныхъ); въ госпитальной хирургической клиникѣ—290 больныхъ, изъ нихъ операций произведено 172; въ госпитальной терапевтической—156 стационарныхъ и 2955 амбулаторныхъ.

Въ то же время значительно улучшены и расширены помѣщенія и учебно-вспомогательныхъ учрежденій физико-математическаго факультета, отчасти на государственныя средства, отчасти же на спеціальныя или на пожертвованія.

Особенно ощущалась неудовлетворительность Харьковской астрономической обсерваторіи, находившейся на неудачно выбранномъ мѣстѣ; въ этомъ отношеніи она «могла служить лишь хорошимъ указаніемъ того, гдѣ не нужно строить обсерваторію»²⁾. Еще въ 40-хъ годахъ составленъ былъ проектъ новой обсерваторіи, но, по представленію тогдашняго генералъ-губернатора и вмѣстѣ попечителя учебнаго округа С. А. Кошкина, вмѣсто нея, какъ извѣстно, устроенъ былъ ветеринарный институтъ, на который затрачены были и экономическія суммы университета; другая сумма—въ 150000 р.—взята была для постройки астрономической обсерваторіи въ Казанскомъ университетѣ. Только въ началѣ 80-хъ годовъ, на спеціальныя средства университета, приступлено было, наконецъ, къ постройкѣ новой обсерваторіи въ Университетскомъ саду, законченной въ главныхъ частяхъ въ 1884 году. Затѣмъ въ теченіе слѣдующихъ годовъ шло приспособленіе ея для научныхъ и учебныхъ цѣлей. На все это много положилъ труда и времени тогдашній представитель кафедры астрономіи въ Харьковскомъ университетѣ, Г. В. Левицкій. Между прочимъ, благодаря пожертвованію А. Н. Эдельберга (6000 р.) и назначенной совѣтомъ университета суммѣ (4000 руб.), явилась возможность пріобрѣсти меридіанный кругъ, по

¹⁾ См. стр. 210.

²⁾ Докладъ доцента Г. В. Левицкаго.

оптической силѣ большій, нежели въ Пулковѣ. Въ 1892 году, на пожертвованіе того же А. Н. Эдельберга и на средства, полученныя отъ города и отъ университета, устроена была вращающаяся башня для переносныхъ инструментовъ. Благодаря всему этому новая Харьковская обсерваторія скорѣ заняла видное мѣсто въ ряду другихъ русскихъ обсерваторій. Она способствовала начатию въ Россіи интересныхъ и важныхъ наблюденій надъ горизонтальнымъ маятникомъ; наблюденія надъ луннымъ затменіемъ въ 1891 г. на ней были сдѣланы гораздо полнѣе, чѣмъ то удалось на большинствѣ европейскихъ обсерваторій. При новой обсерваторіи необходимъ былъ астрономъ-наблюдатель, — должность, не внесенная въ штатъ Харьковского университета, и еще въ 1891 году возбуждено было ходатайство объ учрежденіи таковой должности, — ходатайство, увѣнчавшееся успѣхомъ лишь черезъ нѣсколько лѣтъ.

Въ 1889 г. признана была неотложная необходимость улучшить учебно-вспомогательныя учрежденія, о чемъ давно уже ходатайствовалъ университетъ, и отпущена сумма въ 50000 р., на которую переустроена химическая лабораторія, выстроено особое зданіе для геологическаго и палеонтологическаго кабинетовъ и закончено устройство незадолго передъ тѣмъ воздвигнутаго анатомическаго театра. Въ 1891 г. возбуждено было ходатайство объ учрежденіи при Харьковскомъ университетѣ метеорологической станціи второго разряда и о назначеніи постоянной суммы на ея содержаніе. Министерство разрѣшило учредить такую станцію, но на спеціальныя средства университета. Такимъ образомъ, въ 1892 г. возникло магнито-метеорологическое отдѣленіе физическаго кабинета — правда, очень тѣсное, — и при немъ метеорологическая станція, сначала временно помѣщавшаяся въ зданіи астрономической обсерваторіи, а потомъ перешедшая въ отдѣльный павильонъ, выстроенный на пожертвованіе г-жи Головковой. Въ то же время въ помѣщеніи физической лабораторіи сдѣланы нѣкоторыя улучшения, а помѣщеніе зоологическаго музея нѣсколько расширено (все это — на спеціальныя университетскія средства). Въ 1894 г. возникъ вопросъ объ устройствѣ физической обсерваторіи, на постройку которой испрашивалось 35000 руб.; но ходатайство это не имѣло благоприятнаго результата.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ правленіемъ Харьковского университета выстроено зданіе, въ которомъ теперь помѣщаются поликлиники душевныхъ, дѣтскихъ и кожныхъ болѣзней. Кромѣ обширнаго зданія общежитія, о которомъ еще придется упомянуть, Харьковскій университетъ въ послѣдніе годы обогатился новымъ библиотечнымъ помѣщеніемъ и помѣщеніемъ для историческаго архива, этнографическаго отдѣла

и кабинета при историко-филологическомъ факультетѣ, предназначеннаго для практическихъ занятій со студентами. Оба эти помѣщенія выстроены почти заново, на спеціальныя средства (на сбереженія изъ арендной суммы за домъ на Московской ул.) на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде была хирургическая клиника. Новое библіотечное зданіе, стоящее около 85000 р., состоитъ изъ прекрасной залы, нѣсколькихъ комнатъ для канцеляріи библіотеки и выдачи книгъ и 3-этажнаго книгохранилища, съ желѣзными полками и вообще безопаснаго въ пожарномъ отношеніи. Лишь небольшая часть книгъ осталась въ прежнемъ книгохранилищѣ; остальные перенесены въ новое и разставлены по иной системѣ, что потребовало, конечно, большой работы. Для выясненія вопросовъ, касающихся библіотечнаго дѣла и переноса книгъ, совѣтомъ была избрана коммиссія (проф. П. Н. Барабашевъ, Н. А. Максимейко, П. П. Пятницкій и приватъ-доцентъ А. П. Калубовскій). Библіотека пополнялась не только путемъ выписки книгъ (частію на штатныя суммы, а частію на спеціальныя), но и путемъ пожертвованій. Такъ, въ 1883 г. г-жа Сомова пожертвовала университету библіотеку, находившуюся въ проданномъ ею имѣніи Козырщинѣ; въ 1886 г. пожертвована библіотека А. М. Матушинскаго, до 2000 томовъ роскошныхъ изданій, преимущественно по исторіи искусствъ, съ коллекціями рисунковъ и гравюръ, составившая особое отдѣленіе фундаментальной библіотеки; пожертвованы, кромѣ того, библіотеки покойныхъ проф. Л. З. Колмачевского, И. П. Сокальскаго, И. К. Зарубина, акад. и бывшаго проф. Харьковскаго университета М. И. Сухомлинова и друг. Къ концу 1904 г. въ фундаментальной библіотекѣ числилось книгъ 81428 названій въ 149669 томахъ, періодическихъ изданій—965 въ 28208 томахъ, рукописей 368, атласовъ, рисунковъ, чертежей и проч. 3195 названій, всего 85956 названій въ 182277 томахъ. Такимъ образомъ, фундаментальная библіотека за послѣднія 20 лѣтъ увеличилась приблизительно на четверть. Бывшій долгое время библіотекаремъ Я. О. Баясный вышелъ въ отставку и его мѣсто занялъ К. И. Рубинскій.

Состоящее съ 1879 г. при университетской библіотекѣ студенческое отдѣленіе (для выдачи книгъ преимущественно студентамъ), содержимое на спеціальныя средства университета и насчитывающее теперь 9475 названій книгъ въ 12904 томахъ, по-прежнему оставалось въ одной изъ аудиторій.

Въ 1885 г. при юридическомъ факультетѣ возникъ *юридическій кабинетъ*, располагающій особою библіотекою, преимущественно справочныхъ пособій. Въ 1900 г. при историко-филологическомъ факультетѣ возникъ кабинетъ для практическихъ занятій со студентами; при немъ также имѣется небольшая библіотека.

Историческій архивъ, образовавшійся въ 1879-80 т.¹⁾ и состоящій собственно при Историко-Филологическомъ Обществѣ, пополнялся въ разсматриваемый періодъ многочисленными вновь поступившими документами²⁾. Къ его главной основѣ—Черниговскому архиву—прибавились дѣла Полтавскаго губернскаго правленія, документы, хранившіеся въ Харьковскомъ губернскомъ правленіи и содержащіе дѣла нынѣ упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ и т. под. Такимъ образомъ, образовалось два главныхъ его отдѣленія—Малороссійское (Чернигово-Полтавское) и Слободско-Украинское (Харьковское). При архивѣ основанъ также отдѣлъ для бумагъ профессоровъ и вообще мѣстныхъ дѣятелей. По своему значенію Харьковскій историческій архивъ, въ которомъ до 6000 зарегистрированныхъ дѣлъ и огромное число еще не зарегистрированныхъ, приближается къ областнымъ центральнымъ архивамъ—Кіевскому и Виленскому: это—единственное провинціальное собраніе, на основаніи котораго можетъ быть возсоздана прошлая жизнь терри-торіи, занятой въ настоящее время Харьковской, Черниговской и отчасти Курской, Воронежской и Екатеринославской губ. Первоначально документы 3 года дежали въ тюкахъ на хорахъ актовaго зала и въ библиотечномъ корридорѣ, за неимѣніемъ помѣщенія. Затѣмъ архивъ ютился въ 2 небольшихъ комнатахъ за актовымъ заломъ и только почти черезъ 20 лѣтъ послѣ своего возникновенія получилъ болѣе просторное помѣщеніе въ зданіи прежней хирургической клиники, теперь заново перестроенномъ. Завѣдуетъ Историческимъ архивомъ проф. Д. И. Багалъй; при немъ имѣется и архиваріусъ, который однако до сихъ поръ въ штатѣ не введенъ, и лишь благодаря счастливой случайности удавалось для этой должности находить лицъ, живо интересующихся архивнымъ дѣломъ и болѣею частью съ университетскимъ образованіемъ (А. Д. Твердохлѣбовъ, Н. Н. Бакай, М. М. Плохинскій, Е. М. Ивановъ).

Музей изящныхъ искусствъ при Харьковскомъ университетѣ превратился теперь въ музей изящныхъ искусствъ и древностей³⁾: такъ возросъ въ немъ отдѣлъ древностей. Не говоря уже объ отдѣльныхъ предметахъ, въ него поступила коллекція древностей, добытыхъ свящ. Спѣсивцевымъ въ с. Райгородкѣ (Изюмскаго уѣзда). Но еще болѣе обогатился музей за послѣдніе годы. Благодаря XII археологическому

¹⁾ См. выше, стр. 216.

²⁾ Е. М. Ивановъ, Харьк. Истор. архивъ. 1904 (отд. отт. изъ XIV т. Сборн. Харьк. Историч.-Филол. Общества).

³⁾ См. Е. К. Радинъ, Музей изящн. иск. и древ. Имп. Харьк. унив. 1904, (изъ Зап. Импер. Харьк. Унив.).

съѣзду въ Харьковѣ и энергичной дѣятельности предварительнаго комитета (проф. Д. П. Багалѣя, Е. К. Рѣдина и друг.) при немъ, можно сказать, вновь возникъ отдѣлъ древностей первообытныхъ, мѣстныхъ, среди нихъ и церковныхъ, такъ какъ добытые подготовительными работами къ съѣзду, путемъ раскопокъ и экскурсій, памятники, почти всѣ, за немногими исключеніями, поступили въ собственность музея, благодаря содѣйствію предсѣдателя Императорскаго Московскаго Общества, графини П. С. Уваровой. Къ сожалѣнію, музей, по-прежнему, находится въ «невозможномъ» помѣщеніи... По матеріальной книгѣ музея въ немъ значится 3497 нумеровъ, но эта цифра гораздо ниже дѣйствительной, такъ какъ подъ отдѣльнымъ номеромъ должно разумѣть часто цѣлыя десятки, сотни предметовъ. Послѣ проф. А. А. Потебни, съ 1884 г., завѣдующими музеемъ были Н. О. Сумцовъ и Г. О. Шульцъ, а съ 1893 г. состоитъ проф. Е. К. Рѣдинъ, первый представитель кафедры теоріи искусствъ въ Харьковскомъ университетѣ. Благодаря тому же археологическому съѣзду и трудамъ проф. Н. О. Сумцова, А. Н. Краснова и друг. возникъ *этнографическій отдѣлъ*, помѣщающійся теперь въ томъ же зданіи, гдѣ историческій архивъ.

Музизматическій кабинетъ, въ которомъ теперь числится 8647 нумеровъ въ 18167 экземплярахъ, среди коихъ обращаетъ на себя вниманіе весьма интересное собраніе медалей, приведенъ въ надлежащій порядокъ нынѣшнимъ завѣдующимъ проф. Р. И. Шерцлемъ, печатающимъ обширный каталогъ его. Но, къ сожалѣнію, и этотъ кабинетъ находится въ помѣщеніи «невозможномъ»¹⁾.

Вообще, не смотря на всѣ перечисленныя выше расширенія и улучшенія помѣщеній, Харьковскій университетъ все же продолжаетъ еще страдать отъ тѣсноты: такъ, напр., число аудиторій недостаточно и при распредѣленіи лекцій постоянно возникаютъ затрудненія; бываютъ случаи, что лекціи читаются въ профессорской комнатѣ или даже въ университетскомъ дворѣ, въ бесѣдкѣ (случай съ однимъ изъ преподавателей юридическаго факультета нѣсколько лѣтъ тому назадъ). Въ виду тѣсноты помѣщеній, для практическихъ занятій поневолѣ приходится устраивать смѣны. Нѣкоторыя лабораторіи такъ тѣсны, что не вмѣщаютъ и трети слушателей, а воздухъ въ нихъ такой, что студенты заболѣваютъ²⁾. Каково состояніе учебно-вспомогательныхъ учреждений Харьковскаго университета, не

¹⁾ Для полноты сообщаемъ слѣдующія цифры, касающіяся другихъ учебно-вспомогательныхъ учреждений: за 1904 г. въ физическомъ кабинетѣ значилось 1178 нумеровъ, въ геологическомъ—9542 (въ 27435 экземплярахъ), въ зоотомическомъ—3436 (въ 4553 экз.), въ зоологическомъ—7847 (въ 47914 экз.) и проч.

²⁾ Засвидѣтельствовано университетскимъ врачомъ.

смотря на всѣ его старанія улучшить ихъ, показываетъ «Отвѣтъ» совѣта на первый дополнительный вопросъ, который онъ присоединилъ къ извѣстнымъ 18 вопросамъ министерства въ 1901 г.¹⁾ «Состояніе учебно-вспомогательныхъ учреждений Харьковскаго университета», говорится здѣсь (стр. 122 сл.), «далеко не удовлетворительное, можно сказать даже—плачевное. Ютятся болѣею частью въ тѣсныхъ, плохо приспособленныхъ помѣщеніяхъ, не имѣя достаточныхъ средствъ, учреждения эти далеко не соотвѣтствуютъ современному состоянію науки, не отвѣчаютъ своей задачѣ и не могутъ, какъ слѣдуетъ, выполнять своего назначенія, и это въ то время, когда возникаютъ прекрасно и богато обставленные спеціальныя высшія учебныя заведенія—политехникумы и технологическіе институты...». (Писано въ 1901 г.). «Медицинскій факультетъ Харьковскаго университета не имѣетъ вовсе такихъ важныхъ учреждений, какъ напр. клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней, дѣтскихъ болѣзней, кожныхъ и сифилиса. Каѳедры общей патологии, фармакологіи и гігіены до сихъ поръ не имѣютъ штатныхъ помощниковъ профессора; помѣщенія для кабинетовъ и лабораторій этихъ каѳедръ совершенно не приспособлены для потребностей строго научнаго преподаванія, экспериментальнаго по преимуществу; всѣ каѳедры медицинскаго факультета не обезпечены достаточнымъ количествомъ инвентаря и не имѣютъ низшаго служебнаго персонала. На физико-математическомъ факультетѣ есть кабинеты и лабораторіи, вовсе не имѣющіе лаборантовъ, а многіе не имѣютъ лаборантовъ штатныхъ. Музей изящныхъ искусствъ ютится въ совершенно непригодномъ помѣщеніи, грозящемъ порчею и гибелью коллекціи картинъ». Нумизматическій кабинетъ имѣетъ тѣсное и совершенно неудовлетворительное помѣщеніе. «Историческій архивъ», имѣющій огромное научное значеніе и могущій служить полезнымъ учебно-вспомогательнымъ учрежденіемъ для историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ, находится *въ штата 20 лѣтъ* и проч.

«Средства, отпускаемые на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учреждений при Харьковскомъ университетѣ, совершенно недостаточны. Насколько они скудны, показываетъ, между прочимъ, положеніе фундаментальной бібліотеки» (стр. 121—123). «На выписку книгъ на нѣкоторыхъ факультетахъ приходится около 26 руб. на каѳедру въ годъ». Въ 1896 г. дѣло дошло до того, что физико-математическій факультетъ долженъ былъ отказаться отъ приобрѣтенія книгъ, такъ какъ по раздѣленіи штатной суммы поровну между факультетами на его долю

1) См. выше.

пришлось 1365 р., между тѣмъ однихъ періодическихъ изданій факультетъ предположилъ выписать на 1448 р. Самое помѣщеніе библіотеки было настолько ветхо и опасно въ пожарномъ отношеніи, что правленіе университета, видя безуспѣшность прежнихъ ходатайствъ объ улучшеніи учебно-вспомогательныхъ учреждений, въ теченіе многихъ лѣтъ должно было дѣлать сбереженія изъ специальныхъ средствъ, отказывая всѣмъ членамъ совѣта часто въ удовлетвореніи самыхъ основательныхъ ихъ ходатайствъ и научныхъ нуждъ, чтобы составить сумму, достаточную для осуществленія проекта зданія новаго книгохранилища, и такимъ образомъ предохранило отъ опасности библіотеку, — это наиболѣе цѣнное имущество университета. «Для многихъ учреждений вовсе не имѣется штатныхъ суммъ, и они содержатся на скудные спеціальныя средства университета...».

Возбуждались подробно мотивированныя ходатайства о постройкѣ соответствующихъ зданій для химическихъ лабораторій, физическаго института, музея изящныхъ искусствъ и древностей, трехъ клиникъ (душевныхъ болѣзней, кожныхъ и пропедевтической), служительскаго корпуса и проч. Въ общемъ оказывалось, что для надлежащаго благоустройства учебно-вспомогательныхъ и административныхъ учреждений Харьковскаго университета необходима сумма болѣе 2 милліоновъ. Была надежда на удовлетвореніе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ ходатайствъ, но тутъ наступила тяжелая война на Дальнемъ Востокѣ...

По штатамъ 1884 года на содержаніе Харьковскаго университета полагалось 327190 р., не считая, кромѣ того, суммъ, отпускаемыхъ на стипендіи и пособія студентамъ, на вознагражденіе приватъ-доцентовъ, добавочныхъ на инспекцію и проч. Тѣмъ не менѣе финансовое положеніе Харьковскаго университета долгое время было затруднительно; въ этомъ отношеніи онъ былъ поставленъ въ худшія условія, нежели другіе русскіе университеты. Какъ извѣстно, до 1884 года на него ассигновывалось по статьямъ меньше, чѣмъ не только на Петербургскій или Московскій, но и на Кіевскій и даже Казанскій университеты. Извѣстно также, что однажды (1880 года) совѣтъ университета, истощивъ всѣ средства, вынужденъ былъ за недостаткомъ клинической суммы сдѣлать распоряженіе о выпискѣ больныхъ раньше срока изъ клиническихъ учреждений. По штатамъ же 1884 года клиническая сумма еще уменьшилась (10000 р. вмѣсто 10125 р.). Учебно-вспомогательныя учрежденія физико-математическаго факультета до 1884 г. получали 12400 р., что оказывалось недостаточнымъ, и недостатокъ пополнялся тоже изъ специальныхъ средствъ. Въ штатахъ 1884 года, при перечисленіи учебно-вспомогательныхъ учреждений, нѣ-

которыя изъ существовавшихъ въ Харьковскомъ университетѣ учреждений не были поименованы вовсе, а на содержаніе всѣхъ перечисленныхъ кабинетовъ и лабораторій назначено 13000 р., т. е. только на 600 р. больше по сравненію съ прежнимъ. Но такъ какъ спеціальныя средства, изъ которыхъ прежде выдавались субсидіи нѣкоторымъ учреждениямъ, должны были уменьшиться въ силу 129 ст. устава, устанавливавшей плату въ пользу университета въ размѣрѣ 5 р. въ полугодіе (въ первое полугодіе 1885 г. плата за слушаніе лекцій дала 23290 р., а во второе полугодіе, съ введеніемъ новыхъ правилъ, — только 7210 р.), то прибавка въ 600 р. не могла улучшить положенія дѣла. Далѣе, на лаборантовъ, ихъ помощниковъ, хранителей кабинетовъ и проч. назначено 7500 руб., что сравнительно съ прежнимъ составляло прибавку въ 1200 р.; но ни число ихъ, ни размѣры окладовъ не были обозначены, и они не были распределены между физико-математическимъ и медицинскимъ факультетомъ. Отсюда возникло затрудненіе, тѣмъ болѣе, что уменьшить расходы на учебно-вспомогательныя учрежденія и ихъ персоналъ по физико-математическому факультету не представлялось возможнымъ. На нужды, напр., технической лабораторіи отпускалось такъ мало, что не хватало даже на матеріалъ при практическихъ занятіяхъ, и нѣкоторыя изъ этихъ занятій пришлось пока прекратить. Между тѣмъ министръ народнаго просвѣщенія еще въ 1884 г. призналъ необходимымъ (предложеніемъ отъ 16 сентября), чтобы факультетъ озаботился «пріисканіемъ способовъ къ возможно лучшему выполненію требованій устава относительно полноты, послѣдовательности и правильности преподаванія факультетскихъ предметовъ, а равно научныхъ по нимъ упражненій студентовъ»; упражненія же эти стояли въ зависимости отъ матеріальныхъ средствъ. Поэтому совѣтъ Харьковского университета ходатайствовалъ о включеніи въ списокъ штатныхъ учреждений тѣхъ изъ нихъ, которыя фактически уже существовали, но поименованы въ штатахъ не были, и о прибавкѣ на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учреждений и ихъ персонала 8400 руб. Министерство въ то время не нашло возможнымъ удовлетворить это ходатайство и предлагало отнести прибавку на счетъ спеціальныхъ средствъ университета. Въ 1886 году совѣтъ снова хлопочетъ объ увеличеніи кредитовъ на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учреждений, да и само министерство, «усматривая изъ поступающихъ донесеній начальствъ различныхъ округовъ, что кредиты эти недостаточны, и предполагая возбудить, въ установленномъ порядкѣ, ходатайство о пересмотрѣ временныхъ штатовъ Императорскихъ университетовъ», обращалось въ Харьковскій университетъ за свѣдѣніями о томъ, какіе именно кредиты и по какимъ

соображеніямъ должны быть увеличены по этому университету. Въ 1887 г. отпущено было университетамъ на усиленіе преподаванія и установленіе контроля за занятіями студентовъ 100000. Когда выстроены были новыя клиники, для содержанія ихъ и персонала служащихъ необходимы были новыя средства. Съ тѣхъ поръ Харьковскому университету для этой цѣли отпускается 107213 р. 80 к. въ годъ (изъ нихъ 28725 руб. 80 коп. на содержаніе личнаго состава и 78488—на содержаніе клиникъ). Въ послѣднее время на содержаніе Харьковского университета изъ государственнаго казначейства всего ассигновывалось болѣе 500 тыс. въ годъ.¹⁾ Что касается специальныхъ средствъ университета, то въ 1904 г. они выразились въ слѣдующихъ цифрахъ: платы за слушаніе лекцій 66225 р., за печатаніе дипломовъ 853 р. 40 к., аренды университетскаго имущества—1301 р. 70 к. (не считая арендной суммы въ 16000 р. за домъ на Московской ул.: эта сумма всецѣло предназначается на строительныя надобности).

3-я глава.

Студенты.

По отношенію къ студентамъ въ разсматриваемый періодъ мы видимъ тоже крайнюю регламентацію. На другой же годъ по обнародованіи устава 1884 года введена форменная одежда для студентовъ и изданы правила: 1) о приѣмѣ студентовъ въ университетъ; 2) о допущеніи постороннихъ слушателей; 3) о плагѣ за слушаніе лекцій, при чемъ устанавливалось, что общее число освобождаемыхъ отъ платы не должно превышать 15% общаго числа студентовъ даннаго университета; 4) о стипендіяхъ и пособіяхъ; 5) объ обязанностяхъ студентовъ при посѣщеніи университета; 6) о взысканіяхъ и порядкѣ ихъ наложенія; 7) о подвергающихся аресту въ карцерѣ лицахъ. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ 5 декабря 1886 г. и 26 іюня 1887 г. министру народнаго просвѣщенія предоставлялось право принять мѣры къ ограниченію числа евреевъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для каждаго округа установленъ былъ извѣстный % . Для Харьковского университета максимумъ опредѣленъ былъ въ 5% общаго

¹⁾ Въ 1904 году ассигновано было на содержаніе личнаго состава, на научныя пособія и хозяйственныя надобности 448724 руб. 35 коп., а по всѣмъ статьямъ 526190 р.; изъ нихъ израсходовано 499674 р. 87 к.

числа поступающихъ. Впослѣдствіи, въ министерство Н. П. Богольцова, онъ былъ пониженъ до 3⁰/₀, но затѣмъ при Г. Э. Зенгерѣ восстановлена 5⁰/₀-ная норма. Тѣмъ же положеніемъ комитета министровъ отъ 26 іюня 1887 года плата за слушаніе лекцій въ пользу университета, вмѣсто положенныхъ по уставу 5 руб., повышена до 25 руб. за каждое полугодіе. Положеніе специальныхъ средствъ университетовъ, въ особенности Харьковскаго, при 5-рублевой платѣ оказывалось весьма плачевнымъ. Упомянутое повышение должно было помочь этому; но тутъ имѣлась въ виду и другая общая цѣль—отвлечь отъ университетовъ лицъ низшихъ и неимущихъ классов¹⁾, что высказывалось тогда съ полною откровенностью (извѣстный циркуляръ о «кухаркинскихъ дѣтишкахъ»). Если въ началѣ 80-хъ годовъ общій размахъ платы за слушаніе лекцій равнялся 20 р. въ полугодіе, то теперь, когда, кромѣ платы въ пользу университета, студенту приходилось вносить введенный уставомъ 1884 г. еще такъ назыв. «гонораръ» въ пользу преподавателей, онъ увеличился приблизительно вдвое (обыкновенно—43-50 р.). Еще въ 1885 г. совѣтъ Харьковскаго университета указывалъ на обременительность платы, въ особенности для студентовъ медицинскаго факультета, и проектировалъ уменьшить ее, назначивъ гонораръ за часовую лекцію не въ 1 р., а въ 50 к., при чемъ указывалось и на недостаточность установленнаго процента (15⁰/₀) лицъ, могущихъ быть освобожденными отъ платы. Съ увеличеніемъ вноса въ пользу университета съ 5 до 25 руб., плата для студентовъ стала, конечно, еще обременительнѣе.

Увеличеніе платы, ограниченіе приѣма евреевъ, а также стремленіе молодыхъ людей въ высшія техническія учебныя заведенія и открытіе въ Харьковѣ технологическаго института (Высочайшее повелѣніе 1884 г., положеніе и штаты—1885 г.) не могли не отразиться на числѣ студентовъ въ Харьковскомъ университетѣ. Въ годъ введенія устава, т. е. въ 1884½ акад. году, ихъ было въ немъ 1227. Въ слѣдующіе два года число эго возрастаетъ и доходитъ въ 1886½ г. до 1520 (а съ посторонними слушателями—до 1574), въ теченіе 7 лѣтъ увеличившись болѣе, чѣмъ вдвое (въ 1880½ г. студентовъ было только 667). Но съ 1886 г. число вновь поступающихъ въ Харьковскій университетъ замѣтно уменьшается: въ 1884 г. поступило 388 (не считая постороннихъ слушателей), въ 1885 г.—377, въ 1886—только 315, въ 1888—239 и т. д. Соотвѣтственно съ 1887 г. уменьшается и общее число студентовъ въ Харьковскомъ университетѣ: къ январю 1892 г. оно нисколько не

¹⁾ С. И. Рождественскій, стр. 619.

977 (съ посторонними слушателями—до 1010). Особенно рѣзко было замѣтно уменьшеніе числа студентовъ на историко-филологическомъ факультетѣ: въ 1885 году на этотъ факультетъ поступило 26 (всѣхъ было 95); но уже въ 1886—только 18, въ 1887—10, а въ 1888—даже 7. Съ тѣхъ поръ въ теченіе ряда лѣтъ до 90-хъ годовъ, когда оно стало нѣсколько возрастать, число поступавшихъ на этотъ факультетъ въ Харьковскомъ университетѣ рѣдко превышало цифру 10. Кромѣ общихъ причинъ и неприглядной будущности, которая ожидала на педагогическомъ поприщѣ большинство оканчивающихъ историковъ и филологовъ, здѣсь, несомнѣнно, оказали вліяніе учебные планы и экзаменныя требованія 1885 года, выдвинувшія на первое мѣсто классическую филологію и лишившія историко-филологическій факультетъ на нѣкоторое время его прежняго общеобразовательнаго характера. Снова начинаетъ увеличиваться число поступающихъ въ Харьковскій университетъ съ 1890 г., а общее число студентовъ въ немъ—съ 1892 г. Въ 1904 г. поступило 644 студ. и 64 постороннихъ слушателя (въ томъ числѣ фармацевтовъ 47), и къ 1 января 1905 года состояло студентовъ 1660, наибольшая цифра за столѣтнее существованіе Харьковскаго университета; кромѣ того, было постороннихъ слушателей 132 (въ томъ числѣ фармацевтовъ 101) и ученицъ повивальнаго института 68 (44—на 1-мъ курсѣ и 24—на 2-мъ). Особенно замѣтно увеличеніе числа студентовъ сначала на юридическомъ и медицинскомъ факультетахъ, а потомъ—на юридическомъ и естественномъ отдѣленіи физико-математическаго. Даже на историко-филологическомъ факультетѣ за послѣдніе два года число поступившихъ увеличилось въ нѣсколько разъ: въ 1903 году поступило 25, а въ 1904—даже 50 (вмѣсто прежнихъ обычныхъ 10—15). Къ концу 1904 года студенты Харьковскаго университета по факультетамъ распредѣлялись такъ: на историко-филологическомъ—89, физико-математическомъ 393, юридическомъ—643, медицинскомъ—535. Окончило курсъ (т. е. получили выпускное свидѣтельство) въ 1904 году на историко-филологическомъ фак.—10, физико-математическомъ—42, юридическомъ—114, медицинскомъ—106.

Многіе студенты и въ этотъ періодъ, не ограничиваясь слушаніемъ лекцій, работали въ клиникахъ и лабораторіяхъ, изучая спеціально тотъ или другой вопросъ, писали рефераты и сочиненія на заданныя темы или на темы по собственному избранію. Нѣкоторые изъ такихъ работъ являлись уже учеными, болѣе или менѣе самостоятельными, изслѣдованіями и печатались преимущественно въ университетскомъ органѣ («Зап. Импер. Харьк. Унив.»), иногда въ другихъ

спеціальнихъ или общихъ изданійхъ. Такъ, по ходатайству соответствующихъ факультетовъ, рѣшено было напечатать частью цѣликомъ, частью въ извлеченіи слѣдующія представленныя на медаль или на премію работы студентовъ: Костина и Будзинскаго (Исслѣдованія надъ вліяніемъ мускульной дѣятельности и механическихъ условій кровообращенія на содержаніе гемоглобина и красныхъ тѣлецъ въ крови), Тарасова (О дѣйствіяхъ электрическихъ раздраженій большой частоты на мускулы и нервы), Глейзера (О трахомѣ), Гальперина (О терапевтическомъ достоинствѣ различныхъ видовъ шва желудочно-кишечнаго канала), Серковского (Опредѣленіе значенія для распознаванія различныхъ формъ микробовъ морфологическаго вида (строенія) ихъ колоній на твердыхъ средахъ), Гольдина (Аѳинскій совѣтъ, Воруѣ; его исторія, организація и значеніе), Тихоновича (О способахъ резекціи ganglii Gasserii), Воробьева («Сосуды и нервы сухожилья стопы», «Къ сравнит. анатоміи воротъ печени», «Вывихи костей запястья»), Миротворцева (на ту же тему, что и первая работа г. Воробьева), Жмайловича (О микробныхъ ферментахъ и о дѣйствіи ихъ по сравненію съ ферментами животныхъ), Нюрнберга (Графическое измѣненіе пульса при раннихъ стадіяхъ заболѣванія аорты), Лукьянченка (Къ вопросу о клиническомъ достоинствѣ реакціи Vidal'я), Оелоровскаго (Переводы и передѣлки стихотвореній Гете въ русской литературѣ), Цедельсона (Договоръ страхованія по русскому праву), Саматолова (Вліяніе минимальныхъ колебаній электрическаго тока на нервы), Смирнова (на ту же тему), Лившица (О вліяніи горечей на желудочное пищевареніе при различныхъ заболѣваніяхъ желудка), Болтина (Цитоиндинъ и цитокоагулины изъ кровяныхъ железъ), Ясинскаго (О гигантскихъ клѣткахъ вокруг инородныхъ тѣлъ), Береславскаго (Объ эмболии тканевыми клѣтками), Лезина (О кн. В. О. Одоевскомъ), Рынцпенка (на ту же тему), Тихаго (О В. Н. Каразинѣ)¹⁾, Берестовскаго (О гемолизинахъ), Дейча (Объ эмболии тканевыми клѣтками), Фурсова (О состояніи периферическихъ сосудовъ и артеріальнаго давления у неврастениковъ), Черноволога (Описаніе коллекціи Алферова, находящейся въ Музеѣ изящн. иск. Харьк. унив.), Чадова (Понятіе соціальнаго преступника). Рефератъ того же г. Чадова, читанный въ кружкѣ для изученія государственныхъ наукъ («Воззрѣнія на право и государство старшихъ славянофиловъ»), напечатанъ въ журн. «Образованіе», а рефератъ студента Раздольскаго о древностяхъ Путивля, читанный въ кружкѣ для изученія литературъ, напечатанъ въ «Истор.

¹⁾ Печатается въ «Кіевск. Старинѣ»; статьи того же автора по поводу памфлета г. И—на о Каразинѣ—въ «Зап. Харьк. Ун.» 1905.

Вѣстникъ». Одно изъ названныхъ выше сочиненій студ. Воробьева опредѣлено было напечатать въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ».

Группы студентовъ предпринимали научныя экскурсіи подъ руководствомъ преподавателей, напр. географическую экскурсію на Кавказъ подъ руководствомъ проф. А. Н. Краснова (при чемъ собраны были коллекціи), нѣсколько геологическихъ экскурсій подъ руководствомъ проф. А. В. Гурова и П. П. Пятницкаго—на Днѣпровскіе пороги, въ Кривой-Рогъ, въ Донецкій бассейнъ.

Въ послѣдніе годы, когда явилась возможность учреждать научныя студенческіе кружки, студенты Харьковскаго университета мало-по-малу образовали 4 кружка: 1) кружокъ для изученія экономическихъ наукъ, подъ руководствомъ профессора В. Ф. Левитскаго; 2) кружокъ для занятій по исторіи русской и запад.-европейск. литературъ или историко-филологическій, подъ руководствомъ проф. М. Е. Халанскаго; при этомъ кружкѣ имѣется небольшая библіотека-читальня, помѣщающаяся въ историко-филологическомъ кабинетѣ для практическихъ занятій; 3) кружокъ для изученія богословскихъ наукъ, подъ руководствомъ проф. Т. И. Буткевича, и 4) кружокъ для изученія государственныхъ наукъ, подъ руководствомъ прив.-доц. А. Н. Фатѣева. Въ этихъ кружкахъ студенты читали и обсуждали рефераты, въ числѣ которыхъ были выдающіеся. Такъ, кромѣ раньше уже названныхъ и напечатанныхъ, изъ рефератовъ послѣдняго года (1904) обратилъ на себя вниманіе «превосходный въ научномъ отношеніи докладъ» студ. Маклецова о формахъ общиннаго землевладѣнія въ Россіи; въ историко-филологическомъ кружкѣ слѣдуетъ отмѣтить рефераты студ. Окунева о «демонѣ» Сократа и студ. Бѣлецкаго о Марціалѣ и т. д. Кружокъ этотъ, въ которомъ членами состояли и нѣкоторые студенты-юристы, принималъ участіе въ торжественномъ чествованіи университетомъ памяти Жуковскаго (22 апр. 1902), при чемъ студ. Веретенниковъ произнесъ рѣчь о педагогическомъ значеніи сочиненій этого поэта. Въ 1891 г. въ средѣ студентовъ Харьковскаго университета возникла мысль о составленіи и изданіи «Сборника» въ пользу голодающихъ; но такъ какъ печатаніе его затянулось, то назначеніе этого сборника было измѣнено: рѣшено было представить выручку отъ его продажи въ пользу Общества пособія нуждающимся студентамъ. Въ сборникъ вошли стихотворенія, очерки, беллетристическія произведенія и проч. (студентовъ Дубяги, Головкина, Контрольскаго и друг.). Одному изъ участвовавшихъ въ этомъ изданіи, студ. Головкину, принадлежитъ, кромѣ того, особый сборникъ стихотвореній.

Отмѣтимъ здѣсь еще, въ теченіе разсматриваемаго періода, за-долго до циркуляра Н. П. Боголѣпова о развитіи кружковъ, въ томъ

числѣ и музыкальныхъ, при Харьковскомъ университетѣ образовался студенческий оркестръ и хоръ. Первымъ дирижировалъ сначала г. Глень (теперь профессоръ въ Московской консерваторіи), а потомъ г. Дочевскій, преподаватель Харьковскаго музыкальнаго училища. Во главѣ же хора, въ качествѣ регента, сталъ И. М. Туровѣровъ, бывшій студентъ Харьковскаго университета, получившій выпускное свидѣтельство по историко-филологическому факультету.

Не мало питомцевъ Харьковскаго университета избрало ученое поприще и заняло кафедры въ родномъ университетѣ или въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ общемъ однако, какъ мы уже отчасти видѣли¹⁾, уровень знаній студентовъ, равно какъ и требованій, скорѣе понижился въ разсматриваемый періодъ, нежели повысился. «Отвѣтъ совѣта Императорскаго Харьковскаго университета» на вопросъ о мѣрахъ къ повышенію этого уровня констатируетъ, между прочимъ, «полную несостоятельность гимназическаго режима по отношенію къ университету» (стр. 73), благодаря чему юноши, вступающіе въ университетъ, оказывались въ большинствѣ не подготовленными къ самостоятельности. По словамъ «Отвѣта», недостатокъ этой самостоятельности «у поступающей въ университетъ молодежи обнаруживается уже на первыхъ порахъ полной растерянностью относительно своихъ занятій»; «Отвѣтъ» отмѣчаетъ «отсутствіе внутренняго интереса къ этимъ занятіямъ и необходимаго навыка къ настойчивой работѣ», «узко утилитарное направленіе въ занятіяхъ, которое овладѣло въ послѣднее время значительною частью нашей учащейся молодежи» (стр. 74). Помимо другихъ причинъ, тутъ вліяли общая духовная атмосфера въ университетѣ и тотъ излишній формализмъ и регламентація, «которые», по словамъ «Отвѣта», «такъ мѣшаютъ живому дѣлу университетскаго преподаванія» (стр. 69).

Не малымъ тормазомъ въ дѣлѣ занятій для студентовъ служила также матеріальная необезпеченность большинства ихъ. Матеріальное положеніе многихъ студентовъ Харьковскаго университета было тяжелое. ✓ Иные испытывали большую крайность; были такіе, которые не каждый день обѣдали... Приходилось искать занятій или уроковъ; но они нерѣдко отымали много времени и плохо оплачивались. При томъ въ разсматриваемый періодъ все труднѣе и труднѣе становилось студенту приискать урокъ. Правительство, университетъ, общество и отдѣльные лица приходили на помощь студентамъ, во-1-хъ, учрежденіемъ стипендій и выдачей пособій. Такъ, въ 1904 г. изъ 1660 студентовъ Харьковскаго университета стипендіатами состояло 202, изъ коихъ 49

¹⁾ См. стр. 290.

обязательныхъ и 153 необязательныхъ. Въ теченіе года первымъ выдано было 12559 р. 32 к., вторымъ—44181 р. 79 к., а всего стипендій—56741 р. 11 к. Пособіями въ 1904 г. пользовалось 541 студ.; изъ нихъ 105—ежемесячнымъ пособіемъ (обыкновенно 15 р. въ мѣсяцъ), на сумму 12020 р., и 436 студ.—единовременнымъ, на сумму 10918 р. 15 к. Такимъ образомъ, въ теченіе года на стипендіи и пособія студентамъ издержано 79679 р. 26 к. Освобожденныхъ отъ платы въ весеннемъ полугодіи 1904 г. было 331, а въ осеннемъ—326. Кромѣ того, продолжало дѣйствовать Общество пособія нуждающимся студентамъ; въ 1904 г. имъ было выдано долгосрочныхъ ссудъ 8057 р., краткосрочныхъ—26301 р. 2 к. Существовала, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы, и «студенческая столовая» (ею завѣдывали, впрочемъ, не сами студенты), имѣвшая своимъ назначеніемъ давать студентамъ дешевый и доброкачественный обѣдъ. Въ видахъ улучшенія матеріальнаго положенія нуждающихся студентовъ, въ концѣ 1899 г. при Харьковскомъ университетѣ открылось «Справочное бюро для содѣйствія студентамъ въ пріисканіи частныхъ занятій», помѣщавшееся въ канцеляріи по студенческимъ дѣламъ и состоявшее въ завѣдываніи одного изъ помощниковъ инспектора. Бюро должно было служить посредникомъ между студентами, ищущими разныхъ частныхъ занятій, и тѣми учрежденіями и лицами, которыя предлагаютъ какую-либо работу. Въ теченіе перваго года его существованія заявленій отъ студентовъ поступило 515, а со стороны публики—отъ 233 лицъ; состоялось соглашеній 117, съ 122 студентами.

Отчасти въ видахъ улучшенія быта и обстановки студентовъ, отчасти же какъ одна изъ мѣръ къ предотвращенію студенческихъ беспорядковъ, въ министерство Н. П. Боголѣпова предпринята была постройка общежитій. На студенческое общежитіе въ Харьковѣ ассигновано было, считая съ оборудованіемъ, болѣе 200000 р. Начата была постройка въ 1900 г. и къ концу 1901 закончена. Тѣмъ временемъ Н. П. Боголѣповъ сошелъ въ могилу, а при его преемникахъ возникли даже сомнѣнія въ цѣлесообразности подобныхъ учреждений. Была мысль построенное въ Харьковѣ общежитіе, сдѣлавъ въ немъ необходимыя передѣлки и приспособленія, превратить въ клиники, которыхъ недовстало университету (для нервныхъ, для дѣтскихъ и для кожныхъ болѣзней). Наконецъ, въ ноябрѣ 1903 г. общежитіе было открыто. Оно представляетъ собою большое 3-этажное зданіе съ 80 комнатами для 150 студ., съ задой, съ столовой, съ квартирой для завѣдующаго и проч. Содержится оно на счетъ платы, получаемой съ живущихъ въ немъ студентовъ, съ ежегоднымъ пособіемъ отъ казны въ 6000 р.

Плата за помѣщеніе съ мебелью и бѣльемъ, съ электрическимъ освѣщеніемъ и продовольствіемъ—26 р. въ мѣсяцъ за отдѣльную комнату, 21 р. (съ каждаго) за комнату для двоихъ, 19 р.—за комнату для троихъ. При общежитіи имѣется читальня. Въ осеннемъ полугодіи 1904 г. въ немъ было 109 студентовъ; изъ нихъ половина (54)—первокурсники, которымъ, естественно, труднѣе всего бываетъ на первыхъ порахъ устроиться иногда въ незнакомомъ городѣ.

Извѣстно, что при составленіи устава 1884 г. и при устроеніи университетскаго быта на основаніи его имѣлось въ виду, главнымъ образомъ, предотвратить на будущее время студенческіе безпорядки, столь частые при существованіи устава 1863 г. Введенъ былъ строгій надзоръ за поведеніемъ студентовъ со стороны инспекціи какъ въ стѣнахъ университета, такъ, по возможности, и внѣ его,—надзоръ, доходившій, по выраженію «Отвѣта»¹⁾, до «чтенія въ мысляхъ и намѣреніяхъ» со стороны инспекціи, вліяніе которой въ университетѣ вообще непомѣрно усилилось. Но это не предотвратило безпорядковъ. По свидѣтельству того же «Отвѣта» (стр. 116), такой надзоръ сильно раздражалъ и вооружалъ учащуюся молодежь; полицейскія же формы, въ какія выливался онъ, совершенно исключали возможность нравственнаго вліянія, сердечнаго отношенія къ молодежи. «Молодежь», говорится въ «Отвѣтѣ», «чувствуетъ себя заподозрѣнной, отданной какъ бы подъ строгій полицейскій надзоръ инспекціи. Вынужденная этимъ держаться насторожѣ, оскорбляемая этимъ непрерывнымъ надзоромъ и сыскомъ, она начинаетъ смотрѣть на представителей инспекціи, какъ на враговъ,—съ недовѣріемъ, неуваженіемъ, боязнию и въ то же время съ ненавистью; она сама невольно усваиваетъ въ этой глухой борьбѣ привычки, не соотвѣтствующія добрымъ нравамъ», и какъ до 1884 г., такъ и послѣ 1884 г.—и даже еще въ бѣльшей степени,—теченіе университетской жизни не разъ нарушалось студенческими волненіями, а въ послѣдніе годы эти волненія стали обычнымъ явленіемъ.

Въ Харьковскомъ университетѣ волненія обнаружались уже черезъ полтора года послѣ введенія устава 1884 г.: 18 и 19 февраля 1886 г. группою студентовъ произведены были безпорядки въ зданіи университета. Болѣе широкіе размѣры приняла волненія 1887 г., вспыхнувшія прежде всего въ Москвѣ по поводу извѣстной «Брызгаловской исторіи»²⁾ и быстро охватившія почти всѣ русскіе университеты. Въ Харьковѣ 3 декабря группа студентовъ университета, правда немногочисленная, соединившись съ группою студентовъ технологическаго и ветеринарнаго

¹⁾ Стр. 115. См. выше, стр. 270.

²⁾ О ней см. между проч. въ ст. кн. Б. А. Щетинина въ «Ист. Вѣстн.», 1905, февр.

института, произвела безпорядокъ въ сборномъ залѣ и на улицѣ, передъ университетомъ, при чемъ были разбиты стекла въ окнахъ помѣщенія инспекціи. Занятія въ Харьковскомъ университетѣ были прекращены съ 4 декабря; зачетъ полугодій не могъ быть произведенъ своевременно, годовщина основанія университета (17 янв.) не была отпразднована обычнымъ актомъ и 42 студента уволены безъ права обратнаго поступленія. Затѣмъ волненія, по крайней мѣрѣ въ Харьковскомъ университетѣ, улеглись на 12 лѣтъ. Но съ 1899 г. они вспыхиваютъ съ еще болѣею силою и упорствомъ и принимаютъ форму такъ назыв. «забастовокъ» и «обструкцій». Событія эти еще такъ близки, еще такъ въ памяти всѣхъ, что мы коснемся ихъ лишь вкратцѣ. На этотъ разъ, т. е. въ 1899 г., началось съ Петербурга, съ извѣстнаго избіенія студентовъ и вызваннаго имъ волненія, что сейчасъ же отразилось и въ другихъ университетахъ, въ томъ числѣ и Харьковскомъ. Здѣсь студенты также «забастовали», прекратили посѣщеніе лекцій и постановленіемъ правленія (24 февр. 1899 г.) признаны были всѣ поголовно уволившимися, но затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ дней, всѣ были приняты обратно (послѣ того, какъ подали соотвѣтствующія прошенія). Тѣмъ не менѣе волненія продолжались, и послѣдовалъ рядъ увольненій и исключеній: 31 марта уволено 84, 2 апрѣля—54, 3 апрѣля—14, 26 апрѣля исключено 23, 28 апрѣля исключено 31; всего весною 1899 г. за участіе въ безпорядкахъ удалено изъ Харьковскаго университета 206; изъ нихъ 15 человекъ приняты обратно въ томъ же году, а 185—въ разные сроки въ теченіе 1900 г. (изъ остальныхъ 5 совсѣмъ не подавали прошеній, а 1 хотя и подавалъ, но не былъ принятъ). Уже въ 1899 г. дѣло дошло до обструкціи; многіе студенты не экзаменовались, и самые экзамены происходили не въ обычной обстановкѣ—среди безпорядковъ и подъ охраной полиціи и вооруженной силы. 1900 годъ прошелъ спокойно; но въ весеннее полугодіе 1901 г. безпорядки возобновились, хотя въ меньшей степени. Въ теченіе февраля и марта уволено было 95 чел. (изъ нихъ 29 по прошенію, по предложенію ректора); но вскорѣ, въ апрѣлѣ того же года, всѣ они были приняты обратно. Осенью 1901 г. волненія повторились уже въ болѣешихъ размѣрахъ. Поводомъ послужилъ инцидентъ въ ветеринарномъ институтѣ, гдѣ студенты I курса выразили порицаніе одному профессору за то, что онъ требуетъ отъ нихъ усвоенія не соотвѣтствующаго будто бы современному состоянію науки руководства, и подверглись наказанію въ видѣ увольненія и проч. На этотъ разъ въ университетѣ на сходкахъ постановлена была «обструкція», принявшая рѣзкую форму; обструкціонеры прерывали чтеніе лекцій насильствен-

нымъ путемъ; они прибѣгли даже къ такъ назыв. «химической obstructiи», такъ что изъ аудиторіи № 3 нѣсколько студентовъ и профессоръ были вынесены въ обморочномъ состояніи. Постановленіемъ правленія отъ 30 ноября и 3 декабря частью уволено, частью исключено было 115 чел., изъ коихъ въ разное время было принято обратно 59. Кромѣ того, нѣкоторые изъ уволенныхъ поступили въ другіе университеты. Не прошло и 2¹/₂ лѣтъ, какъ снова обнаружались волненія по слѣдующему поводу. Одинъ изъ привагъ-доцентовъ Харьковскаго университета въ своей лекціи коснулся только-что начавшейся тогда русско-японской войны и ея возможныхъ послѣдствій, послѣ чего вынужденъ былъ прекратить чтеніе лекцій. Студенты заподозрѣли товарищей, принадлежащихъ къ такъ называемому обществу русскихъ студентовъ, въ доносѣ; начались сходы, и въ результатъ властью ректора, на основаніи ст. 17 устава, исключено или уволено было (въ мартѣ) 56 чел.; нѣкоторымъ же сдѣланъ выговоръ. Наконецъ, извѣстно, какіе размѣры приняла «забастовка» въ началѣ 1905 г., лежащая уже внѣ того періода, за который мы обзрѣваемъ исторію Харьковскаго университета.

Въ настоящее время совершенно ясны основной характеръ студенческихъ забастовокъ и истинныя причины студенческихъ безпорядковъ. Коммиссія, избранная совѣтомъ Харьковскаго университета 21 января 1905 года¹⁾ для опредѣленія условій, при которыхъ возможно было бы достиженіе нормальнаго теченія университетской жизни, въ своей запискѣ, принятой и совѣтомъ, становится на ту точку зрѣнія, которую проводилъ еще Н. И. Пироговъ и по которой университетъ выражаетъ современное общество и есть лучший его барометръ. Студенческія волненія, говоритъ эта записка, служатъ яркимъ доказательствомъ тѣсной, непосредственной зависимости университета отъ политическихъ условій нашей жизни. «Возникая на почвѣ внутреннихъ неурядицъ и несовершенствъ уставовъ, волненія эти, въ теченіе своего развитія, почти всегда получали нѣкоторую политическую окраску. Администрація же и даже учебное начальство слишкомъ уже просто объясняли причину волненій, приписывая ее проникновенію въ среду студенчества «зломанѣренныхъ» людей, которые возбуждали молодежь ради своихъ чисто политическихъ цѣлей. Но

¹⁾ Изъ проф. Д. И. Багалѣя, В. П. Бузескула, Н. А. Гредескула, А. П. Грузинцева, А. Д. Киселева, В. Ф. Левитскаго, Н. Ф. Мельникова-Разведенкова, С. П. Никонова, И. Г. Оршанскаго, П. П. Пятницкаго, Л. В. Рейнгарда, Н. А. Соколова, В. А. Стеклова, Н. О. Сумцова, Г. О. Шульца, подъ предсѣдательствомъ Л. Л. Гиршмана.

такіе дальновидные педагоги, какъ Н. П. Пироговъ, рано уразумѣли основную причину волненій молодежи и высказывали теперь уже не подлежащую никакому сомнѣнію мысль, что не одни несовершенства устава, но, главнымъ образомъ, можетъ быть, недостатки всего политическаго и гражданскаго строя вызываютъ ихъ. Правительство же, по-прежнему полагая, что все дѣло въ преступной дѣятельности подстрекателей, по-прежнему старалось водворить миръ, согласіе и спокойствіе среди молодежи крутыми репрессивными мѣрами, начиная отъ увольненія, исключенія, восходя до административной высылки и кончая лишеніемъ свободы и отдачей въ солдаты, упуская изъ виду, что такимъ образомъ создаются быстро растущіе кадры недовольныхъ, часто лишенныхъ всякихъ средствъ существованія и потому на все готовыхъ. Не смотря на всѣ эти мѣры, интенсивность, количество и размѣры волненій все росли и увеличивались. Это убѣдительно доказываетъ, что ихъ корень и источникъ лежатъ внѣ университета и молодежи... Единственнымъ, бесспорнымъ результатомъ этихъ мѣръ нужно признать систематическое выбрасываніе за бортъ извѣстной части учащейся молодежи. Ни одного волненія не обходилось безъ того, чтобы значительный процентъ учащихся не подвергался удаленію или исключенію изъ университета. Одни изъ удаленныхъ черезъ нѣкоторое время снова попадали въ университетъ, иногда для того, чтобы вторично быть уволенными изъ него, другіе уже не возвращались обратно... А въ концѣ концовъ отъ этого больше всего страдаетъ страна, крайне нуждающаяся въ образованныхъ дѣятеляхъ, тѣмъ болѣе, что всегда почти выбрасываются за бортъ во время безпорядковъ и очень талантливые молодые люди; относясь съ увлеченіемъ къ научнымъ занятіямъ, они не могутъ атрофировать въ себѣ отзывчивости на явленія окружающей жизни»...

По поводу репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ студентамъ и вліянія этихъ мѣръ неразъ уже цитированный «Отвѣтъ» еще въ 1901 г. говорилъ: «Убъ суровѣ подавлялись сходки, союзы, землячества и т. д., тѣмъ болѣе поводовъ являлось къ производству студентами такъ назыв. безпорядковъ, и тѣмъ чаще студенчество обращалось къ тайной организаціи, въ которой видѣло единственный выходъ изъ своего, дѣйствительно, затруднительнаго положенія. Озлобленные, благодаря внѣшнимъ тяжелымъ условіямъ, ихъ окружающимъ, молодые люди переставали внимать голосу авторитетовъ, собственному своему разуму и цѣликомъ поддавались охватившему ихъ чувству раздраженія. Находясь въ такомъ душевномъ состояніи, часто подвергаясь карѣ, далеко не соотвѣтствовавшей, по ихъ внутреннему самосознанію, винѣ, молодежь изъ тайныхъ студенческихъ организацій переходила въ таковыя же

политическія. Болѣе или менѣе организованная среда, въ которую они въ такихъ случаяхъ попадали, являлась для нихъ привлекательной, въ особенности потому, что удовлетворяла ихъ чувству товарищества, соединяла на общее дѣло, преступное съ точки зрѣнія закона, но представлявшее ихъ заблуждавшемуся уму и возбужденному чувству благороднымъ подвигомъ... Полувѣковой опытъ жизни университетовъ съ совершенною ясностью доказываетъ, что всѣ стремленія сдѣлать изъ студентовъ «отдѣльныхъ посѣтителей» университета, съ цѣлью предотвращенія безпорядковъ, не достигаютъ цѣли, и разрозненная въ повседневной жизни молодежь легко объединяется путемъ тайныхъ организацій для производства такихъ глубокопечальныхъ для академической жизни явленій, какъ забастовки во всѣхъ университетахъ имперіи... (стр. 100). «Русская молодежь» продолжаетъ «Отвѣтъ», «какъ и всякая другая, очень чувствительна къ явной несправедливости, легко реагируетъ на всевозможныя явленія общественной и государственной жизни, даже на поступки и дѣйствія отдѣльныхъ лицъ и потому легко и сильно возбуждается» (стр. 102). Не говоримъ уже о политической агитаціи и революціонныхъ элементахъ, дѣйствовавшихъ, въ свою очередь, въ средѣ студенчества. Въ числѣ репрессивныхъ мѣръ, примѣнявшихся въ широкихъ размѣрахъ въ Харьковѣ по отношенію къ студентамъ, видное мѣсто занимала административная высылка: обыкновенно документы уволеннаго препровождались въ полицію, а его самого, хотя бы на нѣкоторое время, высылали изъ города, дабы онъ не могъ оказать воздѣйствія на товарищей. Но эта мѣра, въ свою очередь, способствовала возбужденію: напр., высылаемымъ изъ Харькова въ 1899 г. студентамъ устраивались торжественные проводы, произносились соотвѣтственные случаю рѣчи, происходили демонстраціи на вокзалѣ и на улицахъ города; въ высылаемыхъ видѣли борцовъ и мучениковъ, а въ административной высылкѣ—жестокій произволъ и беззаконіе, при чемъ обвиненіе въ глазахъ студенчества падало не столько на администрацію, сколько на университетскія власти.

Само правительство сознавало, что однѣхъ репрессивныхъ мѣръ для устраненія студенческихъ безпорядковъ недостаточно, и наряду съ ними прибѣгало и къ другимъ средствамъ. Въ іюнѣ 1899 г. Н. П. Боготѣповъ образовалъ совѣщаніе изъ попечителей учебныхъ округовъ и начальниковъ высшихъ учебныхъ заведеній для обсужденія мѣръ въ цѣляхъ водворенія спокойствія. Циркуляромъ 27 іюня 1899 г. измѣнено положеніе инспекціи въ томъ смыслѣ, что ей вмѣнено въ обязанность благожелательное попеченіе о нуждахъ учащихся, а личный составъ ея еще болѣе усиленъ. 5-го іюля того же года послѣдовало распоря-

женіе о «способѣ къ болѣе равномерному распредѣленію студентовъ между отдѣльными университетами» и о прикрѣпленіи ихъ къ округамъ «въ устраненіе на будущее время переполненія нѣкоторыхъ университетовъ», при чемъ въ Харьковскій университетъ должны были поступать окончившіе курсъ въ гимназіяхъ Харьковского и Кавказскаго учебныхъ округовъ. Установлены были и высшія нормы того числа студентовъ, которое можетъ быть принято на первый курсъ; нормы эти были разныя по университетамъ и факультетамъ. Въ Харьковскомъ университетѣ максимальная норма на юрид. фак. была 200, на физ.-матем. по математическому отдѣленію—100, а естественному—75, на медиц.—175.—29 іюля 1899 г. установлено отбываніе воинской повинности, въ видѣ наказанія, для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, исключаемыхъ за коллективные безпорядки. Слѣдуетъ однако отмѣтить, что въ Харьковскомъ университетѣ не было случаевъ примѣненія этой мѣры.

Университетскій строй на началахъ устава 1884 года подрывалъ авторитетъ профессоровъ: онъ устранялъ вліяніе ихъ коллегіи на студентовъ; на сближеніе между послѣдними и профессорами, какъ мы видѣли, власти смотрѣли сначала даже подозрительно; сами студенты по уставу и правиламъ разсматривались, какъ «отдѣльные посѣтители» университета. Опытъ показалъ, къ какимъ послѣдствіямъ это ведетъ. Уже правительственное сообщеніе отъ 24 мая 1899 г. въ числѣ главныхъ причинъ, содѣйствовавшихъ возникновенію и распространенію безпорядковъ, называетъ «разобщенность студентовъ между собой, съ профессорами и съ учебнымъ начальствомъ». А 21 іюля того же года послѣдовалъ циркуляръ, въ которомъ министръ (Н. П. Боголѣповъ) для установленія желательнаго общенія между студентами, профессорами и учебнымъ начальствомъ указываетъ на слѣдующія мѣры: 1) широкая организація практическихъ занятій, 2) учрежденіе научныхъ и литературныхъ студенческихъ кружковъ и 3) устройство правильно поставленныхъ студенческихъ общежитій. Но устройство кружковъ обставлено было на первыхъ порахъ большими ограниченіями и формальностями, что мѣшало ихъ развитію. Такъ, напр., въ Харьковскомъ университетѣ осенью 1899 г. студенты историко-филологическаго факультета, преимущественно историки, съ увлеченіемъ взялись за мысль основать кружокъ для собесѣдованія и занятій по предметамъ историко-филологическаго факультета; на частныхъ совѣщаніяхъ съ профессорами выработанъ былъ проектъ правилъ или устава этого кружка. Но прошло много мѣсяцевъ, прежде чѣмъ послѣдовало надлежащее разрѣшеніе. Большинство, отъ долгаго ожиданія, успѣло уже къ тому времени охладѣть.

дѣтъ; другіе, въ виду приближенія экзаменовъ, должны были больше думать о послѣднихъ, чѣмъ о кружкѣ. Да и самый проектъ подвергся измѣненіямъ: вмѣсто общаго историко-филологическаго кружка разрѣшенъ былъ лишь кружокъ для занятій исторіею литературы и число участниковъ въ немъ было заранее ограничено извѣстною цифрою (не болѣе 50 чел.). Такъ кружокъ этотъ тогда и не возникъ. Онъ образовался лишь черезъ два года, осенью 1901 г. Число участниковъ кружка для занятій экономическими науками ограничено было 30.

✓ При Харьковскомъ университетѣ, какъ мы видѣли, существовало въ послѣднее время всего 4 научныхъ студенческихъ кружка; но изъ нихъ кружокъ для изученія государственныхъ наукъ во второй половинѣ 1904 г. не функціонировалъ и руководившій имъ преподаватель, въ виду инсинуацій со стороны «охранителей», принужденъ былъ отказаться отъ руководства. Въ концѣ 1901 года, уже въ министерство П. С. Ванновскаго, утверждены «Временныя правила организации студенческихъ учреждений», предоставлявшія начальству высшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія разрѣшать, по ходатайству студентовъ, открытіе студенческихъ кружковъ для научно-литературныхъ занятій, кружковъ для занятій искусствами, ремеслами и разнаго рода физическими упражненіями, а равно студенческихъ столовыхъ, чайныхъ, кассъ (взаимопомощи, ссудо-сберегательныхъ, вспомошествованія), попечительство для пріисканія занятій для недостаточныхъ студентовъ, библіотекъ и читаленъ; для обсужденія же вопросовъ, касающихся поименованныхъ учреждений и кружковъ, и для выбора студентовъ для участія въ коммиссіяхъ этихъ учреждений, а также для выбора курсовыхъ старостъ,—разрѣшались студенческія собранія съ соблюденіемъ подробно изложенныхъ правилъ.

Объ организаціяхъ студентовъ подъ руководствомъ кураторовъ,—института, оказавшагося столь мало жизненнымъ,—и о профессорскомъ дисциплинарномъ судѣ, вовсе не функціонировавшемъ, мы уже упоминали раньше (стр. 267—8).

4-я глава.

Университетъ и общество.

Не смотря на тяжелыя условія, при которыхъ приходилось дѣйствовать университету въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ, онъ продолжалъ по-прежнему служить государству и обществу не только тѣмъ, что

въ немъ получали высшее образованіе сотни молодыхъ людей: и въ разсматриваемый періодъ научное, просвѣтительное и общественное вліяніе Харьковскаго университета распространялось широко.

Его учебно-вспомогательными пособіями—библіотекой, клиниками, кабинетами, лабораторіями, коллекціями и проч.—пользовались не одни преподаватели и студенты, но и лица, не причастныя къ университету. Напр., Музей изящныхъ искусствъ и древностей по воскресеньямъ охотно и въ большомъ количествѣ посѣщается учащимися, публикой, среди которой много и представителей бѣдныхъ классовъ населенія г. Харькова, въ будни же въ немъ занимаются часто художники, любители, ученики школы рисованія (прежде М. Д. Раевской, Е. Е. Шрейдера, а теперь—городской), копированіемъ картинъ, акварелей, рисованіемъ съ гипсовъ и т. д. Утилизируется иногда и спеціальная библіотека Музея не только учащимися, но и членами мѣстнаго общества¹⁾. Въ Историческомъ архивѣ, состоящемъ при Историко-Филологическомъ Обществѣ, работали какъ мѣстные ученые, не принадлежащіе къ составу университетскихъ преподавателей, такъ и пріѣзжіе: профессоръ Мякотинъ, Н. П. Василенко, П. П. Короленко, профессоръ Лилеевъ, Е. А. Альбовскій, А. Я. Ефименко, Д. П. Милеръ, М. М. Плохинскій, Е. П. Радакова, А. Д. Твердохлѣбовъ и друг. Многія мѣстныя силы, благодаря этому архиву, энергично начали разрабатывать мѣстную исторію и исторію Малороссіи, и такимъ образомъ для нѣкоторыхъ молодыхъ работниковъ Историческій архивъ сыгралъ роль какъ бы школы, въ которой воспитались, развились и окрѣпили ихъ склонности къ научнымъ занятіямъ²⁾. Въ университетскихъ клиникахъ перебивали тысячи страждущихъ. Не говоря уже о проф. Л. Л. Гиршманѣ, имена большинства Харьковскихъ клиницистовъ—В. О. Грубе, И. К. Зарубина, В. Г. Лашкевича, Н. Ф. Толочинова (называю только тѣхъ, кого въ настоящій моментъ нѣтъ уже въ университетѣ)—извѣстны были далеко за предѣлами Харькова.

Наука сообщалась не только студентамъ и не только посредствомъ читаемыхъ имъ лекцій и практическихъ занятій. Съ 1893 г. возобновленъ былъ общеуниверситетскій органъ. Дѣло въ томъ, что въ 1884 г. печатаніе существовавшихъ раньше «Записокъ», содержавшихъ протоколы совѣтскихъ засѣданій и ученые изслѣдованія, рѣшено было прекратить, и такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ университетъ не имѣлъ своего органа. Въ 1891 г. рѣшено было «установить съ 1892 г. для приготовленія актовъ рѣчей очередь между факуль-

1) Е. К. Рѣдинъ, Муз. из. иск. и древн. Имп. Харьк. унив., стр. 52.

2) Е. М. Ивановъ, Харьк. Истор. архивъ, стр. 29.

тегами» и «печатать актовъ рѣчи и извлеченія изъ отчетовъ». Тогда же ректоромъ М. М. Алексѣенко возбужденъ былъ вопросъ о возобновленіи университетскихъ «Записокъ»; совѣтомъ избрана была коммиссія (проф. К. А. Андреевъ, Д. И. Багалъй, В. П. Бузескуль, В. Я. Данилевскій, Н. О. Куплеваскій, И. П. Скворцовъ, А. Н. Стояновъ, А. П. Шимковъ), которая и выработала программу изданія. Послѣ двукратнаго ходатайства, въ 1892 г., наконецъ, послѣдовало разрѣшеніе (сначала министерство затруднялось дать его въ виду ограниченности денежныхъ средствъ Харьковскаго университета), и съ начала 1893 г. «Записки Импер. Харьк. Унив.» стали выходить въ свѣтъ, по 4 книжки въ годъ, не считая, сверхъ того, приложеній. Въ виду приближавшагося юбилея въ нихъ видное мѣсто отведено было «Харьковской университетской лѣтописи». Въ «Запискахъ» печатались и студенческія работы (по представленію соотвѣтствующаго факультета). Во главѣ стоитъ редакторъ; кромѣ того, имѣется редакціонный комитетъ изъ 8 членовъ (по 2 отъ факультета). Редакторомъ «Записокъ» все время, до 1905 г., былъ Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Средствомъ общенія между лицами, интересующимися тою или другою отраслю наукъ, какъ принадлежащими къ составу университета, такъ и находящимися внѣ его, служили ученыя общества. Такихъ обществъ при Харьковскомъ университетѣ въ 1884 г. было 4: 1) Общество испытателей природы; 2) Общество опытныхъ наукъ, подраздѣлявшееся на 2 секціи—физико-химическую и медицинскую; 3) Математическое и 4) Историко-Филологическое. Въ 1887 г. выработанъ и утвержденъ новый уставъ Математическаго Общества. Въ 1894 г. Медицинская секція Общества опытныхъ наукъ выдѣлилась въ самостоятельное Общество научной медицины и гігіены, а другая секція переименована въ Общество физико-химическихъ наукъ. При Историко-Филологическомъ Обществѣ въ 1892 г. учрежденъ Педагогическій отдѣлъ, а въ послѣднее время утвержденъ новый уставъ Общества, дающій ему болѣе широкія рамки. Наконецъ, недавно (1901) возникло Юридическое Общество. Такимъ образомъ, къ концу разсматриваемаго періода при Харьковскомъ университетѣ существовало 6 ученыхъ обществъ (не считая Педагогическаго отдѣла)¹⁾. Общества эти устраивали засѣданія, иногда публичныя; на нихъ читались рефераты, доклады, сообщалось о новыхъ открытіяхъ, происходили пренія, поминались прежніе дѣятели. Общества издавали свои «Труды», «Сборники» и т. п. (напр. Общество испытателей природы издало уже 39 т., Физико-Химическое—16 вып.

¹⁾ Года 2 тому назадъ возбуждено ходатайство объ утвержденіи устава Общества психологіи и антропологіи, но до сихъ поръ результатъ не извѣстенъ.

«Приложеній» къ отчетамъ и юбилейный сборникъ по поводу 50-лѣтія дѣятельности акад. Н. Н. Бекетова; Историко-Филологическое—14 т. и т. д.), входили въ сношенія и въ обмѣнъ съ различными учрежденіями и лицами (напр. Математическое Общество обмѣнивалось изданіями съ 58 учрежденіями, изъ нихъ съ 23 иностранными). Доклады дѣлались не только мѣстными учеными, но и пріѣзжими, иногда выдающимися специалистами, напр. въ Историко-Филологическомъ Обществѣ—В. В. Ла-тышевѣмъ, О. Е. Коршемъ, въ Математическомъ—проф. Бугаевѣмъ и друг. Все это способствовало научному движенію и въ то же время взаимодействию дѣятелей университета съ интеллигентными силами изъ мѣстнаго общества. Въ частности слѣдуетъ еще отмѣтить, что, напр., Историко-Филологическое Общество имѣетъ цѣлью способствовать усиленными трудами, собраніями и изданіями развитію и распространенію историческихъ и филологическихъ знаній. Оно и состоящій при немъ Педагогическій отдѣлъ устраивали, какъ увидимъ, публичные курсы и лекціи. Общество это содѣйствовало въ особенности изученію мѣстной старины и исторіи. При немъ, какъ извѣстно¹⁾, существуетъ Историческій архивъ, Этнографическій музей и библіотека. Основаніемъ Историческаго архива Историко-Филологическое Общество спасло огромное количество цѣнныхъ матеріаловъ, остававшихся до того времени почти безъ призора или, напр., похороненныхъ «въ темныхъ трущобахъ нижняго этажа губернскаго архивохранилища», и уже этимъ однимъ оказало важную услугу исторической наукѣ²⁾. Оно много поработало надъ подготовкой Археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, о чемъ рѣчь впереди. Общество испытателей природы содѣйствовало изученію края въ естественно-научномъ отношеніи. На вопросы общественной и государственной жизни послѣдняго времени Юридическое Общество отозвалось рядомъ рефератовъ, и т. д. Всѣмъ этимъ Обществамъ университетъ давалъ помѣщеніе, ежегодную субсидію (за исключеніемъ Общества испытателей природы, получающаго изъ государственнаго казначейства 2500 р. въ годъ), а именно въ 1904 г. Математическое Общество получало 450 р., Историко-Филологическое 400 (и 600 архивариусу), Физико-Химическое 250, Научной медицины и гігіены, а равно и Юридическое,—по 300 р. Главными дѣятелями въ этихъ Обществахъ являлись преподаватели университета, а во главѣ ихъ, въ качествѣ предсѣдателей, стояли выдающіеся ученые, напр. И. О. Леваковскій (Общ. испыт. прир.), К. А. Андреевъ, А. М. Ляпуновъ (Матем. Общ.), Н. Н. Бекетовъ (физ.-химич. секц.), А. А. Потебня, М. С. Дриновъ (Истор.-Филолог. Общ.). Въ послѣднее время

¹⁾ См. выше, стр. 298.

²⁾ Е. М. Ивановъ, Харьк. Истор. арх., стр. 2, 15.

предсѣдателемъ Общества испытателей природы состоитъ Л. В. Рейнгардъ, Общества физико-химическихъ наукъ—И. П. Осиповъ, Научной медицины и гигиены—Я. А. Анфимовъ, Историко-Филологического—Н. О. Сумцовъ, Математического—В. А. Стекловъ и Юридического—Н. А. Гредескулъ.—Харьковскій университетъ далъ помѣщеніе для XII Археологическаго съѣзда, бывшаго въ Харьковѣ, и для его выставокъ; въ лицѣ своихъ преподавателей и членовъ ученыхъ Обществъ онъ принялъ самое дѣятельное участіе въ подготовительныхъ работахъ къ этому съѣзду и въ самыхъ его занятіяхъ, о чемъ мы скажемъ еще подробнѣе впереди.

✓ Многіе преподаватели Харьковскаго университета не ограничивались чтеніемъ университетскихъ курсовъ и выступали съ публичными лекціями въ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ цѣляхъ. Читались не только отдѣльныя лекціи, но и устраивались цѣлая серия ихъ. Такъ, при университетѣ, по-прежнему, еженедѣльно по вечерамъ читались публичные общедоступныя лекціи по химіи и технологіи. Въ 1891 г. нѣсколько профессоровъ въ теченіе поста по воскресеньямъ въ думскомъ залѣ прочли лекціи въ пользу Общественной библіотеки, именно для образованія фонда на постройку дома. Въ теченіе многихъ лѣтъ существовали такъ называемыя «ферейны», во главѣ которыхъ стоялъ А. П. Шимковъ и Г. П. Лагермаркъ: въ одной изъ аудиторій (химической) время отъ времени происходили чтенія, на которыя приглашалась публика. Лекторами были не только профессора. Такъ напр., въ одномъ изъ такихъ собраній читалъ А. О. Кони свою извѣстную лекцію о докторѣ Гаазѣ. Въ 1895 и 1896 г.г. Историко-Филологическимъ Обществомъ, по инициативѣ правленія Харьковскаго Общества взаимнаго вспоможенія учительницъ, открыты были (въ помѣщеніи Маріинской женской гимназіи) вечернія научныя чтенія для женщинъ; число подписавшихся слушательницъ было около 200. Позже М. А. Шимковой, предсѣдательницею названнаго Общества взаимнаго вспоможенія учительницъ, устроены были курсы, собственно для женщинъ, сначала по естественнымъ наукамъ, а потомъ преимущественно по историческимъ и юридическимъ. Читались лекціи преподавателями университета въ физической аудиторіи тоже по вечерамъ. Педагогическій отдѣлъ Историко-Филологическаго Общества въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ устраивалъ въ торжественной залѣ университета общедоступныя чтенія съ туманными картинами по разнымъ отраслямъ знанія,—чтенія, въ которыхъ участвовали какъ профессора, такъ и другія лица. Наконецъ, въ курсахъ для рабочихъ, которые ведутся въ послѣдніе годы, лекторами выступаютъ тоже преимущественно преподаватели университета.

Профессора и приватъ-доценты Харьковскаго университета выступали въ качествѣ популяризаторовъ науки, какъ съ живымъ, устнымъ словомъ, такъ и съ перомъ въ рукѣ, въ научно-популярныхъ статьяхъ, въ разныхъ журналахъ и газетахъ или въ отдѣльныхъ брошюрахъ, и имена нѣкоторыхъ профессоровъ хорошо извѣстны даже въ широкихъ кругахъ публики. Но профессора, по мѣрѣ силъ и возможности, не только распространяли свѣтъ науки: они, въ лицѣ представителей медицины, оказывали помощь страждущему населенію г. Харькова и даже обширнаго края. Мы упоминали уже о тѣхъ тысячахъ больныхъ, которые пользовались въ клиникахъ. Здѣсь скажемъ только, что харьковцы хорошо знаютъ, напр., сколько, преимущественно простого, бѣднаго люда, ежедневно до поздней ночи толпится въ пріемной одного изъ харьковскихъ профессоровъ, котораго, по справедливости, можно назвать «другомъ людей» и которому А. О. Кони посвятилъ свою статью о Гаазѣ, — и встрѣчаетъ со стороны его и ласковое слово, и облегченіе своимъ болѣзнямъ. 17 октября 1888 г. произошло крушеніе Императорскаго поѣзда близъ Борокъ и спасеніе Государя Александра III, Государыни Маріи Оеодоровны и Царской семьи отъ угрожавшей при этомъ опасности. Въ дѣлѣ оказанія медицинской помощи раненымъ при этой катастрофѣ на долю Харьковскаго университета выпала чрезвычайно видная роль. На мѣсто крушенія съ экстреннымъ поѣздомъ выѣхалъ проф. В. О. Грубе съ нѣсколькими врачами и студентами 4-го курса, на пути въ Боркахъ встрѣтилъ санитарный поѣздъ съ пострадавшими и, перейдя въ него, сопровождалъ раненыхъ, осматривая ихъ и руководя оказаніемъ имъ медицинской помощи. Наиболѣе тяжело раненые въ числѣ 9 человекъ помѣщены были въ университетскую клинику подъ наблюденіе проф. В. О. Грубе, а 16—въ Александровскую больницу (при которой находится и госпитальная хирургическая клиника университета), подъ наблюденіе проф. И. К. Зарубина. Къ этому моменту въ исторіи Харьковскаго университета мы еще вернемся.

Когда, въ 1892 г., распространилась эпидемія холеры, то на борьбу съ нею не мало отправилось студентовъ-медиковъ. Наконецъ, когда вспыхнула война съ Японіей, то на Дальній Востокъ, кромѣ нѣкоторыхъ ординаторовъ, отправились, въ качествѣ санитаровъ, помощниковъ и сотрудниковъ врачей, и нѣкоторые студенты Харьковскаго университета, и извѣстно, съ какою энергіей, мужествомъ и самоотверженіемъ работали они тамъ.

Многіе профессора Харьковскаго университета этого періода являлись видными общественными дѣятелями, принимали самое живое

участіе въ общественныхъ и просвѣтительныхъ учрежденіяхъ. Развитие и процвѣтаніе Общества грамотности, Общественной библіотеки, Пушкинскаго училища, курсовъ для рабочихъ неразрывно связано съ именами профессоровъ Харьковскаго университета. Предсѣдателями Общества грамотности были проф. А. П. Шимковъ, П. Т. Степановъ, В. Я. Данилевскій, М. П. Чубинскій, а предсѣдателемъ состоящаго при этомъ Обществѣ комитета по изданію книгъ для народа—проф. Д. И. Багалъй; предсѣдателемъ правленія Общественной библіотеки—тоже Д. И. Багалъй, при которомъ библіотека обогатилась собственнымъ домомъ; дѣятельными и, можно сказать, постоянными членами правленія Общественной библіотеки—прив.-доц. (нынѣ профессоръ) А. П. Грузинцевъ и прив.-доц. М. А. Масловъ, не говоря уже о другихъ (Н. О. Сумцовъ, Е. К. Рѣдинъ, А. П. Кадлубовскомъ, В. И. Саввъ, Н. А. Гредескулъ и проч.); попечитель Пушкинскаго училища—проф. Н. О. Сумцовъ; завѣдующій курсами для рабочихъ—проф. А. Н. Красновъ; предсѣдатель правленія Общества попеченія о нуждающихся учащихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ—проф. Е. К. Рѣдинъ. Въ думѣ, въ качествѣ гласныхъ, профессора Харьковскаго университета не рѣдко играли видную роль. Предсѣдательствующимъ въ думѣ долгое время состоялъ проф. И. К. Зарубинъ (теперь—Д. И. Багалъй); городской голова—А. К. Погорѣлко—прив.-доц. университета и т. д. Но историкъ Харьковскаго университета не можетъ обойти молчаніемъ также и того факта, что въ образованіи и дѣятельности мѣстнаго отдѣла «Русскаго Собранія» и въ изданіи журнала «Мирный Трудъ» инициаторами и главными дѣятелями явились тоже профессора (А. С. Вязигинъ, Я. А. Денисовъ, П. Н. Буцинскій и нѣкоторые друг.)¹⁾.

Харьковскій университетъ, возникшій благодаря сочувствію и поддержкѣ общества, продолжалъ и въ послѣдній періодъ своего столѣтняго существованія получать поддержку со стороны отдѣльных лицъ и учреждений въ видѣ различныхъ пожертвованій, премій, стипендій и т. п. О нѣкоторыхъ пожертвованіяхъ уже было упомянуто—напр. о пожертвованіи г. Эдельберга на астрономическую библіотеку, о библіотекахъ Сомовой, Матушинскаго, Джунковскаго, проф. Колмачевскаго, Сокальскаго, Зарубина. Были также пожертвованы книги профессора В. О. Грубе, Е. И. ф. Бейера, Н. А. Лавровскаго, М. О. Ковальскаго, Г. И. Лагермарка (для химической лабораторіи), бывшаго директора 2-й Харьковской гимназіи Н. Е. Скворцова (пожертвованы его вдо-

¹⁾ Нужно замѣтить, что большинство изъ тѣхъ профессоровъ, которые согласились было участвовать въ названномъ журналѣ, потомъ, когда обнаружили его характеръ и направленіе, отказалось отъ сотрудничества.

вою); получены книги тоже отъ бывшаго прив.-доц. В. В. Лапина, П. А. Малиновскаго (до 1500 книгъ и брошюръ), не говоря уже о пожертвованіяхъ преподавателями университета по одному или нѣсколько экземпляровъ изъ вновь выходящихъ сочиненій. Тутъ же слѣдуетъ отмѣтить также дары Великаго Князя Георгія Михайловича, при-
славшаго мюнцъ-кабинету свои труды и изданія, и гр. И. Д. Делянова (экземпляръ полнаго Собранія Законовъ—для Юридическаго кабинета). Поступали въ даръ университету и разнаго рода коллекціи (напр.—древностей отъ свящ. Спѣсивцева, не говоря уже о тѣхъ древностяхъ, которыя достались университету послѣ XII Археологическаго съѣзда; коллекціи монетъ отъ Императорской Археологической Коммисіи и отъ вдовы покойнаго проф. Ю. И. Морозова, бабочекъ—отъ вдовы лаборанта г. Ярошевскаго, шкуръ птицъ—отъ проф. А. М. Никольскаго, горныхъ породъ и окаменѣлостей—отъ проф. А. В. Гурова и проч.). Покойный проф. А. Г. Подрезъ завѣщалъ свой домъ университету. И. Г. Харитоненко, пожертвовавшій, какъ упомянуто, на потребности университета зданіе и на стипендіи 50000 р.¹⁾, предоставилъ, кромѣ того, 2000 р. въ распоряженіе директора Археологическаго института, сенатора Н. В. Калачова, на описаніе Историческаго архива, состоящаго при Харьковскомъ Историко-Филологическомъ Обществѣ; г. Федоровскій пожертвовалъ 3000 р. на учрежденіе стипендій, О. А. Павловскій—2500, В. И. Левковичъ—5200р. на учрежденіе стипендій имени императора Александра III въ память событія 17 октября 1888 г.; Г. И. Ткачевъ—75000 р. на преміи и стипендіи; дворянство Войска Донскаго—7000 р. на стипендіи имени ген.-майора Д. И. Орлова; А. Г. Бѣлокопытовъ—27000 р. на 4 стипендіи его имени; присяжный повѣренный Н. И. Богомоловъ, бывшій воспитанникъ Харьковскаго университета,—11000 р. для учрежденія преміи его имени за лучшее сочиненіе по уголовному или гражданскому праву, написанное окончившимъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ, и на уплату за слушаніе лекцій за 4 студентовъ; А. А. Бантышъ—50000 р. для учрежденія 5 стипендій; М. Х. Гельферихъ—12000 р.; М. К. Есикорская 6000 р. (то и другое завѣщано на стипендіи на физ.-матем. фак.); М. И. Шедevi—9500 р. на нужды недостаточныхъ студентовъ; Н. А. Хрущова—12000 (7000—на стипендіи, а 5000—на освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій); 8000—отъ М. С. Косенко для учрежденія преміи имени Лелюка; 5000—отъ И. О. Рубинштейна на стипендіи; отъ Е. П. Абрамовой—3000; Е. И. Марковской—5000 на стипендіи имени М. И. Марковскаго. На собранную по

¹⁾ См. выше, стр. 293.

подпискѣ сумму при Историко-Филологическомъ Обществѣ учреждена премія имени бывшаго профессора и предсѣдателя Общества, А. А. Потебни, выдаваемая студентамъ за лучшія сочиненія на данныя темы изъ области специальныхъ занятій покойнаго ученаго. Въ 1899 г. сослуживцами и почитателями бывшаго профессора и ректора Харьковскаго университета М. М. Алексѣенка собрано 2073 р. для учрежденія преміи его имени и пр. Полтавское земство дало Историко-Филологическому Обществу субсидію въ 300 р. на изданіе сборника пѣсень Лубенскаго уѣзда, составленнаго г. Милорадовичемъ. Въ день годовщины основанія университета, 17 января, обыкновенно замѣчается особенный притокъ пожертвованій: въ пользу недостаточныхъ студентовъ изъ разныхъ городовъ отъ лицъ и учреждений присылаются болѣе или менѣе значительныя суммы, собираемыя отъ концертовъ и вечеровъ или просто жертвуемыя; напр., въ 1903 г. такихъ суммъ поступило 16052 р. 85 к. Недавно Луговской завѣщала большую часть своего состоянія, оцѣниваемого въ 80—100 т., въ пользу Общества пособія нуждающимся студентамъ.

Въ заключеніе этого обзора необходимо упомянуть о моментахъ, которые выходили изъ сферы обыденной университетской жизни, на которые университетъ отзывался или въ которыхъ онъ игралъ видную роль.

Въ ряду ихъ особенно памятнымъ является 17 и 19 октября 1888 г. 17 октября названнаго года, какъ извѣстно, произошло крушеніе Императорскаго поѣзда близъ Борокъ и спасеніе Государя и Его семьи отъ угрожавшей опасности. Въ дѣлѣ оказанія медицинской помощи пострадавшимъ при этомъ Харьковскій университетъ, какъ мы видѣли, принялъ самое дѣятельное участіе.

19 октября Императоръ Александръ III и Императрица Марія Феодоровна съ Наслѣдникомъ, нынѣ царствующимъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ, и Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ посѣтили университетскую хирургическую клинику, гдѣ находились раненые при катастрофѣ, затѣмъ университетскую церковь и госпитальную клинику при Александровской больницѣ, въ которой также помѣщены были раненные. Въ хирургической университетской клиникѣ, при обходѣ раненныхъ, необходимыя объясненія давалъ проф. В. О. Грубе вмѣстѣ съ ординаторами, а въ Александровской больницѣ—проф. И. К. Зарубинъ. Объ этомъ посѣщеніи имѣются подробныя воспоминанія очевидца—проф. В. О. Грубе¹⁾. До нѣкоторой степени 19 октября

¹⁾ См. его «Врачебн. помощь при крушеніи Императорскаго поѣзда 17 окт. 1888 г.» Харьк. 1889 г., перепеч. во II т. «Старины и Новизны», стр. 339 сл.

1888 г. — посѣщенію хирургической клиники Императоромъ Александромъ III — Харьковъ, какъ уже упомянуто¹⁾, обязанъ постройкой новыхъ университетскихъ клиникъ.

Не разъ въ Харьковскомъ университетѣ происходили торжественныя собранія и публичныя засѣданія совѣта или состоящихъ при университетѣ Обществъ, по поводу чествованія выдающихся дѣятелей, при чемъ произносились и соотвѣтствующія рѣчи: такъ, чествовалась память апостола славянъ Меодія, Сергія Радонежскаго, В. Н. Каразина²⁾ (Истор.-Филол. Обществомъ), знаменитаго геометра Н. И. Лобачевского (Математ. Обществомъ), мѣстнаго философа Г. С. Сковороды (Историко-Филологическимъ Обществомъ, которое, не ограничившись устройствомъ публичнаго засѣданія и произнесенными въ немъ рѣчами, издало собраніе сочиненій Сковороды, первое полное, на основаніи всѣхъ извѣстныхъ рукописей, съ біографіей философа, составленной его другомъ Ковалинскимъ и со статьями Д. И. Багалъя, А. С. Лебедева, О. А. Зеленогорскаго). А. С. Пушкина (при чемъ по постановленію совѣта изданъ Сборникъ статей и изслѣдованій о Пушкинѣ, съ присоединеніемъ неизданныхъ, хранящихся въ рукописномъ отдѣленіи университетской бібліотеки матеріаловъ), Жуковскаго, Гоголя и друг. Чествовалась память и мѣстныхъ профессоровъ, въ особенности, напр., А. А. Потебни (Историко-Филологич. Обществомъ), Д. И. Каченовскаго (Юридик. Обществомъ), К. К. Гаттенбергера (тоже), А. И. Кирпичникова (Историко-Филологич. Обществомъ).

По поводу исполнявшихся 25-лѣтій, 30-лѣтій дѣятельности и т. под. привѣтствовались дѣятели университета. По широкому участію не только университетской молодежи, но и населенія гор. Харькова особенно выдавалось чествованіе нашего извѣстнаго окулиста Л. Л. Гиршмана (въ сент. 1895 г.), которому устроень былъ дотолѣ невиданный въ Харьковѣ факельцугъ.

Въ августѣ 1897 года Харьковскій университетъ посѣтили члены VII Международнаго Геологическаго конгресса, въ числѣ 92 лицъ. Сначала они прибыли въ торжественный залъ университета, гдѣ ихъ привѣтствовалъ ректоръ М. М. Алексѣенко рѣчью на французскомъ языкѣ; потомъ они посѣтили минералогическій и геологическій кабинеты, гдѣ они были привѣтствованы проф. А. С. Бріо и А. В. Гуровымъ.

А въ августѣ (съ 15 по 27) 1902 г. въ стѣнахъ университета происходилъ XII-й Археологическій съѣздъ, первый ученый съѣздъ въ

¹⁾ См. выше, стр. 294.

²⁾ Въ настоящее время печатается собраніе писемъ, сочиненій и проектовъ В. Н. Каразина.

Харьковъ. Университетъ и состоящее при немъ Историко-Филологическое Общество, какъ уже извѣстно ¹⁾, приняли самое дѣятельное участіе въ его организаціи. Образовано было мѣстное отдѣленіе Предварительнаго комитета по устройству съѣзда, подъ предсѣдательствомъ проф. Д. И. Багалъи и при секретарѣ прсф. Е. К. Рѣдинѣ. Въ составъ его вошли почти всѣ преподаватели историко-филологическаго факультета и большинство членовъ Историко-Филологическаго Общества. Образованная послѣднимъ этнографическая комиссія вошла потомъ въ составъ Предварительнаго комитета. Общее число членовъ мѣстнаго отдѣла было 62; изъ нихъ больше половины (38)—преподаватели Харьковскаго университета. Задача была не легка. Вообще, тяжелыя подготовительныя къ съѣздамъ работы въ данномъ случаѣ усложнялись тѣмъ, что Харьковъ не имѣлъ почти никакихъ коллекцій древностей и Харьковская губернія въ археологическомъ отношеніи представляла тегга incognita ²⁾. Къ работѣ необходимо было привлечь всѣ живыя научныя общественныя силы мѣстнаго района. Эту задачу могъ выполнить только Харьковскій университетъ съ учеными силами всѣхъ его факультетовъ и съ состоящими при немъ учеными обществами. «Только подъ авторитетной эгидой университета, Харьковскій Предварительный комитетъ, состоявшій, главнымъ образомъ, изъ его преподавателей, и могъ выполнить свою нелегкую задачу». Комитетъ, выработавъ программу по собранію древностей и свѣдѣній о нихъ, озаботился широкимъ ея распространеніемъ и получилъ болѣе 1000 отвѣтовъ; онъ вошелъ въ сношенія съ комитетами и комиссіями, образованными въ другихъ городахъ, и устроилъ рядъ экскурсій для собиранія матеріаловъ и производства раскопокъ, напр. для изслѣдованія первобытныхъ древностей, для собиранія этнографическихъ коллекцій, для собиранія церковныхъ древностей и памятниковъ письменности. Изъ преподавателей Харьковскаго университета раскопки вели: Д. И. Багалъи, В. Е. Данилевичъ, А. М. Покровскій, Е. П. Трифилевъ, Л. Ю. Шепелевичъ (послѣдній — въ Витебск. губ.); экскурсіи по собиранію этнографическихъ матеріаловъ совершали: Н. О. Сумцовъ, А. Н. Красновъ, М. Е. Халанскій, церковныхъ древностей — Е. К. Рѣдинъ; а по собиранію документовъ — служащій въ библіотекѣ Д. П. Миллеръ и архиваріусъ Е. М. Ивановъ. На призывъ комитета относительно присылки предметовъ на выставки откликнулись всѣ слои общества; особенно много предметовъ поступило отъ духовенства на выставку церковныхъ древностей. Этнографическій отдѣлъ явился впервые на Харьковскомъ съѣздѣ; онъ устроенъ былъ на средства южныхъ земствъ. Вообще

¹⁾ См. стр. 320.

²⁾ Изъ Отчета комитета. См. Извѣстія XII Арх. съѣзда, стр. 21 сл.

сѣзду оказана была и значительная матеріальная поддержка университетомъ, общественными учрежденіями и отдѣльными лицами¹⁾. Разнообразная научная дѣятельность комитета нашла себѣ выраженіе въ печатныхъ его трудахъ, изданныхъ къ сѣзду, каковы каталогъ всѣхъ отдѣловъ выставки, 2 т. «Трудовъ Харьковскаго Предварит. Комитета»; Историко-Филологич. Общество посвятило XIII-й томъ своего «Сборника» археологическимъ и археографическимъ изслѣдованіямъ и матеріаламъ и, кромѣ того, издало 2 выпуска «Южно-русскаго орнамента» г-жи *Литвиновой*. Харьковский университетъ гостепріимно предоставилъ сѣзду свои помѣщенія. Засѣданія сѣзда происходили въ торжественной залѣ или въ аудиторіи № 1; выставки церковныхъ древностей и первобытныхъ устроены были въ аудиторіяхъ, а этнографическая—въ залахъ новаго зданія бібліотеки. Гостямъ—депутатамъ на сѣздѣ—предоставлено было помѣщеніе въ только-что отстроенномъ тогда зданіи студенческаго общежитія.

Вообще при устройствѣ сѣзда въ Харьковѣ сказалась дружная работа университета и общества. «Только благодаря этому всеобщему сочувствію, мы и могли сдѣлать то, что сдѣлали», говорилъ проф. Д. И. Багалъ въ заключеніе прочитаннаго при открытіи сѣзда отчета мѣстнаго Предварительнаго комитета. «Сочувствіе мѣстнаго общества къ Харьковскому университету не является чѣмъ-то случайнымъ: нашъ университетъ возникъ благодаря матеріальнымъ пожертвованіямъ, сдѣланнымъ всѣми слоями общества, подвинутого къ тому незабвеннымъ В. Н. Каразинымъ. И съ того момента почти цѣлое столѣтіе связь университета съ обществомъ не прерывалась: она пріобрѣла характеръ устойчивой традиціи, усиливавшейся въ одни моменты, нѣсколько ослабѣвавшей въ другіе. На нынѣшнюю помощь и содѣйствіе общества мы позволяемъ себѣ смотрѣть, какъ на интенсивное проявленіе этой традиціи, вызванное потребностью даннаго момента. Харьковский университетъ до сихъ поръ сравнительно мало занимался археологическими и этнографическими изслѣдованіями края, хотя и здѣсь нѣкоторая преемственность существовала: В. Н. Каразинъ, ректоръ Рижскій, проф. Успенскій, Аристовъ, Морозовъ, знаменитый лингвистъ и этнографъ А. А. Потебня—поддерживали эту нить,—и вотъ теперь, когда, благодаря устройству сѣзда въ Харьковѣ, явилась возможность произвести эти изслѣдованія въ широкихъ размѣрахъ, оказались на лицо и ученныя силы, и матеріальныя средства, и поддержка общества»²⁾. Отчетъ

¹⁾ Отъ университета получено до 3000, отъ Историко-Филологическаго Общества болѣе 1200 р.

²⁾ Извѣстія XII Арх. сѣзда, стр. 23—24.

Московского Предварительнаго комитета, прочитанный предсѣдателемъ сѣзда, граф. П. С. Уваровой, констатируетъ «крайне благопріятную особенность сѣзда» въ Харьковѣ, «чуждую доселѣ чисто русскимъ городамъ,—именно горячее участіе городского управления»¹⁾.

Въ самыхъ занятіяхъ сѣзда, число членовъ котораго доходило до 400, преподаватели Харьковскаго университета принимали самое дѣятельное участіе. Предсѣдателемъ ученаго комитета сѣзда избранъ былъ проф. Д. И. Багалъй; проф. Н. О. Сумцовъ, Е. К. Рѣдинъ, А. Н. Красновъ были избраны предсѣдателями соотвѣтствующихъ секцій; прив.-доц. В. И. Савва, А. П. Кадлубовскій, Е. П. Трифилевъ, В. Е. Данилевичъ избраны были учеными секретарями или секретарями секцій. Многіе профессора Харьковскаго университета избирались въ почетные предсѣдатели на отдѣльные засѣданія. Преподавателями университета прочитаны многочисленные доклады и т. д.

По общему признанію, сѣздъ въ Харьковѣ удался и превзошелъ всѣ ожиданія. По словамъ предсѣдателя сѣзда, гр. П. С. Уваровой, сказаннымъ предъ прочтеніемъ отчета въ послѣднемъ засѣданіи, «занятія сѣзда окончены, но воспоминанія о немъ останутся самыя пріятныя». XII Археологическій сѣздъ можетъ считаться вполне удавшимся, говорится далѣе въ отчетѣ²⁾. Онъ положилъ начало изслѣдованію «Половецкой степи»; онъ привлекъ новыхъ работниковъ по археологіи³⁾; благодаря ему, положено начало археологическому и этнографическому музеямъ при Харьковскомъ университетѣ. Сѣздъ былъ обставленъ такъ, что не остается желать ничего лучшаго: наблюдалось любезное отношеніе университетскаго начальства, дружная работа всѣхъ участниковъ, подъемъ духа въ городѣ, выразившійся, между прочимъ, въ посѣщеніи организованной при сѣздѣ выставки. Съ 16 по 24 августа ее посѣтили 55236 чел. бесплатно; кромѣ того, 602 учащихъ и 921 платныхъ посѣтителей. Посѣщали выставку и интеллигентныя лица, и простой народъ,—фактъ необычный⁴⁾. Словомъ, не говоря уже о специальныхъ изслѣдованіяхъ и научныхъ результатахъ, сѣздъ вызвалъ интересъ къ старинѣ въ самомъ обществѣ, въ народной даже массѣ.

Въ подготовительныхъ работахъ къ слѣдующему Археологическому сѣзду, назначенному въ Екатеринославѣ, многіе преподаватели Харь-

¹⁾ См. Изв. XII Арх. Сѣзда, стр. 19.

²⁾ Тамъ же, стр. 223 сл.

³⁾ Одну изъ самыхъ важныхъ и интересныхъ раскопокъ (въ Салтовскомъ городищѣ) произвелъ народный учитель г. Бабенко; дѣятельное участіе въ нѣкоторыхъ раскопкахъ принимали гимназисты г.г. Ефименко и Воронежъ.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 235.

ковскаго университета и Историко-Филологическое Общество приняли также болѣе или менѣе дѣятельное участіе, производили раскопки (Д. И. Багалъй, В. И. Данилевичъ, Е. П. Трифилевъ, Е. К. Рѣдинъ, Е. М. Ивановъ) и т. д.

Въ послѣдній періодъ, т. е. въ теченіе двадцатилѣтія, съ 1884 по янв. 1905 г., происходитъ, какъ мы видѣли, замѣтный *внѣшній* ростъ Харьковскаго университета—увеличеніе его преподавательскаго персонала и числа студентовъ, хотя не безъ колебаній, расширеніе его помѣщеній и улучшеніе нѣкоторыхъ учебно-вспомогательныхъ учреждений. Для внутренней же жизни университета въ этотъ періодъ условія были вообще неблагопріятны. Тѣмъ не менѣе и въ эти тяжелые годы Харьковскій университетъ сдѣлалъ не мало для развитія науки и просвѣщенія; а если мы вспомнимъ, при какихъ условіяхъ ему приходилось выполнять свою миссію, то мы еще болѣе должны будемъ оцѣнить его заслуги, какъ очага просвѣщенія и разсадника науки въ «полуденномъ» краѣ Россіи.

УКАЗАТЕЛЬ.

- Абрамова Е. П. 323.
Авиловъ, ст. 159.
Автономія у-та (см. Самоуправление).
Адамовичъ Д. Г., ад. 51, 60—1, 163.
Аделунгъ, акад. 7, 75.
Адъюнкты 10, 16, 32, 38—9, 40, 55, 57, 124, 174, 179.
Академія наукъ 152.
Акереландкъ, поч. чл. 132.
Александровъ А. И., пр.-доц. 277.
Александръ I, Имп. 7, 10, 16, 18, 20, 27, 29, 35, 102, 108, 117.
Александръ II, Имп. 52, 120, 121, 129, 130, 134, 147, 163, 164, 172, 188, 231, 293.
Александръ III, Имп. 243, 235, 293—4, 321, 323—4.
Алексѣевъ В. 213.
Алексѣевъ А. А., пр.-доц. 280.
Алексѣенко М. М., пр. и попеч. 234, 236, 248, 254—5, 280, 294, 318, 324—5.
Алексѣевскій В. П., пр.-доц. 278.
Алферовъ 5, 216, 306.
Альбицкій А. А., проф. 279.
Альбовскій Е. А. 217, 317.
Альбрехтъ Ф. К., проф. 133, 142—3, 169, 187, 193.
Альманахи 101, 111.
Альфонскій, поч. чл. 132.
Алякритскій Н. И., инсп. 270.
Андре 74.
Андреевъ А. К., проф. 194, 257, 278, 318—19.
Андріевскій, маг. 53.
Аникѣевъ, куп. 6.
Анрепъ В. К., проф. и поп. 254, 282.
Ансимовъ, поч. чл. 38.
Анфимовъ Я. А., проф. 267, 280—1, 320.
Анцыферовъ А. Н., пр.-доц. 280.
Аракчеевъ 18, 38.
Арендтъ Н. О., поч. чл. 132.
Аристовъ Н. Я., проф. 197, 337.
Арнольдъ В. М., проф. 279.
Артемовскій-Гулакъ П. П., проф. 21, 40, 61, 70, 93, 104, 109, 111—113, 130—133, 137, 150, 168, 170.
Архангельскій Н. М., проф. 40, 51, 65—6, 71, 80, 84, 93, 123, 167.
Архивъ Историческій 216—17, 228, 296, 298, 300, 317, 319, 323.
Аудиторіи 189, 192, 236, 299.
Бабенко, уч. 328.
Бабичевъ А. К., ад. 36, 63, 71—2, 168.
Багалъй Д. И., проф. 116, 172, 188, 217, 243, 257, 260, 267—8, 278, 298—299, 312, 318, 322, 325—329.
Байковъ М. А., проф. 21, 35, 40, 53, 65—6, 96, 98—9, 168.
Бакай Н. Н. 298.
Балашовъ, уч. 69.
Балашовъ, поч. чл. 38.
Базяновъ Я. О. 168, 297.
Бантышъ А. А. 323.
Барабашевъ П. Н., проф. 282, 297.
Баранниковъ И. А., пр.-доц. 282.
Барендтъ, ад. 10, 60.
Барятинскій, поч. чл. 132.
Бахтинъ, вице-дир. деп. 167.
Бахтинъ, губ. и поч. чл. 37, 42, 83.
Безбородко, поч. чл. 37, 103.
Безсоновъ П. А., проф. 251, 277—8.
Бейеръ Е. И., проф. 133, 138, 163, 206, 211, 322.
Бекетовъ Н. Н., проф. 139, 149, 153, 193, 198, 201, 204—5, 211, 215, 220, 223, 269, 272, 279, 319.
Бекетовъ А. Н., проф. 133, 139, 155.
Белень-де-Баллю Я. Н., проф. 9, 11, 31, 37, 39, 41, 43, 49, 59, 60, 68—70, 77—9, 81, 98.
Беллинь Э. О., прив.-доц. 280, 282.
Бенкендорфъ, поч. чл. 38.
Бергъ Л. I., прив.-доц. 282.
Береславскій, ст. 306.
Берестовскій, ст. 306.
Бецкій И. Е. 170—1, 216.
Биберштейнъ, поч. чл. 37.
Библиотека у-та 8, 16, 44, 72, 73—4, 113, 174, 179, 183, 204—5, 207, 209, 217, 228, 234, 269, 296—7, 301, 322.
Библиотека общественная 228, 320, 322.
Блюменталь А. И., проф. 36, 67, 81.
Богдановъ А. В., проф. 281.
Боголюбовъ Н. П., мин. 259, 270, 286, 304, 307, 309, 314—315.

Богомолловъ М., ст. 160.
 Богомолловъ Т. И., проф. 168, 281.
 Богомолловъ Н. И. 323.
 Богородицкій О. П., проф. 35, 67.
 Бодуэн-де-Куртене 195, 197.
 Болгаревскій М. П., ад. 44, 50, 67.
 Болтинъ, ст. 306.
 Больница студенческая 73.
 Больница Александровская 294.
 Борзенковъ Д. С., проф. 51, 59, 71, 84, 106, 168.
 Борисьякъ Н. Д., проф. 133—4, 139, 143, 149, 151—4, 159, 168—9, 212, 215, 217.
 Боткинъ, поч. чл. 193.
 Бразоль, маг. 81.
 Брандейсъ Г. Ф., проф. 36, 66, 70—1.
 Брандтъ О., поч. чл. 132, 150, 152.
 Брандтъ А. О., проф. 267, 279.
 Браунштейнъ О. П., пр.-доц. 282.
 Бріо А. С., проф. 248, 279, 325.
 Бродовичъ І. А., проф. 278.
 Брозинъ, поч. чл. 38.
 Бруевъ А. Я., проф. 248, 281, 319.
 Будзинскій, ст. 306.
 Бузескулъ В. П., проф. 243, 248, 260, 278, 312, 318.
 Булгаковъ, поч. чл. 38.
 Буле 200.
 Бунге Н. Я., поч. чл. 268.
 Бурдахъ 33.
 Буслаевъ О. И., поч. чл. 227, 268.
 Буткевичъ Т. И., проф. 277, 307.
 Бутковскій П. А., проф. 66—8, 133, 141, 149, 158.
 Бутурдинъ, поч. чл. 37.
 Буцинскій П. Н., проф. 278, 322.
 Бушъ, поч. чл. 37.
 Буяльскій, поч. чл. 132.
 Бычковъ А. О. 251.
 Бѣгичевъ, поч. чл. 38.
 Бѣлецкій М., ст. 182.
 Бѣлецкій, ст. 307.
 Бѣлокопытовъ А. Г. 323.
 Бѣлоусовъ А. К., проф. 267, 280—1.
 Бѣлоусовъ Н. О., проф. 267, 279.
 Бэръ, поч. чл. 150, 193.
 Вагнеръ И. К., проф. 168, 223, 281.
 Валицкій А. О., проф. 53, 123, 126, 133, 136, 143—6.
 Валувъ, мин. 221.
 Ваниловскій П. С., мин. 259, 266, 316.
 Ваннотъ Л. О., проф. 41—2, 66—8.
 Ванцетти Т. Л., проф. 132—4, 142, 149—150, 169.
 Вапеусъ, поч. чл. 133.
 Варвинскій 167.
 Василенко Н. П. 317.
 Васильевъ Е. А., проф. 10, 24, 28, 42, 44, 46, 65—6, 68, 72, 104, 105.

Васильевъ Н. И., пр.-доц. 282.
 Вейнбергъ П. И. 159, 160, 168.
 Венедиктовъ А. С., проф. 24, 27, 40, 44—5, 52, 66, 70—1, 83, 89, 96, 99, 100, 167.
 Вербовскій 111.
 Веретенниковъ, ст. 307.
 Вернадскій 153.
 Веселовскій А. Н., поч. чл. 268.
 Визитаторы, визитаціи 15, 55, 102, 104—5.
 Вилкомирскій И. О., проз. 133, 141.
 Вилъе, поч. чл. 38.
 Вилькенъ 33.
 Вирховъ, поч. чл. 154, 220.
 Витковскій, уч. 10, 69, 115.
 Вишневскій К. Ф., проф. 142.
 Вильгорскій, поч. чл. 38.
 Владимировъ Л. Е., проф. 214, 230, 280.
 Вліяніе у-та на общество 101—115, 165—171, 213, 317—20.
 Вогузъ, поч. чл. 268.
 Волконскій, поч. чл. 38.
 Вольнеръ В. О., инсп. 270.
 Вольфъ 33.
 Воробьевъ, ст. 306—7.
 Воронежъ 328.
 Воронинъ М. С., поч. чл. 269.
 Воронцовъ-Вельяминовъ Н. П., поп. 191, 253—4.
 Воскресенскій В. Ф., поп. 230, 282.
 Востоковъ А. Х., поч. чл. 132.
 Вреде, поч. чл. 132.
 Высоковичъ В. К., проф. 282.
 Вязигинъ А. С., проф. 278, 322.
 Гавронскій Н. Д., проф. 282.
 Газеты 109—110, 214.
 Гайне, поч. чл. 37.
 Галицкій Н. Д., проф. 142.
 Гальперинъ, ст. 306.
 Гаммерле, ад. 10, 41, 62—3.
 Ганка Вяч. 151.
 Ганнотъ Я. Н., доп. 168.
 Ганъ Ф. И., проф. 67, 133, 142, 169.
 Гарничъ-Гарницкій Ф. М., проф. 134, 154—5, 168, 201, 205, 213, 223.
 Гаттенбергеръ К. К., проф. 205, 234, 236, 272, 280, 325.
 Гауфъ 33.
 Гвоздевъ 167.
 Гевличъ 53, 167.
 Геевскій 69.
 Геждинскій, вице-губ. 100.
 Геймъ, поч. чл. 37.
 Гейне 48.
 Гейнрихъ 33.
 Геккель Э., поч. чл. 268.
 Гельмгольцъ, поч. чл. 193.
 Гельмерсенъ, поч. чл. 132, 150, 152.

- Гельферихъ М. Х. 323.
 Георгіевскій А. И. 249, 254, 281.
 Георгъ 33.
 Гесь-де-Кальве 35, 43, 53, 81, 115.
 Гете, поч. чл. 33, 38.
 Гизе Ф. И., проф. 10, 31, 42—3, 49,
 64, 70, 80, 83, 85, 104.
 Гильбертъ, поч. чл. 37.
 Гильдебрандтъ 33.
 Гимназиі 4, 15, 24, 55, 87, 103, 106,
 113, 145, 157, 165, 211—12, 222.
 Гиршманъ Л. Л., проф. 260, 267—8,
 272, 282, 295, 312, 317, 325.
 Глазостонъ, поч. чл. 132.
 Глазовъ В. Г., мин. 268.
 Глейзеръ, 306.
 Гленъ, уч. 308.
 Гнѣдичъ И. О., ад. 52, 66.
 Говоруха-Отрокъ 206, 232.
 Гогоцкій 185—7.
 Голенищевъ-Кутузовъ, поч. чл. 38.
 Годицннъ А. Н., мин. 17—20, 35, 37,
 43, 47, 79, 94—5, 97, 110, 146.
 Головкинъ Ю. А., поп. 25—27, 30,
 36, 38, 44, 57, 100, 116, 121—3,
 125—6, 128, 131, 151.
 Головокова 296.
 Головоковъ, ст. 307.
 Головиннъ А. В., мин. 221—2.
 Голубинскій Е. Е., поч. чл. 268.
 Гольдинъ, ст. 306.
 Гонораръ, г. система 246, 257—9, 264,
 274—5, 287, 304.
 Гонорскій Р. Т., ад. 60—1, 68, 81,
 93, 109—112, 168.
 Горгози, сенат. 44.
 Гордѣенко Е. С. 36, 67, 70, 123, 132,
 133, 139, 141, 149—50, 169, 193,
 215.
 Гордѣенко Г. С. 63, 70—1, 133, 140,
 145, 151, 167—8.
 Госпиталь военный 293.
 Грабовскій, губ. 38, 167.
 Граве Д. А., проф. 278.
 Градовскій А. Д. 159, 168.
 Гравовскій 143.
 Гребенка 111.
 Гредескулъ Н. А., проф. 267, 280,
 312, 320, 322.
 Гренбергъ О. И., ад. 36, 61—2, 68.
 Гренъ А. Н., пр.-доц. 278.
 Грефе, поч. чл. 38.
 Гречановскій, ст. 94.
 Гречина Г. В., проф. 133, 138.
 Грибовскій 53.
 Григоровичъ 168.
 Гриневичъ 43, 53, 81.
 Громовъ Я. Н., проф. 51, 64—5, 67,
 81, 83—4, 123, 167.
 Гротъ, поч. чл. 132.
 Грубе В. О., проф. 133, 142, 154, 193,
 194, 204, 220, 223, 272, 281, 317,
 321—2, 324.
 Грузинцевъ А. П., проф. 267—8, 279,
 312, 322.
 Грунскій Н. К., пр.-доц. 278.
 Губе, поч. чл. 132.
 Гулевичъ В. С., проф. 281.
 Гумбольдтъ А. Л., поч. чл. 38.
 Гумбольдтъ В., поч. чл. 38.
 Гуровъ А. В., проф. 215, 267, 279,
 307, 323, 325.
 Гутъ И. И., проф. 33, 37, 43, 49, 65—6,
 74, 81, 83.
 Дабеловъ Р. Х., проф. 133, 141—2.
 Давыдовъ И. И., поч. чл. 132.
 Далевакскій В. П., проф. 220, 232, 280.
 Данилевичъ В. Е., пр.-доц. 278, 326,
 328—9.
 Данилевскій А. Я., проф. 168, 281.
 Данилевскій В. Я., проф. 279, 281,
 318, 322.
 Даниловичъ И. Н., проф. 36, 63, 70—1.
 Даунсъ, лект. 278.
 Двигубскій 42, 65.
 Дегай 43, 53, 81, 167.
 Дегуровъ А. А., проф. 31, 33, 41, 43,
 49, 53, 60—1, 65, 68, 81, 104—5.
 Дейчъ, ст. 306.
 Деканы 14, 31—2, 46, 120—1, 126,
 147, 187, 234, 242, 245, 248—9, 263.
 Деларю Д. М., проф. 134, 154—5,
 168, 174.
 Деларю Е. М., 168, 174.
 Делленъ А. К., проф. 223.
 Делицынъ С. Н., проф. 281.
 Делявинъ Ф. А., проф. 9, 34, 42, 64,
 83, 104.
 Деляновъ И. Д., мин. 189, 191, 229,
 242, 244, 255, 257, 259, 286, 323.
 Демидовъ, поч. чл. 38, 132.
 Демонси К. А., проф. 133, 142, 153,
 154—5, 169.
 Денисовъ Я. А., проф. 267, 277, 322.
 Де-Пуле 122, 128, 143—5, 148, 159, 168.
 Деревницкій А. Н., проф. 277—8.
 Джунковскій В. Я., проф. 21, 29,
 31—2, 34, 50, 59, 65, 94, 96, 105,
 111, 322.
 Дилленъ Э. М., проф. 277.
 Дипломы (торговля ими) 43, 53.
 Диссертациі 53, 76—7, 81, 126—8, 134,
 198—9, 218—19, 251.
 Дитятинъ И. И., проф. 233—4, 252,
 270, 272, 280.
 Дмитріевъ, мин. 37.
 Добровскій, поч. чл. 37.
 Добровторскій В. И., проф. 129, 133,
 136, 141, 155, 172, 201, 213, 277.
 Догель М. И., пр.-доц. 280.

Доктора почетные 194, 269.
 Долгоруковъ Н. А., поч. 122, 126, 128, 131.
 Долгорукий, кн. 188.
 Донецъ-Захаржевскій В. М. 5—6.
 Донецъ-Захаржевскій Д. А., поч. чл. 132, 164, 216.
 Доносы 29, 41, 43—4, 53, 181, 185.
 Дорнъ П. А., проф. 36, 49, 60, 68, 72, 77—8.
 Дорофеевъ Н. Е., пр.-доц. 279.
 Доценты 119, 174, 195, 199—200, 207—8, 246, 248—50, 264, 272—3.
 Дочевскій С. И., дириж. 308.
 Древности 83, 105, 323, 326—7.
 Дрейсигъ В. Ф., проф. 33, 42, 49, 66, 68.
 Дриновъ М. С., проф. 214, 220, 228, 277, 314.
 Дубовицкій, поч. чл. 132.
 Дубяга, ст. 307.
 Дударевъ, проз. 133, 141.
 Дудровицъ А. И., проф. 21, 29, 30, 34, 39, 43, 61—2, 70, 81, 91, 94, 96.
 Дудукаловъ А. И., проф. 168, 281.
 Дурново, губ. 230.
 Духовный Вѣстникъ 155, 213—14.
 Дыбскій В. А., пр.-доц. 279.
 Дьяченко Н. А., проф. 65—6, 81, 133, 138, 167.
 Дьячковъ, лект. 64—5.
 Дюк-де-Ришелье, поч. чл. 37.
 Евгений, митр. 38, 128.
 Евдокимовъ Н. Н., пр.-доц. 267, 278.
 Ежедневникъ, газета 109.
 Еллинскій Н. И., проф. 30, 35, 46, 66—7, 70—1, 80, 85, 167.
 Епохинъ И. В., поч. чл. 132.
 Еропкинь, уч. 69.
 Ерофеевъ 81.
 Есикорская М. К. 323.
 Ефименко П. С. 216—17.
 Ефименко А. Я. 317.
 Ефименко П. П. 328.
 Жерве, поч. 231, 238.
 Жиле 53, 81.
 Житецкій П. И. 152.
 Жмайловичъ, ст. 306.
 Жуковский В. А. 93, 113, 188, 307, 325.
 Журавскій 231.
 Журналы, журналистика 109—113, 213—14.
 Завадовскій, мн., поч. чл. 10, 37.
 Завадскій, ст. 160.
 Загоровскій А. И., проф. 279, 280.
 Загорскій, акад. 38.
 Загурскій Л. Н., проф. 248, 279.
 Зайкевичъ А. Г., проф. 267, 279.
 Заксъ, ст. 182.
 Заленскій, ст. 182.

Залѣскій Н. Л., проф. 168, 219, 220, 281.
 Залѣскій В. К., проф. 279.
 Запара 168.
 Записки Харьковскаго у-та 192, 305—6, 317—18.
 Зарубинъ И. К., проф. 134, 154—5, 174, 194, 228, 234, 248, 272, 282, 297, 317, 321, 322, 324.
 Зарудный С. И. 167.
 Засѣдатель непремѣнный правленія 14, 46, 116.
 Затворницкій, чл. окр. с. 281.
 Затеplinскій Т. М., проф. 35, 40, 51—2, 66, 167.
 Захарашевичъ-Капустянскій 6.
 Зачеты полугоды 290.
 Зданія у-та (см. помещенія у-та).
 Зейлеръ 32.
 Зеленева Н. Ф., проф. 281.
 Зеленогорскій О. А., проф. 207, 277, 325.
 Зелеръ В. Ф., пр.-доц. 279.
 Зенгеръ Г. Э., мн. 267, 304.
 Зернинъ А. П., проф. 133, 137.
 Зиминъ I. А., проф. 133.
 Зиновьевъ П. В., поч. 122, 126, 129, 163—4.
 Золотаревъ И. Я., уч. 35, 40, 59, 93, 96, 168.
 Ивановъ, уч. 65.
 Ивановъ Е. М. 298, 326, 329.
 Издельсонъ, ст. 306.
 Исследованія Харьк. края 9, 83, 326—8.
 Иконниковъ В. С., проф. 198.
 Иллinskій Т. С., проф. 133, 141, 153—5.
 Имшенецкій В. Г., проф. 174, 205, 234, 269, 272, 289.
 Инокентій, еп., поч. чл. 127, 132.
 Иноземцевъ О. И., поч. чл. 52, 90, 132, 167.
 Инспекторы, инспекція 20—1, 99—100, 116, 118, 125, 129—30, 161—3, 175, 177, 180, 229, 233—39, 245, 256, 266, 269—70, 310, 314.
 Институтъ для гражд. чинов. 57, 69.
 Институтъ педагогическій въ Харьковѣ 26, 55, 69, 136, 143, 156.
 Институтъ педагогическій въ Дерптѣ 52—3, 134.
 Институтъ профессорскій въ Дерптѣ 90, 119, 176.
 Институтъ археологическій 323.
 Институтъ гистологическій 198.
 Институтъ медицинскій 156.
 Институтъ технологическій 192.
 Институтъ физическій 301.
 Ирмеръ Г. Ю., лект. 278.
 Испытанія дополнительныя 222.
 Кабинеты 73—5, 114, 179—80, 188—9, 192, 204, 207—10, 234, 293, 302.
 Изобраз. архивъ 216—278, 293.

Кабинетъ агрономическій 179, 207, 209.
 Кабинетъ акушерскій 207, 210.
 Кабинетъ анатомическій 75, 179.
 Кабинетъ архитектурный 179.
 Кабинетъ астрономическій 74, 114, 179, 207, 210.
 Кабинетъ геологическій и палеонтологическій 188, 207, 209—10, 296, 299.
 Кабинетъ гигиены 209.
 Кабинетъ гистологическій и эмбриологическій 188, 207, 210.
 Кабинетъ зоологическій 74, 114, 179, 207, 209, 299.
 Кабинетъ зоогомическій съ лабораторіей 188, 207, 299.
 Кабинетъ естественной исторіи 72.
 Кабинетъ минералогическій 73—4, 114, 207, 209.
 Кабинетъ нумизматическій (минцъ-каб.) 75, 114, 299, 300, 323.
 Кабинетъ общей патологіи 207, 210.
 Кабинетъ офтальмологическій 207, 209.
 Кабинетъ патологической анатоміи 209.
 Кабинетъ практическихъ занятій при и.-ф. ф-тъ 297, 307.
 Кабинетъ практической механики 188, 209.
 Кабинетъ рѣдкостей 74, 114.
 Кабинетъ сравнительной анатоміи 180.
 Кабинетъ судебной медицины 188—9, 207, 210.
 Кабинетъ технологическій 74, 114, 179, 207.
 Кабинетъ фармацевтическій 180.
 Кабинетъ физическій 72, 74, 114, 179, 207, 209, 296, 299.
 Кабинетъ физической географіи 188, 207, 209.
 Кабинетъ физиологическій 188.
 Кабинетъ химическій 179.
 Кабинетъ электролечебный (Маньковский) 207, 209.
 Кабинетъ юридическій 299, 323.
 Кадлубовскій А. П., пр.-доц. 277, 297, 322, 328.
 Калачовъ Н. В. 323.
 Калениченко И. О., проф. 85, 133, 139, 141, 149—51, 154, 167, 169, 193, 217.
 Калькау А. Я., проф. 10, 50, 67—8, 80.
 Каменевъ, кун. 6.
 Каменскій, поч. чл. 38.
 Каменскій И. П., проф. 50, 67, 81, 84, 98, 104—6.
 Капустинъ 153.
 Каразинъ В. Н. 1, 3—12, 21, 37, 75, 92, 103, 114, 190, 325, 327.
 Карамзинъ Н. М. 33, 37, 78, 93, 113, 198.

Карасевъ, ст. 95.
 Каретниковъ Я. Л., ад. 10, 64, 83.
 Карѣевъ З. Я., поп. 20—22, 28—9, 32, 35, 36, 84, 91, 94, 96, 97, 99, 111.
 Карѣевъ Е. В., поп. 21—3, 29, 38, 84, 89, 97.
 Карповъ Г. Ф., проф. 198.
 Кассо Л. А., проф. 279.
 Катакази, поп. 122, 126, 129.
 Катковъ 253.
 Катковъ В. П., пр.-доц. 280.
 Каховскій, поч. чл. 38.
 Каченовскій Д. П., проф. 107, 130, 132—3, 141, 147—9, 153—5, 159, 165, 168, 172, 186, 197, 200—203, 212—14, 218—19, 222—4, 229, 325.
 Каедръ: число ихъ 54—6, 134—5, 173—4, 208; вакантность каедръ 36, 57—9, 124, 179, 195, 198—9, 200—2, 207—8; замѣщеніе каедръ 24, 36, 59—69, 195—99, 200—2, 273, 275, 282; раздѣленіе и соединеніе каедръ 134—5, 282—3; упраздненіе каедръ 56.
 Квитка З, 5, 6.
 Квитка-Основьяненко Г. О. 93, 109—11, 170, 194.
 Кенигъ І. І., проф. 133, 140.
 Кепень, поч. чл. 53, 83, 132, 167.
 Кетле, поч. чл. 132.
 Кирилловъ П. А., ад. 133, 139, 151, 168.
 Кирпичниковъ А. И., проф. 188, 190, 194, 214, 228, 251, 278, 325.
 Киселевъ А. Д., пр.-доц. 267—8, 280, 312.
 Киселевъ Д. И., пр.-доц. 281.
 Классъ приготовительный 9, 57, 69.
 Классы своб. искусствъ 75, 114.
 Клиники 56, 73, 75, 115, 188—9, 192, 204, 255, 257, 293—5, 300—1, 317, 325.
 Клиника акушерская 75, 180, 207, 210, 294—5.
 Клиника душевныхъ и нервныхъ бол. 300—1.
 Клиника дѣтскихъ болѣзней 300—1.
 Клиника кожныхъ и венер. болѣзней 300—1.
 Клиника офтальмологическая 207, 209, 295.
 Клиника терапевтическая 75, 169, 180, 294.
 Клиника хирургическая 75, 180, 191, 207—9, 294, 321, 324—5.
 Клобуцкій М. П., проф. 133, 140—1, 168.
 Книгинъ И. Д., проф. 31, 42, 46, 50, 66, 70—1, 84, 104.
 Кобденъ, поч. чл. 132.

Ковалевскій П. А. 3, 5.
 Ковалевскій, канд. 43, 53, 81.
 Ковалевскій А. О., поч. чл. 268.
 Ковалевскій Е. П., мин. 120, 130.
 Ковалевскій М. О. 322.
 Ковалевскій П. И., проф. 248, 281.
 Ковалевскій О. М., поч. чл. 132.
 Ковалинскій 3.
 Ковальскій М. Ф., проф. 168, 278.
 Кованько С. И. 122.
 Кожедубовъ, ст. 159.
 Козодавцевъ, мин., поч. чл. 37.
 Кокоскинъ С. А., поп. 122, 126, 128—132, 295.
 Коллегіумъ Харьковскій 2—3, 87, 92.
 Комачевскій Л. З., проф. 278, 297, 322.
 Колпачи И. М., прив.-доц. 282.
 Колумна-Вигура С. Г., ад. 66.
 Кольбъ, поч. чл. 133.
 Кольмейро, поч. чл. 132.
 Колядинъ, маг. 53.
 Командировки 9, 51—3, 83, 119—20, 126, 134, 149—155, 174, 194, 213, 276.
 Комиссія испытательная 246, 285, 289.
 Комиссія Императ. Археологическая 323.
 Комитетъ по устройству у-та 9, 11.
 Комитетъ по устройству XII Археол. Съѣзда 326—7.
 Комитетъ училищный 15, 31, 46, 101—105, 118.
 Комитетъ цензурный 15, 16, 47, 109, 118.
 Комитетъ экзаменаціонный 57.
 Комлишинскій В. С., проф. 51, 63—4, 71, 80—1, 84, 105, 123, 130, 167.
 Конгрессъ международный геологическій 325.
 Кондаковъ Н. П., поч. чл. 268.
 Кондратьевъ, ст. 94.
 Конкурсы 269, 276.
 Кони А. О., поч. д-ръ 269, 320—1.
 Константинъ Николаевичъ, В. Кн., поч. чл. 132.
 Контрольскій, ст. 307.
 Коритарі Г. Г., проф. 33, 67, 81—2.
 Кореничскій 171.
 Короленко П. И. 317.
 Корпусъ кадетскій 4.
 Корсунъ Н., маг. 53, 81, 170—1.
 Корфъ М. А., поч. чл. 132.
 Коршъ О. Е., поч. чл. 268, 319.
 Косачъ М. П., пр.-доц. 279.
 Косенко М. С. 323.
 Коссовичъ, поч. д-ръ 194.
 Коссовъ И. К., проф. 133, 140, 143, 153—5, 163, 179, 204, 212—13, 215.
 Костинъ, ст. 306.

Костомаровъ Н. И. 69, 90, 95, 121, 126—8, 143, 168, 170—1, 195—6.
 Костыръ Н. Т., проф. 135, 149, 152—3.
 Костуринъ С. Д., проф. 281.
 Котляревскій 93, 111—113, 171.
 Котларовъ, канд. 138, 168.
 Котельниковъ П. 167.
 Кочетовъ В. А., проф. 130, 133—4, 140, 152, 154, 175, 181, 184, 187, 223.
 Кочубей, мин., поч. чл. 7—8, 37.
 Красновъ А. Н., проф. 279, 299, 307, 322, 326, 328.
 Красовскій 5.
 Красускій И. А., пр.-доц. 279.
 Кремянскій Я. С., проф. 204, 219, 223, 228, 250.
 Криворотовъ А. Г., ад. 62, 168.
 Кригеръ В. Х., ад. 66—7, 123, 167.
 Кригеръ М. И., ад. 63—4.
 Криницкій И. А., проф. 36, 40, 64, 73—4, 85, 123, 125, 149—50.
 Кронебергъ И. Я., проф. 23, 25, 26, 29—30, 35, 46, 60, 68—70, 77—8, 85, 98—9, 131, 133, 136, 148.
 Кружокъ литература. Палицына 3—4.
 Крыловъ В. П., проф. 215, 234, 267, 281—2.
 Крюковъ, чл. суд. пал. 281.
 Кудрявцевъ 153.
 Кузнецовъ А. Х., проф. 163, 205, 267—268, 281.
 Кузнецовъ М. М., пр.-доц. 282.
 Куколевичъ-Сакцинскій, поч. чл. 133.
 Кульничскій Н. К., проф. 248, 267, 281.
 Куницкій П. А., проф. 31, 35, 40, 59, 71.
 Куницынъ А. В., проф. 123, 130—1, 133, 140—1, 146, 149, 193.
 Кулеваскій Н. О., проф. 256—7, 280, 318.
 Купферъ А. Я., поч. чл. 132.
 Кураевъ Д. И., проф. 281.
 Кураторы 267.
 Курсы, читанные въ у-тѣ 59—69, 135—143, 277—82, 288.
 Курсы публичные 168, 319.
 Курсы для женщинъ 320.
 Курсы для рабочихъ 320.
 Кутейниковъ, поч. чл. 38.
 Кучеровъ, ст. 159.
 Кучинъ К. З., проф. 281.
 Кушелевъ-Безбородко, поч. чл. 132.
 Лаборанты 174, 300, 302.
 Лабораторіи 189, 192, 204, 234, 293, 299, 300.
 Лабораторія зоотомическая 207.
 Лабораторія техническая 207, 209, 210, 302.
 Лабораторія фармацевтическая 75, 207, 209.

Лабораторія фізіологіческая 207.
Лабораторія фізическая 296.
Лабораторія химическая 72, 74—5,
114, 207, 209, 296, 301.
Лабузъ, поч. чл. 132.
Лаваль, поч. чл. 38.
Лавровскій Н. А., проф. 107, 133,
135—6, 138, 149, 154, 160, 163, 165,
172, 180, 186—7, 194, 198, 200, 211,
213—14, 218—19, 269, 322.
Лавровскій П. А., проф. 133, 149,
153—5, 163, 196—8, 202—3, 218—
219, 223, 228.
Лагермаркъ Г. П., проф. 193, 243,
256, 279, 320, 322.
Лагутинскій М. Н., пр.-доц. 278.
Ладыгинъ, поч. чл. 132.
Лазаревичъ И. П., проф. 220, 223, 282.
Ламанскій, поч. чл. 269.
Лангьеръ, книгопрод. 109.
Лантъ Г. М., проф. 10, 34, 42, 61—3,
79, 81, 104.
Ланинъ В. В., пр.-доц. 278, 323.
Лашинъ В. И., проф. 53, 139, 143,
149, 152—5, 158, 169, 172.
Латышевъ В. В., пр.-доц. 319.
Лашкевичъ В. Г., проф. 220, 223,
272, 281, 317.
Лашенковъ П. Н., пр.-доц. 282.
Лебедевъ А. С., проф. 201, 214, 223,
248, 269, 278, 325.
Лебедевъ П. И., проф. 129, 133, 136,
141.
Леваковский Н. О., проф. 154, 159.
Леваковский Ив. О., проф. 149, 160,
168, 215, 248, 269, 272, 279, 319.
Левандовскій А. Г., пр.-доц. 160, 168.
Левитскій В. Ф., проф. 260, 267, 280,
307, 312.
Левницкій, студ. 95.
Леницкій Г. В., проф. 269, 278, 295.
Левковичъ В. И. 323.
Левшинъ, ст. 94, 167.
Левшинъ Д. С., поп. 122, 129, 130,
193, 221.
Левшинъ А. И., поч. чл. 132.
Левшинъ, маг. 53.
Ледюкъ, уч. 69.
Лезинъ, ст. 306.
Лейфельдъ П. Э., проф. 277.
Лекторы 10, 38, 54, 57—8, 68—9, 124,
174, 179, 207, 234, 272—3.
Лекціи публичныя 125, 177, 194, 212—
213, 319, 320.
Лелюкъ 323.
Лесяковъ 167.
Леоновъ И. Ф., ад. 66, 123, 167.
Ленцъ Э. А., поч. чл. 132.
Ливентъ, мнн. 19, 53.
Ливскій Э. О., проф. 133, 137, 159.

Лившицъ, ст. 306.
Лилеевъ, проф. 317.
Линде, поч. чл. 38.
Линкъ А. В., проф. 133, 142, 167.
Лобановъ-Ростовскій, поч. чл. 37.
Лобачевскій Н. П., 325.
Лобойко 168.
Ломиковскій М. М., проф. 248, 268,
281.
Лонгиновъ, губ. 167.
Лоранъ, поч. чл. 132.
Лоренцони, лект. 278.
Луговской 324.
Лукьяновичъ С. С., проф. 133, 136,
159.
Лукьянченко, ст. 306.
Лунина М. М., проф. 53, 123, 133,
136, 143—5, 148.
Любарскій, ст. 182.
Любовскій П. 43, 167.
Людвигъ, поч. чл. 193.
Лямбль Д. Ф., проф. 149, 154, 204,
223.
Ляпуновъ А. М., проф. 260, 272, 278,
319.
Ляпуновъ Б. М., пр.-доц. 277.
Львовъ М. П., проф. 140, 153.
Льюисъ, поч. чл. 132.
Магазины книжныя 104, 114.
Магазинъ музык. 115.
Магистры магистран. 43, 53, 81, 273—4.
Магницкій 17—18, 21—3, 38.
Майковъ Л. Н. 251.
Майстеренко, маг. 53, 81.
Макарій, поч. чл. 132.
Макозей, поч. чл. 132.
Максимейко Н. А., проф. 267, 280,
297.
Максимовскій М. С., поп. 189—191,
219, 232—6, 248—9, 253.
Максимовъ Н. И., проф. 133, 140.
Макушевъ 196—7.
Мало, лект. 278.
Малиновскій П. А. 323.
Мамонтовъ 164.
Мандтъ М. М., поч. чл. 132.
Марковниковъ В. В., поч. чл. 269.
Марковская Е. И. 323.
Марковскій М. И. 323.
Марковъ Евг., ст. 159, 163.
Маркусъ М. А., поч. чл. 132.
Мартыновъ, поч. чл. 37.
Мартыновъ А. В., поч. чл. 281.
Масловитъ, д-ръ 53, 81, 109, 111—12.
Масловскій А. Ф., проф. 133, 139,
153—5, 223.
Масловскій, ст. 159.
Масловъ М. А., пр.-доц. 277, 322.
Матесъ, уч. 10, 69.
Матушинскій А. М. 168, 297, 322.

Мауреръ Э. К., проф. 36, 59, 71, 123, 186.
 Мацѣевскій, поч. чл. 132.
 Мейнерсъ, поч. чл. 33, 37, 59.
 Медвѣниковъ-Разведенковъ Н. Ф., проф. 267, 281, 312.
 Менделѣевъ, поч. чл. 193.
 Метлинскій А. Л., проф. 95, 133, 135, 145, 149, 153, 158—9, 168, 170.
 Мечниковъ И. 160, 182.
 Мещерскій В. Ю., поч. чл. 132.
 Мигулинъ П. П., проф. 267, 280.
 Мизкъ 43.
 Миклашевскій И. Н., проф. 257, 260, 280.
 Миклошичъ, поч. чл. 133.
 Миллеръ Д. П. 317, 326.
 Милюновичъ С. П., ад. 59.
 Милорадовичъ, этн. 324.
 Милуковъ, поч. чл. 38.
 Министры, министерство народнаго просвѣщенія 8, 16—22, 24—6, 31, 37, 40—3, 45, 53, 57, 99, 101, 119—120, 123, 125—128, 130, 146, 174—175, 181, 191—2, 195, 199, 211—12, 221—8, 231, 235, 242, 244, 249—252, 255, 257, 259—261, 266—268, 270, 274—6, 286—8, 290—2, 302, 304, 314.
 Мирный Трудъ 322.
 Миротворцевъ, ст. 306.
 Миръ 214.
 Мистики, мистицизмъ 21, 29, 94—5, 97, 99.
 Михайловскій К. Ф., ад. 35, 63.
 Михинъ П. В., проф. 282.
 Мидкевичъ А. Н., проф. 133, 140—1, 158—9.
 Мишуковъ, кун. 6.
 Могилевскій А., проф. 36, 61, 71, 84, 123.
 Молодыкъ 171.
 Моль Р., поч. чл. 132.
 Мордвиновъ, поч. чл. 37.
 Моро-де-Жаннесъ, поч. чл. 133.
 Морозовъ Ю. И. 134, 139, 154—5, 160, 168, 205, 213—14, 279, 323, 327.
 Морозовъ П. И., проф. 281.
 Музей изящныхъ искусствъ 171, 179, 190, 207, 209, 216, 298—301, 317.
 Музей зоологическій 296.
 Музей патологической анатоміи 188, 207, 209.
 Музей физиологической анатоміи 207, 209.
 Музей этнографическій (см. этнография).
 Мурчиссонъ, поч. чл. 132.
 Мухинъ, поч. чл. 37.
 Мякотинъ 317.
 Наблюденія астрономическія 83, 85, 296.

Надлеръ В. К., проф. 160, 168, 203, 213—14, 218—220, 223, 248, 278.
 Нарановичъ П. А., проф. 132, 133, 141—2, 149, 153, 169.
 Нартовъ, поч. чл. 37.
 Нахимовъ Ан. 94—5, 111—12.
 Неволинъ К. А., поч. чл. 132.
 Неклюдовъ 5.
 Нелидовъ, поч. чл. 38.
 Нельговскій, ст. 159.
 Нельдегенъ К. К., проф. 33, 34, 42, 44, 49, 64—5, 104.
 Нетолчинскій, маг. 81.
 Нетушилъ И. В., проф. 267, 277.
 Никитенко 19, 120.
 Никитинъ, поч. чл. 38.
 Николай, мин. 175, 235, 252.
 Николай I, Имп. 19, 24—5, 27, 44—5, 90, 101, 117, 119, 122.
 Никольскій А. М., проф. 279, 323.
 Никоновъ С. П., проф. 267—8, 279, 312.
 Новосильцевъ Н. Н., поп. 7, 10, 37.
 Норовъ А. С., мин. 120, 132.
 Нюрнбергъ, ст. 306.
 Обзорныя преподаванія 286—7.
 Оболенскій И. Н., проф. 281.
 Оболенскій кн., поч. чл. 38.
 Обсерваторія астрономическая 72, 74, 188, 295—6.
 Обсерваторія метеорологическая 188, 207.
 Обсерваторія физическая 296.
 Общегитіе 189, 271, 293, 296, 309—10, 315.
 Общество Библейское 17, 20—1, 40, 96—7, 110.
 Общество Вольное Экономическое 152.
 Общество грамотности 322.
 Общество испытателей природы 215, 318—20.
 Общество историко-филологическое 215—16, 228, 317—20, 323—27, 329.
 Общество любителей наукъ, философскій ф-тъ составляющихъ 96.
 Общество любит. отечеств. словесн. 96.
 Общество математическое 215, 318—320, 325.
 Общество наукъ 84.
 Общество научной медиц. и гигиены 318—320.
 Общество опытныхъ наукъ 215, 318.
 Общество пособія нуждающ. студ. 215, 238, 307, 309, 322, 324.
 Общество ученое 110.
 Общество физико-химическихъ наукъ 318—320.
 Общество флотехническое 110.
 Общество эпидемиологическое 215—16.
 Общество юридическое 318—20, 325.

Оверъ А. И., поч. чл. 132.
 Овсянко-Куликовский Д. Н., проф. 260, 267, 272, 277, 318.
 Одионецъ-Заставскій, канд. 94.
 Ожигина, уч-ца 130.
 Озерскій А. Ф., уч. 133, 140.
 Озерецковский, акад. 37.
 Окуневъ, ст. 307.
 Опеховскій О. М., проф. 281.
 „Опыты въ сочиненіяхъ студ. И. Харьк. у-та“ 161.
 Орловъ Л. В., проф. 281—2.
 Орловъ, поч. чл. 38.
 Орловъ Д. И., ген.-м. 323.
 Орнатскій, проф. 133, 141.
 Оршавскій И. Г., проф. 281, 312.
 Осиповскій Т. О., проф. 9, 22, 28—9, 32, 34, 39, 42, 44, 46, 49, 65—6, 70, 79—82, 84—5, 91, 104, 110, 164, 176.
 Осиповъ И. П., проф. 257, 267—8, 279, 320.
 Остроградскій, поч. чл., 91, 132, 167.
 Остроумовъ М. А., проф. 260, 267—8, 280.
 Отвѣтъ Совѣта на вопросы объ измѣненіи устава 1884 г. 260—6, 269—270, 289—93, 300—1, 308, 310, 313—314.
 Отдѣлъ педагогич. Ист.-фил. Общества 318.
 Отношеніе у-та къ среднему и низшему образованію 101—107, 211—12.
 Павель, еп. поч. чл. 36, 38, 97.
 Павловъ 6.
 Павловъ В. А., пр.-доц. 282.
 Павловскій А. О., проф. 51, 65, 70—1, 80, 105, 130—3, 167.
 Павловскій О. А., 323.
 Павловичъ Л. О., проф. 168.
 Паки-де-Совинны Н. Н., проф. 10, 34, 39, 59—60, 68, 71, 79, 81, 123—4.
 Палладинъ В. П., проф. 279.
 Палласъ, акад. 37.
 Палацкій, поч. чл. 132.
 Пазичъ 3—5, 37, 112.
 Падомбецкій А. И., проф. 130, 133, 140—1, 145, 187, 204, 214, 223.
 Памфлеты 129.
 Панинъ, пом. поп. 26, 84—5, 122.
 Пандіоны 88, 157.
 Пармантъе, 33.
 Парпура, ст. 94.
 Парпура 164.
 Парротъ 18.
 Паскевичи 100.
 Пасся, поч. чл. 132.
 Патенко О. А., проф. 282.
 Пауловичъ К. П., проф. 30, 34, 36, 39, 62, 71, 99.

Пахманъ С. В., проф. 133, 140, 154, 174, 186, 206.
 Пашковъ В. 144.
 Пеликавъ, поч. чл. 132.
 Пенскій Ю. Р., пр.-доц. 281.
 Перверзевъ 167.
 Період. сочин. объ успѣхахъ народ. просв. 17, 93.
 Перовскій А. А., поп. 23, 29—30, 36, 38—40, 44, 52, 84, 99, 100, 188—90.
 Петренко, пис. 171.
 Петровъ М. Н., проф. 111, 133, 137, 153, 155, 159, 168, 196, 203, 211, 214, 218, 219, 278.
 Пильгерь О. В. проф., 31, 33—4, 45, 49, 67, 83, 111.
 Пильчиковъ Н. Д., проф. 278.
 Пироговъ Н. И., поч. чл. 132, 175—6, 194, 312—13.
 Питомцы Харьков. у-та (выдающіеся) 167—8, 182.
 Питра І, Альб. Сам. 142—3, 153, 155, 168, 220.
 Питра П. Ад. С. 133, 139, 153, 168, 223, 228, 231, 234, 244, 279.
 Піэтизмъ 16, 20, 109, 146—7.
 Планы учебныя 256, 265, 275, 283—4, 287, 289.
 Платоновъ И. В., проф. 123, 133, 137, 140—141, 146, 158, 185, 193.
 Плетневъ П. А., поч. чл. 132.
 Плохинскій М. М. 217, 298, 317.
 Погорьлко А. К., пр.-доц. 191—2, 278, 322.
 Подгоричани 6.
 Подрезъ А. Г., проф. 281—2, 323.
 Пожертвованія 1, 3—7, 10—11, 103, 189, 216, 293, 295—7, 322—4.
 Покровский А. М., пр.-доц. 279, 326.
 Поликліники душев., дѣтск. и на кож. бол. 296.
 Положеніе объ учебн. округахъ 117.
 Положеніе о студентахъ и постороннихъ слушателяхъ 180.
 Положеніе финансовое у-та (см. средства матеріальныя у-та).
 Помяловскій И. В., поч. чл. 268, 289.
 Помѣщенія у-та 5, 8, 9, 73—4, 128—9, 187—192, 224—5, 236, 269, 288, 293—299, 300—1, 305, 325.
 Попомаревъ М. Д., проф. 267, 282.
 Попечители 19—27, 36, 117—18, 121—3, 125—8, 129—131, 163, 177—8, 180—185, 188—191, 205, 212, 221, 229—236, 242, 245, 248—250, 253—4, 264, 286, 314.
 Поповъ А. О., пр.-доц. 281.
 Поповъ Б. В., пр.-доц. 280.
 Поповъ М. А., проф. 248, 281.
 Поповъ Н., ст. 182.

Половъ С. А., проф. 281.
 Поповъ, дир. уч. 104.
 Поповъ, поч. ч. 38.
 Порай-Кошицъ В. И., пр.-доц. 281.
 Посѣщенія у-та Высочайшими Осо-
 бами 129, 185—7, 255, 294, 324—5.
 Потѣбня А. А., проф. 133—4, 136, 138,
 149, 154—5, 160, 168, 174, 193—4,
 205, 214, 216, 219, 272, 277, 279,
 299, 319, 324—5, 327.
 Потоцкій С. О., поп. 7—11, 19—20,
 26, 33, 37—9, 56, 74—5, 100, 106,
 114.
 Правиковъ, ст. 159.
 Правидкій Ѳ. М., проф. 35, 63—4, 168.
 Правленіе у-та 14—15, 45—6, 245, 269.
 Правленіе училищъ (главное) 7, 16,
 17, 130.
 Предначертаніе о Харьк. у-тѣ 5.
 Предсѣдатели испытательныхъ ком-
 миссій 289, 291—2.
 Прейсъ, 151.
 Преміи 323—4.
 Прокопенко П. П., пр.-доц. 282.
 Прокоповичъ, 11.
 Протопоповъ М. Н., проф. 62, 95, 97,
 123, 133, 138, 168.
 Приватъ-доценты 195, 198, 208, 247,
 264, 272—82, 288—9, 312.
 Профессоры 174.
 Профессоры и преподаватели: личный
 составъ 9—10, 58—69, 133, 200—1,
 277—282; число ихъ 57—8, 173—4,
 179, 195, 202—4, 207, 272—3; науч-
 ная подготовка 48—53, 134; вы-
 боры профессоръ 32—6, 39—40,
 195—8, 259; преподавательская
 дѣятельность 54—5, 59—72, 135—
 148, 184, 198, 200—4, 271, 273—5,
 277—82, 288, 291; научно-литера-
 турная дѣятельность 41, 49, 76—81,
 83—5, 92—3, 110—113, 148—155,
 169—170, 213—14, 271; ученныя
 экспедиціи 149—154, 169 (см. ко-
 маандировки); просвѣтительная дѣ-
 ятельность 107, 168—9, 213, 319—
 322; общественная дѣятельность
 83—4, 169, 215, 321—2; отношеніе
 профессоръ къ среднему образо-
 ванію 211—212 (см. визитаторы);
 партійная борьба въ профессор-
 ской средѣ 41—5, 217—220; дѣ-
 ятельность профессоръ въ совѣтъ
 (см. совѣтъ); выдающіяся имена
 профессоръ 48—49, 51, 143—5,
 148, 272; отзывы о профессорахъ
 современниковъ 69—72, 143—6,
 148.
 Промоціи ученныя, 53.
 Пузановъ, ст. 160.

Пушкинъ А. С. 93, 113, 145, 194—5, 325.
 Пшиборскій А. П., проф. 278.
 Пятницкій П. П., проф. 279, 297, 307,
 312.
 Раздольскій, ст. 306.
 Разумовскій А. К., мня. 17, 35, 38, 42.
 Радакова Е. П. 217, 317.
 Раевская М. Д. 317.
 Раевскій А. А., проф. 280.
 Раевскій, ст. 159.
 Райдаровскій 111.
 Раскопки 326, 329.
 Реакція 17—19, 37, 121, 128.
 Редакторы юбил. унив. изданій 268
 Рейнботъ, канд. 232.
 Рейнгадъ В. В., проф. 279.
 Рейнгадъ Л. В., проф. 279, 320, 312.
 Рейнишъ А. Г., ад. 60—1, 98.
 Рейпольскій И. Н., проф. 66, 72, 123,
 126.
 Рейтъ Б. О., проф. 10, 33—4, 43,
 60—2, 68, 105.
 Рейцъ А. Ѳ., поч. чл. 132.
 Ректоры у-та 27—31, 46, 120—1, 130—
 1, 177, 184, 206, 229, 231, 239,
 241—2, 245, 248—9, 252, 255—6,
 263—4.
 Репревъ А. В., проф. 257, 267, 281.
 Ресницкій А. К., исп. 270.
 Ржевскій, ст. 159.
 Рижскій И. С., проф. 9, 11, 27—8, 39,
 46, 49, 59, 70, 77—8, 81, 85, 92—3,
 98, 104—6, 109, 112, 327.
 Рикордъ, поч. чл. 38.
 Риттеръ П. Г., пр.-доц. 277—8.
 Рихтеръ, поч. чл. 37.
 Робинзонъ А. П., проф. 133, 141.
 Робушъ М. К., проф. 40, 51, 65, 168.
 Роговскій Е. А., проф. 279.
 Рогожинъ Ѳ. Ф., исп. 236—9, 269.
 Родзаевскій Д. К., проф. 281.
 Розальонъ-Сошальскій, помѣщ. 3, 12.
 Розальонъ-Сошальскій 43, 69, 93, 98.
 Романовичъ-Славатинскій 196—7.
 Роммель Х., проф. 33, 41—3, 48, 60,
 69, 70, 77—8, 81, 83—4, 92, 98,
 104, 106.
 Рославскій-Петровскій А. П., проф.
 125, 130, 133, 137, 149, 159, 167—
 8, 172, 175—7, 193, 199—200,
 217—18.
 Ротертъ В. А., проф. 279.
 Рошупкинъ, ст. 160.
 Рубинскій К. И. 297.
 Рубинштейнъ И. О. 323.
 Румянцевъ Н. П., поч. чл. 37.
 Руничъ 17, 21, 38.
 Русское Собраніе 322.
 Рындовскій Г. С., проф. 133, 141—2,
 167, 169.

- Рѣднѣ Е. К., проф. 216, 268, 278, 299, 317, 322, 326, 328—9.
Рѣзниченко, ст. 306.
Рѣчи актовыя 11, 77, 81—2, 85, 108—9, 175, 317—18.
Сабуровъ, мин. 191, 235.
Савва В. И., проф. 278, 322, 328.
Савидскій 81.
Сагатовъ, ст. 306.
Садъ ботаническій 72, 74—5, 114, 169, 207, 210.
Садъ университетскій 9.
Салтыковъ, поч. чл. 193.
Самоуправленіе унив. 12, 16, 27, 47, 116—117, 244, 261—3, 265.
Сарториусъ 33.
Сарычевъ, поч. чл. 38.
Сборники студенч. сочиненій 94—5, 161, 307.
Сборникъ ученич. стихотв. 104.
Сборникъ статей и изслѣдованій о Пушкинѣ 325.
Сборникъ Истор.-Филол. Общ. 327.
Свиридовъ Н. А., проф. 133—4, 141—2, 154, 164, 167, 217.
Свѣтухинъ М. Н., пр.-доц. 282.
Севастьяновичъ, врач. исц. 168.
Секретари ф-товъ 15.
Селастениковъ, ст. 182.
Селивановъ 69, 159.
Семинаріи 87, 113, 157.
Семинарій педагогич. 160.
Сенюткинъ, ст. 159.
Серафимъ, митр. 18, 38, 97.
Сергеевскій, проф. м. у. 201.
Серковскій, ст. 306.
Сиверсъ, губ. 181—2.
Сивокъ, уч. 10, 69.
Силвестръ, арх. 35.
Симоновъ, поч. чл. 132.
Сипдикъ у-та 15, 116—17, 125, 237.
Синцовъ Д. М., проф. 278.
Скворцовъ И. П., проф. 257, 260, 267—8, 282, 318.
Скворцовъ Н. Е. 322.
Склавовскій А. В., проф. 30, 59, 93—6, 104, 109, 111—12, 168.
Сковорода Г. С., 3, 112, 325.
Славидскій И. А., проф. 133, 137, 168.
Служители посторонніе 87, 130, 179, 180, 183, 207, 210—211, 304—5.
Смарагдъ, еп. 122.
Смирновъ, ст. 306.
„Свѣтъ“, малор. литер. сборникъ 171.
Собіанскій И. М., проф. 280.
Советъ у-та 13—14, 27—35, 37—41, 129—133, 178—180, 182—5, 187, 190, 193—7, 200—206, 211—12, 216—220, 222—4, 226—8, 231—235, 244—5, 256—269, 293, 302, 312, 318.
Сокальскій П. И., проф. 35, 40, 60, 123, 133, 136—7, 154—5.
Сокальскій П. П., проф. 130, 133, 138, 159, 168, 191, 200, 202—3, 211, 214, 220, 222, 233, 280, 297, 322.
Соколовскій, ст. 95.
Соколовъ Н. Д., проф. 133, 138, 140, 149, 152, 154, 163, 206.
Соколовъ Н. А., проф. 260, 281—2, 312.
Соловьевъ С. В., проф. 278.
Сомова 297, 322.
„Соображенія о приведеніи въ дѣйствіе новаго устава“ (1884 г.) 246—7.
Сообщенія ученныя въ советѣ 40—1.
Сорочинскій, ст. 96.
Сочиненія медальныя 89, 160, 305—307.
Спасскій Н. Т., ад. 36, 52.
Спасскій, куп. 6.
Сперанскій, поч. чл. 38.
Списовцевъ, свящ. 298, 323.
Средства матеріальныя у-та 72—3, 192, 204, 207, 210, 288, 294—6, 300—303.
Срезневскій И. Е., проф. 46, 50, 59, 93, 104, 109, 111—12.
Срезневскій И. И., проф. 95—6, 107, 111, 133—4, 137—8, 144, 150—1, 159, 165, 168, 170, 193.
Сталинскій 214.
Станиславскій А. Г., проф. 133, 140, 143, 186.
Станкевичъ И. Н., проф. 215, 223.
Станція метеорологическая 296.
Статистическій Листокъ 214.
Стивенсонъ 32.
Стекловъ В. А., проф. 260, 267—8, 278, 312, 320.
Стезьмаховичъ М., проф. 160, 168.
Стенановъ Т. О., проф. 36, 53, 63, 71, 109, 130—1, 133, 141, 145—8, 154—5.
Стенановъ П. Т., проф. 134, 168, 174, 205, 223, 248, 260, 279, 322.
Степени ученныя 39—40, 53—4, 119, 123, 265.
Стинденъ 164, 186, 189, 206—207, 216, 238—9, 293, 308—9, 323.
Стинденіаты для приготовленія къ профессорскому званію 34, 232, 234, 276—7.
Стойковичъ А. И., проф. 9, 27—8, 31, 34, 37, 41—3, 46, 49, 63, 65, 70, 74, 80—2, 84, 104, 107.
Стояновъ А. Н., проф. 168, 174, 214, 222—3, 228, 248, 279—80, 318.
Страховъ, поч. чл. 37.
Строгановъ А. Г., поч. чл. 132.

Строгановъ С. Г. 186.
 Струве, поч. чл. 132, 152, 193.
 Струве А. К., проф. 133, 142.
 Струве Л. О., проф. 278.
 Студенты 9, 86—101, 155—165, 220—242, 303—316. Статистическія данныя о нихъ (число студентовъ, число окончившихъ курсъ) 87—8, 90—1, 155—8, 179, 207, 210—11, 304—5; правила для студентовъ 98—9, 161—2, 229, 256, 303; отношеніе студентовъ къ лекціямъ и наукамъ 89—90, 181—4, 223, 236; практическія занятія 69, 224—8, 259, 264, 271, 287—8, 299, 302, 315; экскурси научныя 307; научно-литературная дѣятельность 92—5, 158—161, 307; студ. хозяйственная организація 97—8; студенческія организаціи (кружки, кассы, читальни и пр.) 96—7, 221—2, 225, 264—6, 271, 307, 315—16; студ. судъ 266; студ. отд. бібліотеки 207, 228, 297, студенческія волненія 163—4, 226, 229—232, 244, 258—5, 260—1, 271, 310—315.
 Субботинъ М. С., проф. 281.
 Судіенко 103.
 Судъ университетскій 14—15, 46, 119, 174, 177, 180, 204, 206, 266—8.
 Сумцовъ Н. Ѳ., проф. 172, 250—1, 257, 268, 277, 299, 312, 320, 322, 326, 328.
 Суворцевъ 6.
 Сухомлиновъ И. И., проф. 35, 64, 84, 99.
 Сухомлиновъ М. И., поч. чл. 159, 168, 269, 297.
 Съезды археологическіе 250, 299, 319—20, 325—9.
 Таліевъ В. И., пр.-доц. 279, 282.
 Тарасовъ, ст. 306.
 Таубе М. А., пр.-доц. 280.
 Тауберъ А. М., проф. 64, 83.
 Тауберъ Л. Я., пр.-доц. 280.
 Твердохлѣбовъ А. Д., 298, 317.
 Театръ анатомическій 56, 72, 75, 293, 296.
 Театры 96, 100.
 Тебеньковъ М. Д., поч. чл. 132.
 Темы медальныхъ сочиненій 89, 160—1, 306.
 Терновскій Ф. А. 195—6.
 Терещевко, поч. чл. 133.
 Тимирязевъ К. А., поч. чл. 268.
 Тимковскій Н. Ѳ., проф. 2, 7—10, 31, 39, 46, 49, 63, 70, 79, 81, 103—4.
 Тимофей, архим. 97.
 Тимофеевъ Т. Е., пр.-доц. 279.
 Тимофеевъ В. Ѳ., проф. 279.

Типографія у-та 8, 9, 47, 73, 109, 114, 170, 180, 214, 210, 294.
 Титаревъ, маг. 53, 81.
 Титовъ В. П., поч. чл. 132.
 Тихій, ст. 306.
 Тихомавдрійскій М. А., проф. 260, 278.
 Тихоновичъ П. В., проф. 133, 136, 154—5, 168, 223.
 Тихоновичъ, Ѳ. В., проф. 134, 168, 174.
 Тихоновичъ, ст. 306.
 Ткачевъ Г. И. 323.
 Толочинновъ Н. Ф., проф. 260, 282, 295, 317.
 Толстой Д. А., мин. 191, 211, 244.
 Товъ А. А., проф. 133, 140.
 Торбеке, поч. чл. 132.
 Триаклеръ Н. П., проф. 282.
 Трифильевъ Е. П., пр.-доц. 278, 326, 328—9.
 Троицкій И. В., проф. 282.
 Трошинскій, ст. 95.
 Труартъ, лект. 278.
 Трубецкой, поч. чл. 38.
 Труды Харьков. предварит. комитета по устройству XII Археол. Съезда 327.
 Трутковский Я. Я., пр.-доц. 280.
 Турбаба Д. П., пр.-доц. 279.
 Туровѣтровъ П. М., рег. 308.
 Турчаниновъ Н. С., поч. чл. 194.
 Тюрийъ 168.
 Тютрюмовъ, чл. суд. пал. 281.
 Тютчевъ, ст. 159.
 Уварова П. С., 299, 328.
 Уваровъ С. С., мин. 19, 24—5, 27, 45, 53, 101, 117, 119—122, 126—8, 132.
 Украинскій Альманахъ 111.
 Украинскій Домоводъ 111.
 Украинскій Вѣстникъ 47, 110, 111.
 Украинскій Журналъ 95, 111.
 Ульянчукъ В. А., пр.-доц. 260, 280.
 Умлауфъ Л. А., проф. 9, 59, 60, 68, 104.
 Урлюпинъ Е. Е. 3, 6.
 Успенскій Г. П., проф. 31, 35, 46, 49, 61, 63, 70, 77—8, 83—5, 96, 98—100, 104, 107, 327.
 Уставъ 1804 г. 12—16, 47, 85—6, 117, 177.
 Уставъ 1835 г. 47, 101, 116—17, 134, 155—6, 161, 165, 174, 177.
 Уставъ 1863 г. 172—7, 180, 183, 195, 199, 205, 220—1, 224, 229, 285, 239.
 Уставъ 1884 г. 228, 241, 243—8, 251—6, 259—62, 264, 266, 269, 273, 275—7, 282, 284, 287, 291, 303—4.
 Устиновъ В. М., пр.-доц. 280.
 Утренняя Звѣзда 111.
 Ученый Зап. Харьк. У-та 111.
 Училища 15, 83, 101—107, 110—111, 117, 118.

- Училище главн. народ. 87.
Училище казенное 2—3.
Училище Пушкинское 322.
Учителя свободныхъ искусствъ 10, 54, 69.
Ушинскій М. Г. 4.
Факультеты: раздѣленіе ихъ на отдѣленія 26, 173, 180, 200, 288—4, 289; засѣданія и дѣятельность ихъ 45, 196—199.
Факультетъ историко-филологическій (словесное отд. или 1-е отд. философ. ф-та) 13, 54, 58—61, 75, 77—9, 88—9, 91, 124, 128, 133—8, 149, 156, 158—9, 161, 173, 176, 179—180, 196—204, 206—208, 210—211, 218, 226—7, 248, 258, 273—4, 276—8, 282—4, 288—290, 297, 300, 305—307, 315.
Ф. физико-матем. (математ. отд. или 2-е отд. философ. ф-та) 13, 26, 54—58, 63—6, 79—80, 82—3, 88—9, 91, 124, 133—4, 138—140, 156—8, 161, 168, 173—4, 179, 203, 207—8, 210—211, 232, 248, 258, 271, 277—9, 282—4, 289—90, 295, 300—302, 305, 315.
Ф. юридическій (этико-полит. отд.) 13, 36, 54, 58, 88—9, 91, 128, 133—4, 140—1, 149, 157—8, 173—6, 179—180, 199—202, 207—208, 210—212, 226, 248, 258, 273—4, 277, 279—281, 283—5, 287—8, 289—290, 292—3, 297, 305, 315.
Ф. медицинскій (врачебное отд.) 13, 40, 45, 56, 58, 66—8, 75, 80—1, 83, 88, 90—1, 115, 123, 126, 130, 133, 135, 141—3, 156—8, 161, 173—4, 179, 189, 198, 204, 207—8, 210—211, 219—220, 226—7, 234, 248, 250, 258—9, 273—5, 277, 281—3, 287—290, 293, 300, 304—5, 315.
Фаминцынъ А. С., поч. чл. 269.
Фатѣевъ А. Н., пр.-доц. 267—8, 280, 307.
Федоренко И. И., проф. 133, 139, 223.
Федоровскій 323.
Ферберъ Ю. А., лект. 278.
Ферейны 320.
Феслеръ 35.
Физаретъ, поч. чл. 132.
Физатѣевъ В. П., пом. 23—4, 26, 30, 36, 39, 44, 52—3, 100.
Филевскій І. І., пр.-доц. 278.
Филимоновъ Ю. Ю., 238—9.
Филиморъ, поч. чл. 132.
Филипповичъ Ф. И., ад. 10, 62.
Филипповъ Н. Н., пр.-доц. 282.
Филомафитскій Е. М., проф. 40, 60—1, 99, 105, 109—10, 112, 168.
Филомафитскій А. М., 167.
Филоновъ Б. Г., 168.
Фихте 49.
Фишеръ, поч. чл. 37, 51.
Фойтъ К. К., пом. 129, 130—1, 153, 177—186, 193, 229.
Фотіевъ, свящ. 4, 11, 12.
Фотій, архим. 18.
Франкъ, поч. чл. 37.
Фурсовъ, ст. 306.
Фусъ, поч. чл. 22, 37.
Халанскій М. Е., проф. 167, 268, 277, 307, 326.
Халанскій 167.
Харитоненко И. Г. 189, 191, 293, 323.
Харичковъ К. В., пр.-доц. 279.
Харьковскія Губ. Вѣдомости 160, 175, 214, 230.
Харьковскій Демокритъ 110—111.
Харьковскій Домоводъ 110.
Харьковскія Извѣстія 110—111.
Харьковская Муза 110.
Харьковскій Статистическій Листокъ 191.
Харьковъ, газ. 214.
Хвостовъ 37.
Хлапонинъ 43, 53, 81.
Хлоповъ, ст. 159.
Ходаловскій 83.
Ходневъ А. И., проф. 139, 143, 149, 153, 169.
Хорватъ, ген. 6.
Христофоръ Сулима, арх. 11, 87.
Хровцевскій Н. А., проф. 198, 201, 220.
Хрущовъ Д. 69, 90.
Хрущовъ И. П., пом. 254.
Хрущовъ К. Д., поч. д-ръ 269.
Хрущовъ Н. А. 323.
Хрущовъ П. Д., пр.-доц. 269, 279.
Хуторъ земледѣльческій 125.
Цахъ, поч. чл. 37.
Цезаріа 33.
Ценковский Л. С., проф. 272, 279.
Церковь университетская 324.
Цертелевъ Н. А., пом. пом. 122, 126—7, 131—2, 158.
Цертелевъ, кн., инт. х. у. 168.
Цингеръ В. Я., поч. чл. 269, 289.
Цыхъ В. Ф., проф. 36, 60—1, 70, 167.
Цыдуринъ 167.
Цѣхановецкій Г. М., проф. 214, 284, 241—2, 272, 280.
Чановъ О. О., проф. 24, 36, 50, 61—2.
Чадовъ, ст. 306.
Чевкинъ К. В., поч. чл. 132.
Чепелкинъ 164.
Черевковъ А. М., 282.
Червай А. В., проф. 133, 139, 141, 143, 149, 151—3, 187, 223.
Черноволотъ, ст. 306.

Черняевъ В. М., проф. 35, 40, 51—2, 64, 72—3, 75, 85, 125, 139, 143, 149, 150, 152, 168, 217.
 Чествованія университетомъ выдающихся дѣятелей 194, 307, 325.
 Чириковъ Г. С. 168, 216.
 Чириковъ А. Д., проф. 281.
 Члены-корреспонденты 13, 179, 193.
 Члены почетныя 13, 36—7, 38, 132—3, 179, 185—7, 193—4, 268—9.
 Чичаговъ, поч. чл. 37, 75.
 Чубинскій М. П., проф. 267—8, 280, 322.
 Чуевскій И. А., пр.-доц. 282.
 Шагинъ А. Ф., проф. 66, 85, 133, 138.
 Шадъ И. Е., проф. 9, 31, 33—4, 37, 41—4, 46, 49, 53, 60—2, 65, 68, 70, 79, 81—2, 85, 110, 176, 200.
 Шауфусъ, поч. чл. 38.
 Швейкартъ Ф. Л., проф. 33, 43, 49, 62, 70, 81.
 Шедви М. И. 323.
 Шепелевичъ Л. Ю., проф. 278, 326.
 Шепфлинъ, уч. 10, 69.
 Шереметевъ, поч. чл. 38.
 Шереръ, поч. чл. 37.
 Шерцъ В. И., проф. 197, 222, 277.
 Шерцъ Р. И., проф. 222, 277—8, 299.
 Шиялоя, поч. чл. 132.
 Шидловскій Гр. 4—5.
 Шидловскій А. П., проф. 133, 139, 152, 167.
 Шилтовъ А. М., проф. 168, 281.
 Шимановъ 160, 168.
 Шимковъ А. П., проф. 168, 197, 205, 214, 222—3, 228, 278, 318, 320, 322.
 Шимкова М. А. 320.
 Ширинскій-Шихматовъ, мин. и поч. чл. 38, 119, 120, 127—8.
 Шишковъ, мин. 17—18, 21, 23, 37, 95, 113.
 Школа ветеринарная при у-тѣ 168.
 Школа ланкастерская 106.
 Школы XVIII в. 2.
 Школы 13, 101—103, 105—6, 108.
 Шкляревичъ 53, 167.
 Шлецеръ, поч. чл. 37.
 Шмерфельдъ Д. И., ад. 10, 64, 68.
 Шнаубертъ И. А., проф. 10, 33, 41, 64, 83.
 Шпитали 2.
 Шпревитцъ 75.

Ширенгель, поч. чл. 37.
 Шредеръ, поч. чл. 38.
 Шрейберъ, поч. чл. 37.
 Шрейдеръ, Е. Е., худ. 317.
 Штейнъ 115.
 Шторхъ, поч. чл. 37.
 Шульцъ Г. Ф., проф. 260, 267—8, 277, 299, 312.
 Шуманъ, маг. 53, 81.
 Шуманъ 115.
 Шумлянский И. М., проф. 31, 46, 50, 66, 72, 83, 104.
 Щеглеевъ С. С., ад. 133, 139, 153, 155.
 Щелковъ, И. П., проф. 153, 155, 168, 192, 223, 232, 248, 255, 269, 281.
 Щербининъ 3.
 Щоголевъ Я. И. 171.
 Эдельбергъ А. Н. 295—6, 322.
 Эйбродтъ П. П., проф. 139, 169.
 Экзамены 57, 177, 246, 264—5, 289—293; экзаменаціонныя комиссіи 291—3; экзаменныя требованія и программы 283—5, 291.
 Экебладъ Х. А., проф. 35, 67, 70—1.
 Эльтековъ А. П., проф. 279.
 Эпидемія холерная 169.
 Эрбенъ, поч. чл. 132.
 Эстампы 8, 75.
 Этнографія, этнографич. работы, коллекціи 170, 299, 326—7; этнографич. музей 296, 319, 328.
 Южный Край, газ. 214.
 Юргевичъ В. Н., проф. 133, 136.
 Юшковъ 6.
 Ягичъ, поч. чл. 204, 268.
 Языковъ, поч. чл. 38.
 Якимовъ, проф. 36, 52, 59, 93, 123, 133, 135, 158—9, 168.
 Якобій В. А., проф. 104—5, 236.
 Якоби Б. С., поч. чл. 132.
 Якобъ Л. К., проф. 33, 37, 40, 43, 49, 63, 68, 79, 81—2, 98, 104, 107—8.
 Ярошевскій, лабор. 323.
 Ярошъ К. Н., проф. 232, 260, 280.
 Ясинскій П. А., проф. 168, 282, 306.
 Ясинопольскій Л. Н., пр.-доц. 280.
 Ястржембекій В. А., пр.-доц. 267, 280.
 Яхимовичъ, д-ръ 53.
 Ядуковичъ Н. Н., проф. 193, 213, 279.
 Оедоровскій, ст. 306.
 Оедотовъ А. А., проф. 123, 133.
 Теофилактовъ К. М., поч. чл. 268.